МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

№ 2 / 2019

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

№ 2 / 2019

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

ОСНОВАН В 2015 ГОДУ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

* * *

E-mail редакции: **mail@histformat.com**
Официальный сайт: **http://histformat.com/**

ISSN 2411-9415

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

ESTABLISHED IN 2015

SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

* * *

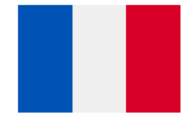
E-mail: **mail@histformat.com**
Website: **http://histformat.com/**

ISSN 2411-9415

Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht die aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung der russischen Geschichte und der Geschichte der anderen Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie die Berichte über die unter der Leitung oder mit Teilnahme der Zeitschrift verlaufenden wissenscahftlichen Veranstaltungen.



La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l’histoire de la Russie et d’autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l’information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

В.И. Кулаков

ТРЕЗУБЦЫ В ЗНАКОВОЙ СИСТЕМЕ ПРУССОВ ЭПОХИ ВИКИНГОВ

Vladimir Kulakov

TRIDDERS IN THE PRUSSIAN SYSTEM OF SIGNS OF THE VIKING AGE 9

П.И. Гайденко

СКОЛЬКО РАЗ КИЕВ ПОДВЕРГАЛСЯ РАЗГРАБЛЕНИЮ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД?

Pavel Gaidenko

HOW MANY TIMES HAD KIEV BEEN LOOTED IN THE PRE-MONGOL PERIOD?. 19

Л.П. Грот

ОБЗОР СОВРЕМЕННОГО НОРМАНИЗМА (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

Lidia Groth

REVIEW OF MODERN NORMANISM (PART ONE) 32

М.Л. Серяков

«В СИНЕМ МОРЕ ЕСТЬ СВЯТОЙ БОЖИЙ ОСТРОВ»:
«БЛИЗОСТЬ К БОГАМ» РАН НА ФОНЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

Mikhail Seryakov

«THERE IS A HOLY ISLAND IN THE BLUE SEA»: THE RANI'S «PROXIMITY TO GODS» AGAINST THE
BACKGROUND OF THE INDO-EUROPEAN TRADITION 46

А.А. Карпенко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНОВ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Andrey Karpenko

USE OF TERMS FOR KINSHIP RELATIONS IN THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN 59

И.М. Тарасов

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В «СКИФСКОЙ ИСТОРИИ» АНДРЕЯ ЛЫЗЛОВА

Ilya Tarasov

EARLY SLAVS AND THEIR NEIGHBORS IN HISTORY OF THE SCYTHIANS BY ANDREI LYZLOV 77

И.Ю. Васильев

САМО: ИНОЗЕМЕЦ И ВОПЛОЩЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО УКЛАДА. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЖИХ М.И. СЛАВЯНСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ САМО И ЕГО «ДЕРЖАВА» (623-658). ИСТОЧНИКИ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ, СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. СПб., 2019. 148 с.

Igor Vasilyev

SAMO: AN ALIEN AND AN EMBODIMENT OF THE SLAVIC WAY OF LIFE.
REVIEW TO THE BOOK SLAVIC RULER SAMO AND HIS ‘EMPIRE’ (623-658). SOURCES, LOCALIZATION, SOCIO-POLITICAL ORGANIZATION, HISTORICAL SIGNIFICANCE, by M.I. ZHIKH (SPb., 2019.148 p.) 86

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ 89

РОСТИСЛАВ БОРИСОВИЧ РЫБАКОВ

28 МАРТА 1938 – 7 АВГУСТА 2019

УМЕР РОСТИСЛАВ БОРИСОВИЧ РЫБАКОВ – ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, КРУПНЫЙ СОВЕТСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ИНДОЛОГ, ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН В 1994-2009 ГГ., ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ». ОН С САМОГО НАЧАЛА ПОДДЕРЖАЛ ИДЕЮ СОЗДАНИЯ НАШЕГО ЖУРНАЛА. ГОТОВИЛ БОЛЬШОЙ МАТЕРИАЛ ПО ИНДИИ В «ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ», НО НЕ УСПЕЛ…

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ, ДОРОГОЙ РОСТИСЛАВ БОРИСОВИЧ!

ТРЕЗУБЦЫ В ЗНАКОВОЙ СИСТЕМЕ ПРУССОВ ЭПОХИ ВИКИНГОВ

В.И. Кулаков
Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764-2260

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
Последние десятилетия в археологической науке развернулась острая дискуссия о происхождении и интерпретации изображений трезубцев, в древнерусской археологии именуемым «знаками Рюриковичей». Основной массив этих знаков, находимых в Восточной Европе и на территории современной Латвии, представлен на подвесках трапециевидной формы, нанесён на различные предметы в виде граффити. Привлечение нового материала, представляющего изображения трезубцев и близких к ним знаков, обнаруженных на различных памятниках археологии Самбии, позволит открыть новую страницу в дискуссии о «знаках Рюриковичей».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: археология пруссов, изображения трезубцев, эпоха викингов.

TRIDDERS IN THE PRUSSIAN SYSTEM OF SIGNS OF THE VIKING AGE

Vladimir Kulakov
Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
19 The Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117036, Russia
e-mail: drkulakov@mail.ru

ABSTRACT
Over the last several decades, a lively discussion unfolded in the archaeological science about the origin and interpretation of the images of tridents which are referred to as 'symbols of the Rurikids' in the ancient Rus archaeology. The bulk of these signs being discovered in Eastern Europe and on the territory of modern Latvia is found on trapezoidal pendants; they are depicted in the form of graffiti on various items. Examination of a new material containing images of tridents and similar marks found on various archeological monuments of Sambia will open a new chapter in the discussion about the symbols of the Rurikids.

KEYWORDS: Prussian archeology, tridents' images, Viking Age.

В последние годы заметно вырос интерес исследователей к проблеме возникновения и начальных этапов развития знаков в виде трезубца, традиционно именуемых в отечественной историографии «знаками Рюриковичей». Этот интерес связан, кажется, в первую очередь с политическими событиями на Украине, чьим гербом с 1992 г. является одна из версий «знаков Рюриковичей» (укр. «тризуб»).

Данные отечественной историографии изображений трезубцев («знаков Рюриковичей»), собранные в новейшей статье С.М. Михеева, свидетельствуют о том, что А.А. Молчанов и С.В. Белецкий, ведущие современные исследователи этого феномена материальной культуры Киевской Руси, воспринимали его исключительно как личные геральдические знаки (знаки собственности, тамги ?) киевских князей IX-XI вв. (Михеев 2014: 45). При этом коллегами совершенно не принимались в расчёт находки изображений трезубцев и конструктивно сходных с ними фигур, сделанные на территории Балтии и Скандинавии, в разное время опубликованные автором этих строк (Кулаков 1987: 116-124; 1988: 106-117; 1994a: 5-11). Кроме того, за последние годы в юго-восточной Балтии были сделаны новые находки элементов знаковой системы, близких трезубцам. В связи с этим, по моему мнению, настало время свести все эти данные воедино и представить версию появления «знаков Рюриковичей» и показать раннюю фазу их развития с учётом находок, сделанных в Калининградской обл. и в сопредельных регионах Балтии. Несмотря на поступательный процесс накопления археологической информации о материальной культуре Древнерусского государства, до сих пор должным образом не оценена роль в этом важнейшем историческом процессе племён Балтии (Кулаков 2009: 155). До сих пор не проводился анализ знаковых систем Руси и Балтии, вообще не ставился вопрос о существовании этих систем. В предлагаемой статье её автор попытается пополнить нашу информацию по указанному вопросу.

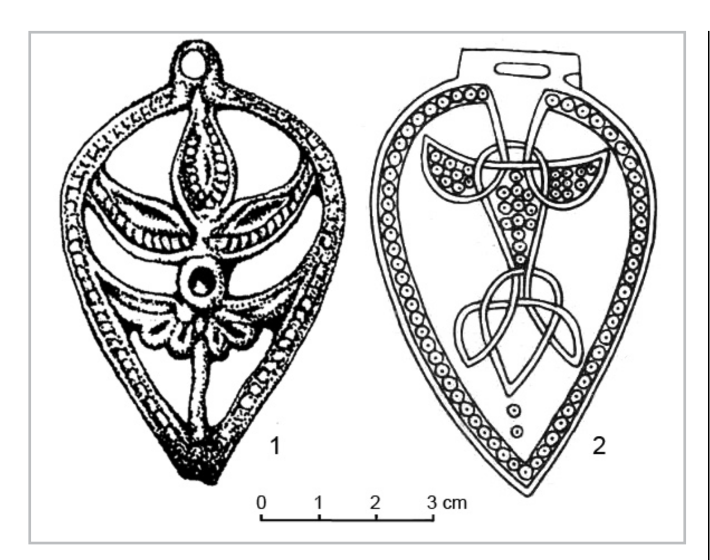


Рис. 1. Миндалевидные подвески в древностях печенегов и пруссов: 1 – бронзовая нагрудная подвеска из женского захоронения в Истрии (Румыния); 2 – железная с серебряным покрытием подвеска конского оголовья из погр. Y-91 могильника Yrzekapinis/Клинцовка-1 (1 - Курта 2013: рис. 6; 2 - Кулаков 1990: табл. LXX).

Наиболее ранним изображением трезубца в прусской культуре является двусоставная плетёная фигура, прорезанная на лицевой поверхности железной посеребренной миндалевидной налобной подвеске конского оголовья, обнаруженной в захоронении самого раннего из трёх коней в придонной части погр. Y-91 грунтового могильника Yrzekapinis/Клинцовка-1 (Зеленоградский р-н Калининградской обл.). По аналогиям ранней формы четвериков ремней конского оголовья, представленных в материале могильника Бирка, данный комплекс датируется сер. X в. (Кулаков 1988: 112). Изображение на упомянутой подвеске представляет собой композицию из двух сопряжённых по вертикальной оси триплетов. Поверхность верхнего триплета заполнена оттисками циркульного штампа, также оформлена и полоса по периметру самой подвески (рис. 1,2). Если в балтийском археологическом материале подвеска из погр. Y-91 аналогов не имеет, то параллель для её формы и изобразительной композиции неожиданно нашлась в составе женского погребального убора печенегов Нижнего Поволжья именно сер. X в. (Курта 2013: 12). Правда, здесь двусоставная композиция носит сугубо растительный характер, однако верхний росток на ажурных парных печенежских подвесках тоже (как и прусские триплеты) трёхчастен. Аналогию подкрепляет сходство формы, размеров и присутствие циркульного декора на указанных вариантах украшений. Многочисленные реминисценции степного происхождения, известные в материалах прусской культуры, прямо свидетельствуют о непосредственных контактах западных балтов и народов Дикого поля, осуществлявшихся в Хв. (Кулаков 1986: 145, 146). Эти контакты стали возможны в результате службы групп прусских воинов в дружинах киевских князей (Кулаков 1987: 120). Прусские мастера-ювелиры, взяв за образец полюбившуюся им форму миндалевидных печенежских подвесок (кстати, входивших в состав женского убора), на своих изделиях, являвшихся центром композиции конских оголовий, представили фигуру из двух триплетов, имевшую, не исключено, некое культовое значение.

Совершенно иные, сугубо линеарные очертания фигур имеют трезубцы (линейные знаки), изображённые на железных (возможно, со следами серебрения) подвесках треугольной формы, входивших в состав конских оголовий жителей Самбии. Изображения на них наносились путём вдавлений, наносимых точечным чеканом на внутреннюю поверхность пластин. В результате получался псевдожемчужный эффект (рис. 2). Основной массив накладок на таких оголовьях (фактических – головных конских панцирях) второй пол. X в. (Кулаков 1988: 114) составляли прямоугольные железные пластины с пилообразным оформлением одной из своих сторон (Кулаков 2016: рис. 121). В местах перекрещения ремней оголовья крепились подвески подтреугольной формы с нанесёнными на них изображениями различных форм трезубцев (рис. 2,1). Также фигуры трезубцев, центральная мачта которых завершается крестом, известны на бронзовых обоймицах, являющихся окончаниями ремней конского оголовья X в., покрытых бронзовыми же накладками в виде криновидного креста (рис. 2,2). Ввиду того, что указанные оголовья сопровождали конские захоронения, можно предположить сакральное предназначение (Кулаков, Калашников 2002: 43-45) упомянутых изображения, являвшихся частью

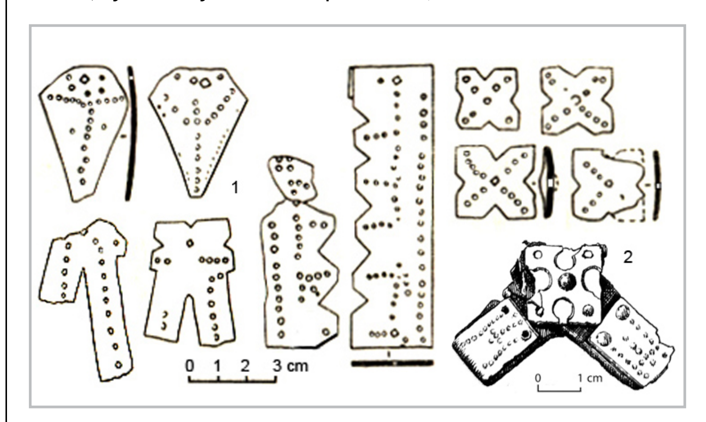


Рис. 2. Накладки с изображениями трезубцев в составе конских оголовий прусских дружинников эпохи викингов: 1 – комплекс железных накладок из погр. Y-83 могильника Yrzekapinis/Клинцовка-1; 2 – бронзовые накладка и наконечники ремней из погр. 41 могильника Bludau-II/Кострово (1 - Кулаков 1992: рис. 1; 2 - Bezzenberger 1914: Abb. 83).

прусской знаковой системы и в целом конструктивно сложных и непригодных к реальному использованию конских оголовий. Они в избытке были снабжены разнообразными накладками, причём – нередко как с лицевой, так и с тыльной стороны. Последний факт пока не имеет своей интерпретации.

Упрощённые линейные формы трезубца, отражённые на приведённых выше накладках, были реализованы раннесредневековыми пруссами на культовых камнях. Если довольно грубо выполненное изображение на «надгробном» камне из захоронения жреца в погр. Y-147 могильника Yrzekapinis/Клинцовка-1 (из заполнения могилы, датируемой по керамическому материалу VIII-IX вв. – Кулаков 1988: 114; 1999: 268) можно считать следами выравнивания лицевой поверхности (рис. 3,2),

Рис. 3. Изображение трезубцев на культовых камнях раннесредневековых пруссов: 1а – фото камня из ограды святилища в уроч. Дубки (Зеленоградский р-н); 1б – прорисовка камня из ограды святилища в уроч. Дубки; 2 – камень («надгробие») из жреческого погр. Y-147 могильника Yrzekapinis/Клинцовка-1 (1а – фото автора; 1б, 2 – Кулаков 1987: рис. 3, 3,4).

то чёткую фигуру трезубца с тремя горизонтальными мачтами, прорезанную на камне из ограды святилища у уроч. Дубки (Зеленоградский р-н) (рис. 3,1а,1б), ничем, кроме культового изображения, считать нельзя (Кулаков 1988: 114). Трезубец на камне в уроч. Дубки напоминает фигуру, нанесённую путем серебряной плакировки на основание пера наконечника копья эпохи викингов из Nętno (woj. pomorskie, Polska) (Cattaneo 2009: fig. 2) и находит прямые аналогии в керамических клеймах, найденных на селище Дружба (Белоруссия) (Заяц 2013: рис. 2,8,9).

Рис. 4. Серебряная подвеска с геральдическим изображением из погр. К-31 могильника Kleine Kaup/Малый Кауп (г. Зеленоградск) (Кулаков 2012: рис. 6).

Плетёное изображение трезубца, близкое трезубцам на подвеске из погр. Y-91, было мною встречено в погр. К-31 могильника Kleine Kaup/Малый Кауп (г. Зеленоградск) на серебряной миндалевидной подвеске (рис. 4). Очевидно, этот предмет входил в состав мужского убора первой пол. XI в. (Кулаков 2016: 68). Важной особенностью изображения на подвеске, интерпретировавшегося мною как условное изображение (знак) почитавшейся пруссами пчелы (Кулаков 2012а: 293), является наличие в центральной части знака, показанного полосами псевдозерни, сдвоенной горизонтальной полосы и двух отростков, отходящих в сторону от верхней части знака (рис. 4). Упомянутый выше элемент плетёнки (швед. bandknut) привлекает к себе внимание не только уникальностью среди остальных деталей памятников прусского прикладного искусства, но и своим многократным повторением в восточноевропейских трезубцах. Молодой, но талантливый археолог Михаэль Найсс обратил внимание на этот bandknut (в его основе – миндалевидная фигура), представленный на готландской равноплечной фибуле нач. X в., обнаруженной в г. Елец (Воронежская обл.) (рис. 5,1а,1б). Немецкий коллега совершенно справедливо отметил повторение этого декоративного плетёного узла на ряде фигур плетёных

Рис. 5. Варианты изображений трезубцев и родственных по значению фигур в древностях Скандинавии и Восточной Европы: 1а – фрагмент серебряной с чернением фибулы из Ельца (Воронежская обл.); 2 – медная подвеска (Черниговская обл.); 3 – медная подвеска (Витебская обл.); 4 – медная подвеска (Велижский р-н Смоленской обл.); 5 – прорисовка изображения на костяном изделии из Жовнинского городища (Чернобаевский р-н Черкасской обл.); 6 – деталь серебряного наконечника ножен меча из кург. 4 группы II курганного могильника Krimuldos Liepenų (Латвия); 7 – серебряная подвеска из камерного погр. 6 во Пскове; 8а,б – бухарский диргем 957/948 (?) гг. из клада в Черниговской обл.; (1a,b - Neiß, Wärmländer, Sholts 2012: fig. 14,b,c; 2-4 – Белецкий 2015: рис. 2, кат. №№ 146, 158, 162; 5, 6 – Спиргис 2013: рис. 12,2; 7 – Комар 2016: іл. 5; 13; 8а,б – Kovalev 2015: fig. 7).

трезубцев, конструктивно напоминающих фигуры птиц и представленных на медных древнерусских подвесках (Neiß, Wärmländer, Sholts 2012: 164, 166). На них повторяются и миндалевидная фигура, отростки, направленные в противоположную сторону от мачт трезубца (как и на подвеске из погр. К31), и крестовидная деталь (рис. 5,2-4), трансформировавшаяся из процветшего ростка в явно растительном декоре на упомянутой выше готландской фибуле (рис. 5,1б). Учитывая доказанную М. Найссом хронологическую последовательность возникновения упомянутого элемента плетёнки, и древнерусские подвески, и, тем более, прусская подвеска из погр. К31 датируются временем после нач. X в. С.Ю. Каинов и О.М. Олейников, не зная о выводах М. Найсса, вслед за В.Н. Зоценко определили упомянутую выше деталь орнамента в виде «отростков» как один из признаков продукции древнерусской изобразительной школы Б (по Р.С. Орлову). По их мнению, роскошно декорированная продукция школы Б изготавливалась в Среднем Поднепровье и на Новгородчине в последней четверти X – XI вв. (Каинов, Олейников 2015: 222). Как засвидетельствовано в наблюдении М. Найсса, декоративная школа Б формировалась под скандинавским влиянием.

Самым поздним в Балтии образцом трезубца (уже окончательно превратившегося в плетёное изображение птицы) с растительными отростками является фигура на серебряном наконечнике ножен меча из Krimuldos Liepenių, датируемом поздним XI в. (Спиргис 2013: 81). Древнерусские трезубцы могут, сохраняя «растительные» отростки, утрачивать крестообразное навершие (рис. 5,5). Напротив, некоторые изображения на трапециевидных подвесках представляют собой отрубленную (?) голову птицы, увенчанную крестом (рис. 5,7). Подобная фигура найдена на имитации диргема в готландском кладе 952/953 гг. (Кулаков 1994а: 6). Аналогичная фигура процарапана на подвеске, сделанной из диргема и несущей на обратной стороне двузубец (рис. 5,8а,8б). Такая П-образная фигура долгое время считалась знаком князя Святослава, однако С.Е. Рассадин доказал её существование не ранее сер. X в. и отверг её принадлежность упомянутому киевскому князю (Рассадин 2012: 38). Усекновение голов людям в процессе жертвоприношения было известно в древности кельтам и германцам (Кулаков 2012б: 2104, 205), с римского времени головы людей и животных как результаты жертвенных акций местным богам известны в западнобалтской археологии и фольклоре (Кулаков 2012б: 204, 205; Wadyl 2013: 270, 271).

Наконец, следует обратить внимание на максимально близкие к реалистическим образцам изображения птиц, композиционно соответствующие очертаниям трезубца. Уникальный комплекс фигур представлен на наконечнике ножен меча из Svarta Jorden (рис. 6,1) типа Paulsen «с мотивом птицы». Здесь птица расположена хвостом вверх, что ещё более сближает её с фигурой трезубца. С.Ю. Каинов совершенно справедливо отмечает наличие фигуры человека, наложенное на фигуру птицы из Svarta Jorden (Каинов 2009: 93). Эта находка датируется в диапазоне 900-940 гг. (Амбросиани, Андрощук 2006: 4). Рудименты человеческой фигуры С.Ю. Каинов видит и в наконечниках с «распятой» пти-

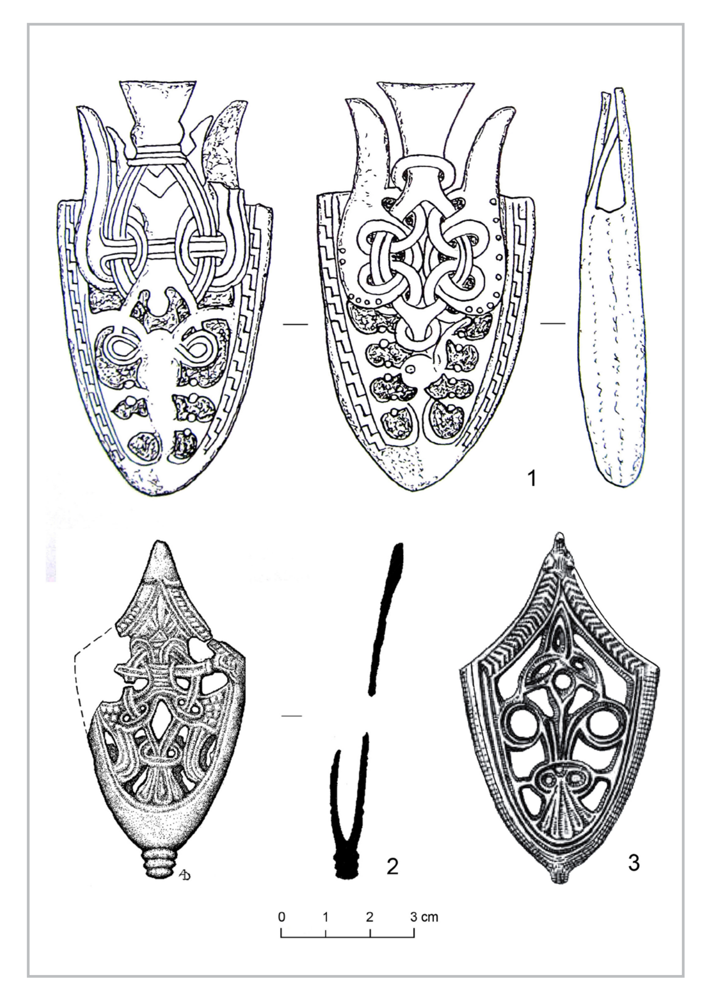


Рис. 6. Различные версии изображения птицы на наконечниках ножен мечей эпохи викингов: 1 – поселение Svarta Jorden (Birka); 2 – случайная находка на селище Гнёздово (Смоленская обл.); 3 – Gdynia-Oksywie (gdańskie woj., Польша); (1 – Androshchuk 2014: fig. 98,3; 2 – Каинов 2009: рис. 8,1; 3 – Janowski 2012: rус. 3).

цей (рис. 6,2), считая их продуктом балтских мастеров и вслед да П. Паульсеном датируя их второй пол. X в. (Каинов 2009: 95). На мой взгляд, изображение «распятой» птицы, эвентуально связанное с фигурами обезглавленной птицы на наконечнике из Svarta Jorden, также, как и упомянутая фигура из Бирки, лишены сколько-нибудь реалистического изображения головы. Вместо этого головы птиц на наконечниках рассечены на две симметричные части (получился эффект двуглавой птицы), они «представляют принесённую в жертву, рассеченную вертикально птицу на последнем этапе культового действа… Данное изображение стало символом власти князя, приносившего жертву богам за процветание подвластной ему дружины» (Кулаков 1994а: 6). По целому ряду признаков к упомянутым наконечникам ножен мечей с «распятой» птицей восходят балтские по своему происхождению наконечники типа Kazakevičius Ib2 (рис. 6,3), датируемые кон. X-XI в. (Janowski 2012: 10).

Упомянутые наконечники различных типов объединяются изображением на их сторонах ажурных фигур распластанных птиц. Генезис этой формы произошёл в Скандинавии в первой пол. X в. и совместил идеи жертвоприношения человека и птицы. На наконечниках типа Paulsen «с мотивом птицы», характерных для Балтии второй пол. X в., от фигуры человека остались лишь раскинутые в стороны руки, подчёркивающие «распятость» птицы, голова которой рассечена. Наконец, собственно балтские наконечники типа Kazakevičius Ib2 несут упрощённую фигуру птицы, голова которой заменена триплетом (дисл. «valknut»), что указывает на сакральный характер этого изображения. Среди украинских археологов ныне укрепилось мнение о христианском характере этого знака, якобы символизирующего троицу (Комар 2016: 36). Такую трактовку триплета, венчающего на наконечниках ножен меча типа Kazakevičius Ib2 стилизованное изображение обезглавленной жертвенной птицы, изготовленное мастерами в ареале, не затронутом миссионерской деятельностью, признать никак невозможно. Наконечники ножен мечей указанных двух типов с изображениями жертвенных птиц распространены не только в Балтии, но и встречены на Балканах, где связываются с инвентарём наёмных воинов охраны византийского базилевса (Yotov 2016: 244).

Ещё в 1988 г. я предположил появление самого раннего изображения распластанной жертвенной птицы с рассечённой головой (для скандинавов – связанный и на севере Европы, и в Балтии с солнечным культом петух – Петрухин 1976: 163) на деревянном цилиндре из Старой Ладоги (нач. IX вв.). Далее, в IX в. такие изображения, трансформирующиеся путём стилизации через упрощение в линейные знаки в виде трезубцев, представлены в качестве граффити на диргемах, встреченных в составе восточноевропейских кладов. Как и граффити на стенах христианских храмов (Кулаков, Луков, Торопыгина 2008: 185), граффити на диргемах имели сакральное, возможно – охранительное значение. Современные восточноевропейские исследователи граффити в виде трезубцев интерпретируют как личные знаки киевских князей (прежде всего – Владимира Святославича), а прорезанные соответственно на обороте диргема сложносоставные фигуры в виде «мечемолота» или «мечетрезубца» - воспринимают как «воплощение юридической и военной силы (право меча) и сокровенной харизмы (…) высшей княжеской власти» (Кулешов, Гомзин, Плавинский 2012: 21). Авторы этой гипотезы близки к истине, так как фигура трезубца на одной из сторон диргемов действительно связана с харизмой князя, правда, не военно-административной, а духовной, основанной на культовой практике жертвоприношения. Ведь наряду с «мечемолотами» или «мечетрезубцами» на диргемах присутствуют и изображения жертвенного (?) ножа и ритона, к «юридической и военной силе» отношения не имевшие. При этом на подвеске из городища Kaukai (Alitus raj., Lietuva) ритон покоится на трёхлопастном кресте, что подчёркивает связь этого статусно значимого предмета с Тором-Перкуно (Кулаков 1988: 112, рис. 6,8,9). Правда, в современной польской археологии возникла теория о том, что лопастные и неравносторонние кресты, представленные, в частности, на топорах, являются символом воинского (дружинного ?) статуса их владельцев (Kotowicz 2013: 51). При этом польский коллега не знает об интерпретации топоров с различными культовыми изображениями (в том числе – и с крестами) как жертвенного оружия, игравшего важную роль при исполнении религиозных обрядов (Кулаков, Скворцов 2000: 188,

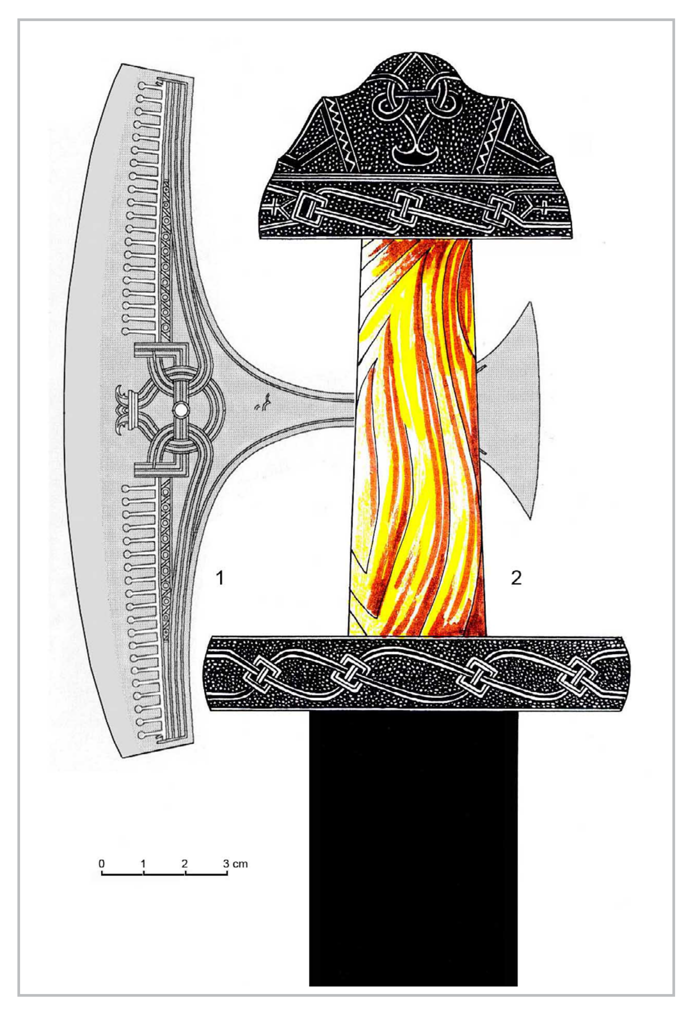


Рис. 7. Реконструкции изображений жертвенных птиц на оружии пруссов эпохи викингов: 1 – секира из могильника Laptau/Муромское (Зеленоградский р-н); 2 – погр. 53 могильника Linkuhnen/Ржевское (Славский р-н); (1, 2 – реконструкции автора по: La Baume 1941: Abb. 2, 3b).

рис. 7,5). Р.К. Ковалёв считает кресты со стреловидным завершением мачт (в том числе – и на диргемных граффити с отрубленной головой жертвенной птицы) принадлежностью христианской традиции (Kovalev 2015: 180), совершенно не учитывая очевидной связи этой фигуры с культом Тора/Перкуно/Перуна (Paulsen 1956: 216, 217).

Все перечисленные выше предметы, прочерченные вместе с трезубцами на диргемах («мечетрезубцы» - третья четверть X в., «мечемолоты» - ок. 970-980 гг. - Кулешов, Гомзин, Плавинский 2012: 21), связаны с церемонией жертвоприношения Тору-Перуну-Перкуно и одновременно олицетворяют его сакральную мощь. Княжеская функция жертвоприношения, символы которого представлены на граффити с охранительными функциями (сакральная охрана клада, обозначение его жертвенного характера или его принадлежность), подчёркивается изображением на них меча – символа княжеской власти, обозначение сверхъестественных мистических способностей, которые приписывались военачальникам в эпоху викингов (Цепков 2013: 137). Возможно, авторы рисунков сопоставляли меч князя с волшебным молотом Тора.

Примечателен факт распространения как диргемов с граффити в виде трезубцев, так и литых трапециевидных подвесок с изображением одного или двух трезубцев (двузубцев) только на территории Древнерусского государства и в тех частях Европы, племена которых платили Киеву дань (например – ливы области Видземе на территории совр. Латвии или жители Пермского края – Белавин 2015: 41). Такая специфика позволяет с уверенностью предполагать связь указанных выше артефактов и, соответственно, изображений на них, с культурой Древней Руси. В юго-восточной Балтии подобные находки не обнаружены. Тем не менее, в археологическом материале пруссов XI в. имеются два изображения обезглавленной жертвенной птицы, причём – на весьма престижных предметах вооружения (рис. 7), непосредственно связанных с древностями местной дружины.

Таким образом, можно констатировать развитие образа жертвенной птицы (петух, приносившийся в жертву Тору/Перкуно/Перуну) в двух направлениях (группы 1 и 2) – в виде схематически представленного линейного или плетёного трезубца, самые ранние изображения (IX в.) которого представлены в исторической Пруссии, и в виде обезглавленной (с разъятой головой) птицы. В последнем случае приоритет принадлежит скандинавской традиции (Старая Ладога, IX в.). После середины X в. трезубцы (и двузубцы) группы 2 тиражируются в виде граффити на диргемах и на подвесках. Если в первом случае указанные знаки носили сугубо культово-охранительный характер, то во втором случае линейные знаки могли служить эмблемой (с мистическим оттенком) княжеской власти и отмечали, например, факт выплаты налога (дани) определённой территориальной единицей или же группой данников Киевскому князю. С.М. Михеев предположил принадлежность подвесок с трезубцами княжьим чиновникам (вирникам и проч.) (Михеев 2014: 59). Семантически сходную с обозначением факта выплаты дани функцию подвесок со «знаками Рюриковичей» предположил С.В. Белецкий, трактовавший подвески как показатель полномочий княжеского администратора (Белецкий 2015: 225). Правда, наш ленинградский коллега датировку этих подвесок основал на персонализации принадлежности знаков к определённым князьям. На мой взгляд, излишняя вариативность трезубцев на предметах IX-X вв. не позволяет связать их с княжескими персоналиями. В частности, академик Б.А. Рыбаков, которому в 1983 г. я показал фото камня с трезубцем из уроч. Дубки, посчитал его свидетельством распространения власти князя Владимира Святославича на землю пруссов, что не соответствует исторической реальности. Другой пример, указывающий не деперсонифицированный характер «знаков Рюриковичей» X в. – присутствие двузубца и трезубца на топоре из Шекшово-9 (окрестности г. Суздаль). Этот «парадный» топорик являлся не обозначением высокого административного положения некоего воеводы кон. X – нач. XI вв. (Белецкий 2014: 67), а деперсонифицированным знаком мистической княжеской власти, покоящейся на праве принесения князем жертвы (её показатель – жертвенные топоры и мечи пруссов с изображениями птиц и козлов) за процветание подвластного ему народа (Кулаков 1993: 121-123).

Тем временем в X-XI вв. знаки группы 1, семантически близкие по смысловой нагрузке знакам группы 2, представлены на наконечниках ножен мечей типов Paulsen

вернуться к оглавлению ▲

«с мотивом птицы» и Kazakevičius Ib2. Распластанное положение жертвенной птицы на этих наконечниках акцентировалось раскинутыми в стороны человеческими руками (рудимент прототипа из Svarta Jorden – см. выше, повторённый и на распятии на камне в Jelling – Кулаков 1988: 107). Подобная деталь отмечена и на изображении двузубца на костяной шайбе из Саркела (Кулаков 1988: рис. 6,1), что косвенно свидетельствует о дате этой шайбы не ранее X в. Более того, центральная деталь птиц на изображениях группы 1 (миндалевидная плетёная фигура, пронизанная креплениями крыльев) повторена на значительной части трезубцев на подвесках и монетах. Традиция изображения этой детали оказалась столь устойчива, что указанная миндалевидная фигура в конечном итоге оказалась на гербе совр. Украины. Как и трезубцы, изображения группы 2 (фигуры «распятой» птицы, символа княжеской жертвы), обладали, несомненно, охранительной функцией. Возможно, они были представлены не только на ножнах мечей, но и на щитах участников движения викингов. Тогда объясним известный пассаж из Повести Временных лет о завершении похода на Константинополь, совершённого князем Олегом в 907 г.: «И повеси щит свой въ вратах показуа победу, и поиде от Царяграда» (ПВЛ 2007: 17). Тем самым князь даровал столице Византии свою мистическую защиту.

Итак, привлечение данных об изображениях трезубцев, происходящих из прусского ареала, свидетельствует в пользу культового характера этих знаков, об их зарождении не на территории Киевской Руси, но в Балтии. Косвенным выводом из анализа форм прусских трезубцев является положение о деперсонификации (во всяком случае – в X в.) этих знаков культовой власти князей. Разнообразность детализации знаков X в. связана с тем, что, выдававшиеся, очевидно, главам заплатившим ежегодную подать киевскому князю общностей, подвески со знаками не должны были быть одинаковыми. Если на Руси с принятием христианства трезубцы на самом деле утратили своё мистическое значение и превратились в княжеские тамги, то на севере нашего континента и в Балтии изображения жертвенной птицы, по смыслу близкие трезубцам, сохраняли свою первоначальную семантику и в XI в. С мигрировавшей за пределы своей родины части прусской дружины в XII в. (Кулаков 1994б: 154) изображения трезубцев стали известны населению Центральной Литвы. Возможно, именно благодаря этому по сей день в Литве одним из государственных символов является прямолинейная версия трезубца, именуемая неофициально «столбы Гедимина» (лит. “Gediminas stulpai”, на монетах Великого Княжества Литовского – после 1386 г. – Вяроўкін-Шэлюта 2005: 21).

ЛИТЕРАТУРА

Амбросиани, Андрощук 2006 - Амбросиани Б., Андрощук Ф. Вооружение и восточные контакты Бирки // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування давньоруської держави). Матеріали міжнародного польового археологічного семінару. Чернигів: Сіверяньска старина, 2006. С. 3-16.

Белавин 2015 - Белавин А.М. Знаки Рюриковичей из пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. X. Пермь: Пермский Государственный педагогический университет, 2015. С. 36-45.

Белецкий 2014 - Белецкий С.В. Топорик из Суздальского Ополья // Stratum plus. 2014. № 6. С. 65-72.

Белецкий 2015 - Белецкий С.В. Новые находки геральдических подвесок X-XI вв. // Stratum plus. 2015. № 6. С. 215-229.

Вяроўкін-Шэлюта 2005 - Вяроўкін-Шэлюта У. Колюмны // Великае Княства Литоўскае. Энцыклапедыя у 3 т. Т. 2. Минск: Беларуская Энцыклапедыя ім. П. Броўкі, 2005. С. 21-22.

Заяц 2013 - Заяц Ю.А. Сельские поселения центральных районов Беларуси X – первой половины XIII вв. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 24. Мінск: Беларуская навука, 2013. С. 56-67.

Каинов 2009 - Каинов С.Ю. Наконечники ножен меча из Гнёздова // Acta Militaria Mediaevalia. Vol. V. Kraków; Sanok: Muzeum Historyczne w Sanoku, 2009. С. 79-109.

Каинов, Олейников 2015 - Каинов С.Ю., Олейников О.М. Модель для изготовления деталей наконечника ножен мечей (Власьевский 2 раскоп, Великий Новгород) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 29. Великий Новгород: Новгородский государственный музей-заповедник, 2015. С. 217-225.

Комар 2016 - Комар О. Княжі знаки з Десятинної церкви. Київ: Музей історії Десятинної церкви, 2016. 45 с.

Кулаков 1986 - Кулаков В.И. Степные реминисценции у раннесредневековых сембов // Волжская Булгария и Русь. Казань: Татарское книжное издательство, 1986. С. 139-148.

Кулаков 1987 - Кулаков В.И. Пруссы и восточные славяне // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. М.: Институт археологии АН СССР, 1987. С. 116-124.

Кулаков 1988 - Кулаков В.И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX-XI вв. // Советская археология. 1988. № 3. С. 106-117.

Кулаков 1990 - Кулаков В.И. Древности пруссов VI-XIII вв. Свод археологических источников. Вып. Г1-9. М.: Наука, 1990. 167 с.

Кулаков 1992 - Кулаков В.И. Конское снаряжение пруссов X-XI вв. (проблема относительной хронологии деталей оголовья) // Lietuvos archeologija. Т. 9. Vilnius: Academia, 1992. С. 137-143.

Кулаков 1993 - Кулаков В.И. Культовое оружие балтов и славян X-XII вв. // Slavia Antiqua. T. XXX. R. 1991/92. Poznań: Towarzystwo Przyjacól nauk, 1993. С. 115-130.

Кулаков 1994а - Кулаков В.И. Предшественники эмблемы Византии // Гербовед. 1994. № 5-6. С. 5-11.

Кулаков 1994б - Кулаков В.И. Пруссы (V-XIII вв.). М.: Геоэко, 1994. 214 с.

Кулаков 1999 - Кулаков В.И. Ирзекапинис // Stratum plus. 1999. № 5. С. 211-273.

Кулаков 2009 - Кулаков В.И. Балтия в IX в. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 155-171.

Кулаков 2012а - Кулаков В.И. Подвеска с геральдической фигурой из погр. К31 могильника Кляйне Кауп (полуостров Самбия) // Stratum plus. 2012. № 5. С. 287-295.

Кулаков 2012б - Кулаков В.И. Неманский янтарный путь в эпоху викингов. Калининград: Музей янтаря, 2012. 222 с.

Кулаков 2016 - Кулаков В.И. Пруссы эпохи викингов. Жизнь и быт общины Каупа. М.: Книжный мир, 2016. 350 с.

Кулаков, Калашников 2002 - Кулаков В.И., Калашников Е.А. Оголовья коней Доллькайма // Краткие сообщения Института археологии. 2002. Вып. 213. С. 38-49.

Кулаков, Луков, Торопыгина 2008 - Кулаков В.И., Луков В.А., Торопыгина М.Ю. Граффити // Новая Российская Энциклопедия. Т. V. Кн. 1. М.: Издательство «Энциклопедия», 2008. С. 185-186.

Кулаков, Скворцов 2000 - Кулаков В.И., Скворцов К.Н. Топорик из Варген (ранговое оружие последних язычников Европы) // Slavia Antiqua. T. XLI. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjacól Nauk, 2000. С. 173-189.

Кулешов, Гомзин, Плавинский 2012 - Кулешов В.С., Гомзин Н.А., Плавинский Н.А. Новые материалы к истории древнейшей русской геральдики: восточноевропейские граффити с «молотками Тора» // Геральдика – вспомогательная историческая дисциплина. Семинар. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2012. С. 12-23.

Курта 2013 - Курта Ф. Образ и археология печенегов // Stratum plus. 2013. № 5. С. 1-32.

Михеев 2014 - Михеев С.М. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 45-63.

ПВЛ 2007 - Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва; Под редакцией В.П. Адриановой-Перетц. Третье издание (подготовил М.Б. Свердлов). СПб.: Наука, 2007. 670 с.

Петрухин 1976 - Петрухин В.Я. Погребения знати эпохи викингов // Скандинавский сборник. Вып. XXI. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1976. С. 159-165.

Рассадин 2012 - Рассадин С.Е. Μολυβδοφυλλων Святослава и «генеалогия» знаков Рюриковичей // Матэрыялы па археалогii Беларусi. Вып. 23. Археалагiчныя даследаваннi на тэрыторыi Беларусi у 2009-2010 гадах. Мiнск: Друк «ДеполiС», 2012. С. 38-48.

Спиргис 2013 - Спиргис Р. Растительный орнамент древних ливов – декор или христианская символика? // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. IX. Мiнск: Галiяфы, 2013. С. 73-111.

Цепков 2013 - Цепков А.И. Вооружение викингов в IX-XI веках (по исландским сагам и «Кругу Земному»). Рязань: Александрия, 2013. 319 с.

Androshchuk 2014 - Androshchuk A. Viking swords. Swords and social aspects of weaponry in Viking age societies. Stockholm: Svenska Historiska Museet, 2014. 221 s.

Bezzenberger 1914 - Bezzenberger A. Fundberichte. Gräberfeld bei Bludau, Kr. Fischhausen // Prussia. Bd. 23. H. 1. Königsberg: In Komission bei Gräfe und Unzer, 1914. S. 219-249.

Cattaneo 2009 - Cattaneo G. The Scandinavians in Poland: a re-evaluationof perceptions of the Vikings // Brathair. 2009. Vol. 9 (2). S. 2-14.

Janowski 2012 - Janowski A. Trzewiki pochew mieczy pochodzenia bałtyjskiego znalezione na wspólcechnych ziemiach polskich // Pruthenia. 2012. T. VII. S. 7-35.

Kotowicz 2013 - Kotowicz P.N. The Sign of the Cross on the Early Medieval Axes - A Symbol of Power, Magic or Religion? // Marek L. (ed.). Weapons bring peace? Warfare in medieval and early modern Europe. Wratislavia Antiqua. Vol. 18. Wrocław: Wrocławska Drukarnia Naukowa PAN, 2013. S. 41-56.

Kovalev 2015 - Kovalev R.K. Where did Rus' grand princess Olga's falcon find its cross? // Archivum Eurasii medii aevi. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2015. Vol. 21.

La Baume 1941 - La Baume W. Zur Technik der Verziehrung ostpreußischer Waffen der Wikingerzeit // Alt-Preußen. 6. Jg. H. 2. Königsberg: Prussia-Museum, 1941. S. 22-29.

Neiß, Wärmländer, Sholts 2012 - Neiß M., Wärmländer S., Sholts S. 3D-laserskanning som verktyg vid vikingatidsstudier // Viking. Norsk arkeologisk årbok. B. LXXV. Oslo: Norsk Arkeologisk selskap, 2012. S. 145-180.

Paulsen 1956 - Paulsen P. Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1956. 2333 s.

Wadyl 2013 - Wadyl Sł. Znaczenie głowy w kulturze i religii Prusów // Gardeła L., Kajkowski K. (red.). Motyw głowy w dawnych kulturach w perspektiwie porównawczej. Bytów: Muzeum Zachodniokaszubskie w Bytówie, 2013. S. 264-279.

Yotov 2016 - Yotov V. Traces of the Presence of Scandinavian Warriors in the Balkans // eds. Androschuk F., Shepard J., White M. Byzantium and the Viking World (Acta Universitatis Upsaliensis Studia Byzantina Upsaliensia. 16). Uppsala: Uppsala Universitet, 2016. S. 241-253.

REFERENCES

Ambrosiani, Androshchuk 2006 - Ambrosiani B., Androshchuk F. Vooruzhenie i vostochnye kontakty Birki [Arms and east contacts of the Birka], in: Rus' na perekhresti svitiv (mezhnarodni vplivi na formuvannya davn'orus'koi derzhavi). Materiali mizhnarodnogo pol'ovogo arheologichnogo seminaru [Russia at the intersection of cultures. Materials of the international archaeological seminar], Chernihiv, Siveryan'ska starina Publ., 2006, pp. 3-16 [in Russian].

Androshchuk 2014 - Androshchuk A. Viking swords. Swords and social aspects of weaponry in Viking age societies, Stockholm, Svenska Historiska Museet Publ., 2014, 221 p. [in English].

Belavin 2015 - Belavin A.M. Znaki Ryurikovichej iz permskogo Predural'ya [Signs of Ryurik dynasty from the Perm Cis-Urals], in: Trudy Kamskoj arheologo-etnograficheskoj ekspedicii. Vyp. X [Works of the Kama arkheologo-ethnographic expedition. Release X], Perm, Permskij Gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet Publ., 2015, pp. 36-45 [in Russian].

Beleckij 2014 - Beleckij S.V. Toporik iz Suzdal'skogo Opol'ya [Hatchet from Suzdal Opolya], in: Stratum plus, 2014, № 6, pp. 65-72 [in Russian].

Beleckij 2015 - Beleckij S.V. Novye nahodki geral'dicheskih podvesok X-XI vv. [New finds of heraldic suspension brackets of the 10-11th centuries], in: Stratum plus, 2015, № 6, pp. 215-229 [in Russian].

Bezzenberger 1914 - Bezzenberger A. Fundberichte. Gräberfeld bei Bludau, Kr. Fischhausen [Burial ground near Bludau], in: Prussia. Bd. 23. H. 1 [Prussia. Volume 23. Part 1], Königsberg, In Komission bei Gräfe und Unzer Publ., 1914, pp. 219-249 [in German].

Cattaneo 2009 - Cattaneo G. The Scandinavians in Poland: a re-evaluationof perceptions of the Vikings, in: Brathair, 2009, Volume 9 (2), pp. 2-14 [in English].

Cepkov 2013 - Cepkov A.I. Vooruzhenie vikingov v IX-XI vekah (po islandskim sagam i «Krugu Zemnomu») [Arms of Vikings in the 9-11th centuries (according to the Icelandic sagas and «Circle the Terrestrial»)], Ryazan, Aleksandriya Publ., 2013, 319 p. [in Russian].

Janowski 2012 - Janowski A. Trzewiki pochew mieczy pochodzenia bałtyjskiego znalezione na wspólcechnych ziemiach polskich [Shells of swords of the Baltic origin are found on the general Polish lands], in: Pruthenia, 2012, Volume VII, pp. 7-35 [in Polish].

Kainov 2009 - Kainov S.Yu. Nakonechniki nozhen mecha iz Gnyozdova [Tips of a sheath of a sword from Gnezdovo], in: Acta Militaria Mediaevalia. Volume V, Kraków; Sanok, Muzeum Historyczne w Sanoku Publ., 2009, pp. 79-109 [in Russian].

Kainov, Olejnikov 2015 - Kainov S.Yu., Olejnikov O.M. Model' dlya izgotovleniya detalej nakonechnika nozhen mechej (Vlas'evskij 2 raskop, Velikij Novgorod) [Model for production of details of a tip of a sheath of swords (the Vlasyevsky 2nd excavation, Veliky Novgorod)], in: Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya. Vyp. 29 [Novgorod and Novgorod earth. History and archeology. Release 29], Veliky Novgorod, Novgorodskij gosudarstvennyj muzej-zapovednik Publ., 2015, pp. 217-225 [in Russian].

Komar 2016 - Komar O. Knyazhi znaki z Desyatinnoї cerkvi [Princely signs from Church of the Tithes], Kiev, Muzej istoriї Desyatinnoї cerkvi Publ., 2016, 45 p. [in Russian].

Kotowicz 2013 - Kotowicz P.N. The Sign of the Cross on the Early Medieval Axes - A Symbol of Power, Magic or Religion?, in: Marek L. (ed.). Weapons bring peace? Warfare in medieval and early modern Europe, Wratislavia Antiqua, Volume 18, Wrocław, Wrocławska Drukarnia Naukowa PAN Publ., 2013, pp. 41-56 [in English].

Kovalev 2015 - Kovalev R.K. Where did Rus' grand princess Olga's falcon find its cross?, in: Archivum Eurasii medii aevi, Wiesbaden, Harrassowitz Verlag Publ., 2015, Volume 21 [in English].

Kulakov 1986 - Kulakov V.I. Stepnye reminiscencii u rannesrednevekovyh sembov [Steppe reminiscences at early medieval semb], in: Volzhskaya Bulgariya i Rus' [Volga Bulgaria and Russia], Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1986, pp. 139-148 [in Russian].

Kulakov 1987 - Kulakov V.I. Prussy i vostochnye slavyane [Old Prussians and east Slavs], in: Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoj arheologii. T. III [Works V of the International congress of Slavic archeology. Volume III], Moscow, Institut arheologii AN SSSR Publ., 1987, pp. 116-124 [in Russian].

Kulakov 1988 - Kulakov V.I. Ptica-hishchnik i ptica-zhertva v simvolah i emblemah IX-XI vv. [Bird predator and bird victim in symbols and emblems of the 9-11th centuries], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1988, № 3, pp. 106-117 [in Russian].

Kulakov 1990 - Kulakov V.I. Drevnosti prussov VI-XIII vv. Svod arheologicheskih istochnikov. Vyp. G1-9 [Antiquities of Old Prussians of the 6-13th centuries. Arch of archaeological sources. Release of G1-9], Moscow, Nauka Publ., 1990, 167 p. [in Russian].

Kulakov 1992 - Kulakov V.I. Konskoe snaryazhenie prussov X-XI vv. (problema otnositel'noj hronologii detalej ogolov'ya) [Horse equipment of Old Prussians of the 10-11th centuries], in: Lietuvos archeologija. T. 9 [Lithuanian archeology. Volume 9], Vilnius, Academia Publ., 1992, pp. 137-143 [in Russian].

Kulakov 1993 - Kulakov V.I. Kul'tovoe oruzhie baltov i slavyan X-XII vv. [Cult weapon of Balts and Slavs of the 10-12th centuries], in: Slavia Antiqua, Volume XXX, R. 1991/92, Poznań, Towarzystwo Przyjacól nauk Publ., 1993, pp. 115-130 [in Russian].

Kulakov 1994a - Kulakov V.I. Predshestvenniki emblemy Vizantii [Predecessors of an emblem of Byzantium], in: Gerboved [Research of the coats of arms], 1994, № 5-6, pp. 5-11 [in Russian].

Kulakov 1994b - Kulakov V.I. Prussy (V-XIII vv.) [Old Prussians (5-13th centuries)], Moscow, Geoeko Publ., 1994, 214 p. [in Russian].

Kulakov 1999 - Kulakov V.I. Irzekapinis, in: Stratum plus, 1999, № 5, pp. 211-273 [in Russian].

Kulakov 2009 - Kulakov V.I. Baltiya v IX v. [The Baltic in the 9th century], in: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. XLIX. Slozhenie russkoj gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoj istorii Starogo sveta [Works of the State Hermitage. Volume XLIX. Addition of the Russian statehood in the context of early medieval history of the Old World], St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2009, pp. 155-171 [in Russian].

Kulakov 2012a - Kulakov V.I. Podveska s geral'dicheskoj figuroj iz pogr. K31 mogil'nika Klyajne Kaup (poluostrov Sambiya) [Suspension bracket with a heraldic figure from burial of K31 of a burial ground Klein Kaup (peninsula Sambiya)], in: Stratum plus, 2012, № 5, pp. 287-295 [in Russian].

Kulakov 2012b - Kulakov V.I. Nemanskij yantarnyj put' v epohu vikingov [Neman amber way to an era of Vikings], Kaliningrad, Muzej yantarya Publ., 2012, 222 p. [in Russian].

Kulakov 2016 - Kulakov V.I. Prussy epohi vikingov. Zhizn' i byt obshchiny Kaupa [Old Prussians eras of Vikings. Life and life of a community of Kaup], Moscow, Knizhnyj mir Publ., 2016, 350 p. [in Russian].

Kulakov, Kalashnikov 2002 - Kulakov V.I., Kalashnikov E.A. Ogolov'ya konej Doll'kajma [Dolkheim Horse Headband], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii. 2002. Vyp. 213 [Short messages of Institute of archeology. 2002. Release 213], pp. 38-49 [in Russian].

Kulakov, Lukov, Toropygina 2008 - Kulakov V.I., Lukov V.A., Toropygina M.Yu. Grafitti [Grafitti], in: Novaya Rossijskaya Enciklopediya. T. V. Kn. 1 [New Russian Encyclopedia. Volume V. Book 1], Moscow, Izdatel'stvo «Enciklopediya» Publ., 2008, pp. 185-186 [in Russian].

Kulakov, Skvorcov 2000 - Kulakov V.I., Skvorcov K.N. Toporik iz Vargen (rangovoe oruzhie poslednih yazychnikov Evropy) [Hatchet from Vargen (rank weapon of the last pagans of Europe)], in: Slavia Antiqua, Volume XLI, Poznań, Poznańskie Towarzystwo Przyjacól Nauk Publ., 2000, pp. 173-189 [in Russian].

Kuleshov, Gomzin, Plavinskij 2012 - Kuleshov V.S., Gomzin N.A., Plavinskij N.A. Novye materialy k istorii drevnejshej russkoj geral'diki: vostochnoevropejskie grafitti s «molotkami Tora» [New materials to history of the most ancient Russian heraldry: the East European grafitt with «Thor's Hammers»], in: Geral'dika – vspomogatel'naya istoricheskaya disciplina. Seminar [Heraldry – auxiliary historical discipline. Seminar], St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2012, pp. 12-23 [in Russian].

Kurta 2013 - Kurta F. Obraz i arheologiya pechenegov [Image and archeology of Pechenegs], in: Stratum plus, 2013, № 5, pp. 1-32 [in Russian].

La Baume 1941 - La Baume W. Zur Technik der Verziehrung ostpreußischer Waffen der Wikingerzeit [Equipment of figuration of east Prussian weapon of an era of Vikings], in: Alt-Preußen. 6. Jg. H. 2 [Ancient Prussia. Volume 6. Part 2], Königsberg, Prussia-Museum Publ., 1941, pp. 22-29 [in German].

Miheev 2014 - Miheev S.M. K probleme atribucii znakov Ryurikovichej [To a problem of attribution of signs of Ryurik dynasty], in: Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Ancient Russia. Mediyevistika questions], 2014, № 4 (58), pp. 45-63 [in Russian].

Neiß, Wärmländer, Sholts 2012 - Neiß M., Wärmländer S., Sholts S. 3D-laserskanning som verktyg vid vikingatidsstudier [3D laser scanning as the tool in researches of an era of Vikings], in: Viking. Norsk arkeologisk årbok. B. LXXV [Norwegian archaeological year-book. Volume LXXV], Oslo, Norsk Arkeologisk selskap Publ., 2012, pp. 145-180 [in Norwegian].

Paulsen 1956 - Paulsen P. Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa [The axe and cross in Northern and Eastern Europe], Bonn, Rudolf Habelt Verlag Publ., 1956, 2333 p. [in German].

Petruhin 1976 - Petruhin V.Ya. Pogrebeniya znati epohi vikingov [Burials of the nobility of an era of Vikings], in: Skandinavskij sbornik. Vyp. XXI [Scandinavian collection. Release XXI], Tallin, Estonskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1976, pp. 159-165 [in Russian].

PVL 2007 - Povest' vremennyh let / Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D.S. Lihachyova; Pod redakciej V.P. Adrianovoj-Peretc. Tret'e izdanie (podgotovil M.B. Sverdlov) [Primary Chronicle/Preparation of the text, translation, articles and comments of D.S. Likhachyov; Editor-in-chief V.P. Adrianova-Peretts. The third edition (prepared of M.B. Sverdlov)], St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 670 p. [in Russian].

Rassadin 2012 - Rassadin S.E. Μολυβδοφυλλων Svyatoslava i «genealogiya» znakov Ryurikovichej [Svyatoslav's Μολυβδοφυλλων and «genealogy» of signs of Ryurik dynasty], in: Materiyaly pa arheologii Belarusi. Vyp. 23. Arhealagichnyya dasledavanni na terytoryi Belarusi u 2009-2010 gadah [Materials on archeology of Belarus. Release 23], Minsk, Druk «DepoliS» Publ., 2012, pp. 38-48 [in Russian].

Spirgis 2013 - Spirgis R. Rastitel'nyj ornament drevnih livov – dekor ili hristianskaya simvolika? [Vegetable ornament of ancient bodices – a decor or Christian symbolics?], in: Acta Archaeologica Albaruthenica, Volume IX, Minsk, Galiyafy Publ., 2013, pp. 73-111 [in Russian].

Vyaroўkin-Shelyuta 2005 - Vyaroўkin-Shelyuta U. Kolyumny [Columns], in: Velikae Knyastva Litoўskae. Encyklapedyya u 3 t. T. 2 [Grand Duchy of Lithuania. The encyclopedia in three volumes. T. 2], Minsk, Belaruskaya Encyklapedyya im. P. Broўki Publ., 2005, pp. 21-22 [in Belarusian].

Wadyl 2013 - Wadyl Sł. Znaczenie głowy w kulturze i religii Prusów [Importance of the head in culture and religion of Old Prussians], in: Gardeła L., Kajkowski K. (red.). Motyw głowy w dawnych kulturach w perspektiwie porównawczej [Motive of the head in ancient cultures in comparative prospect], Bytów, Muzeum Zachodniokaszubskie w Bytówie Publ., 2013, pp. 264-279 [in Polish].

Yotov 2016 - Yotov V. Traces of the Presence of Scandinavian Warriors in the Balkans, in: eds. Androschuk F., Shepard J., White M. Byzantium and the Viking World (Acta Universitatis Upsaliensis Studia Byzantina Upsaliensia. 16), Uppsala, Uppsala Universitet Publ., 2016, pp. 241-253 [in English].

Zayac 2013 - Zayac Yu.A. Sel'skie poseleniya central'nyh rajonov Belarusi X – pervoj poloviny XIII vv. [Rural settlements of the central regions of Belarus X – the first half of the 13th centuries], in: Materiyaly pa arheologii Belarusi. Vyp. 24 [Materials on archeology of Belarus. Release 24], Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2013, pp. 56-67 [in Russian].

Кулаков Владимир Иванович
– Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).

Vladimir Kulakov
– Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of Department of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

drkulakov@mail.ru

СКОЛЬКО РАЗ КИЕВ ПОДВЕРГАЛСЯ РАЗГРАБЛЕНИЮ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД?[1]

П.И. Гайденко
Журнал «Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях» (Казань, Россия)
e-mail: prof.gaydenko@rambler.ru
SPIN-код: 5519-0564

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
Поход войск Андрея Боголюбского имел самые катастрофические последствия для дальнейшей судьбы города: полное разграбление храмов и монастырей, падение авторитета Киева, неисчислимый материальный ущерб, нанесённый проживавшим в городе элитам и обычному населению. Вместе с этим необходимо признать, что Киев и ранее переживал подобные акты насилия. Во время половецких походов горели пригороды Матери городов Русских. В дни княжеских военных столкновений поджигались некоторые городские концы, а победители присваивали себе богатства ктиторских монастырей политических соперников. Наконец совершенно «привычными» во время городских волнений были разграбления дворов тысяцких и дружины. К тому же при анализе событий 1169 г. нельзя сбрасывать со счетов ещё три обстоятельства. Во-первых, Андрей не возглавлял подошедшие к Киеву дружины, его не было среди осаждавших стольный град. Во-вторых, он отказался от киевского княжения, демонстративно отдав этот вопрос на усмотрение своей родни. В-третьих, падение Киева стало возможным по той причине, что собранная князем Андреем коалиция включала в себя дружины и ополчения большинства древнерусских земель, включая воинов из южнорусских городов. Между тем, причины возникновения настолько мощной коалиции в историографии почти не рассматривались. В представленной статье предпринята попытка осмыслить сформулированные проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Древняя Русь, Киевская Русь, Андрей Боголюбский, феодальная раздробленность, княжеские конфликты, падение Киева в 1169 г.

HOW MANY TIMES HAD KIEV BEEN LOOTED IN THE PRE-MONGOL PERIOD?

Pavel Gaidenko
Historical magazine «Ancient Russia: in time, in individuals, in ideas» (Kazan, Russia)
e-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ABSTRACT
The Andrei Bogolyubsky's campaign had the most catastrophic consequences for the future of the city: complete looting of churches and monasteries, weakening of Kiev's authority, the incalculable material damage brought to the elites and the ordinary people of Kiev. At the same time, it has to be admitted that Kiev had experienced similar acts of violence before. Suburbs of the mother of Rus' towns burned down during Polovtsian campaigns. In the days of princely military clashes, some city ends were set ablaze, while the winners appropriated the wealth of the ktitor monasteries of their political rivals. Finally, during urban unrests, looting of yards of military leaders and their soldiers was commonplace. In addition, when analyzing the events of 1169, three more circumstances cannot be discounted. Firstly, Andrei did not lead the squads approaching Kiev; he was not among those who besieged the capital city. Secondly, he refused to reign the Kievan Principality, defiantly leaving this issue to the discretion of his relatives. Thirdly, the fall of Kiev became possible because the coalition assembled by Prince Andrei consisted of squads and home guards from majority of ancient Rus' localities, including warriors from the towns of southern Rus. Meanwhile, the reasons for the emergence of such a powerful coalition were hardly considered in historiography. The article presents an attempt to comprehend the formulated problems.

KEYWORDS: ancient Rus, Kievan Rus, Andrey Bogolyubsky, feudal fragmentation, princely conflicts, the fall of Kiev in 1169.

1 Представленная вниманию читателей статья является докладом, прозвучавшим на конференции, прошедшей в марте 2019 года в Национальной Академии Наук Украины и посвящённой захвату Киева войсками Андрея Боголюбского. Тема конференции, несомненно, обладала «провокативным характером». Организаторы предлагали обсудить непростые вопросы взаимоотношения Юга и Севра Руси XI-XIV, а также России и Украины XV-XVII вв. в контексте событий, разворачивавшихся на просторах Восточной Европы. К сожалению, несмотря на всю доброжелательность организаторов и разосланные приглашения, ответная реакция оказалась непростой и неоправданно эмоциональной. Конференция прошла, но в полной мере реализовать замысел мероприятия и обсудить вопросы источниковедения и историографии не удалось. Возражения прозвучали и со стороны украинских, и со стороны российских исследователей. К сожалению, оценки докладам были вынесены ранее, чем те даже оказались заявленными. Поэтому я искренне благодарен Максиму Ивановичу Жиху и журналу «Исторический формат» за возможность ознакомить коллег со своей точкой зрения на события 1169 года и в какой-то мере «оправдаться» самому и «оправдать» иных участников и организаторов конференции, среди которых были и мои добрые друзья. Украинская версия данного доклада будет опубликована в одном из научных журналов НАНУ.

При всей кажущейся самоочевидности ожидаемых ответов на сформулированную в названии проблему приходится признать, что ответить на прозвучавший вопрос сложно. Во-первых, что следует понимать под Киевом? По сути, необходимо определиться с тем, что необходимо считать городом и насколько оправданно включать в него пригородные княжеские замки, сёла и монастыри. Во-вторых, важно определиться, что вкладывается в понятие грабеж? У этого явления есть юридическая составляющая[2], определяемая нормами Русской Правды, согласно которой разграбление, как и поток, рассматривались в качестве наиболее сурового вида наказания (Суд Ярославль 1984: 64 [ст. 7], 66 [ст. 35], 70 [ст. 83]; Правда Русская 1947: 290-296, 368-373, 587-591; Федорова 2013: 257-258, 260-263). Но оно может быть наполнено и эмоциональным содержанием, включающим в понятие грабёж любое насильственное изъятие имущества, сопровождающееся угрозой для жизни хозяина этого имения. Причем, в первом случае «разграбление» оценивалось как положительное явление. Во втором же случае – это несомненное зло, угрожавшее жизни. Впрочем, понятие «жизнь» в древнерусском сознании также обладало колоссальной широтой смыслов. Помимо биологической и духовной формы понимание жизни включало в себя представление об имуществе, важнейшем факторе и одновременно гаранте духовного и физического существования[3]. В-третьих, принимая во внимание то, что Киев неоднократно переживал перемену власти, крайне важно выяснить, чем поход 1169 г., связываемый с именем Андрея Юрьевича, отличался от аналогичных походов, целью которых также было отвоевание киевского стола.

Киев, его пригороды, огороды, монастыри, города и княжеские резиденции неоднократно становились объектом посягательства со стороны тех, кто желал воспользоваться богатствами огромного по меркам средневековья города, и число таких покушений велико.

В 968 г. оставленный князем Святославом, Киев столкнулся с печенежской угрозой. Однако город устоял и выдержал блокаду (ПСРЛ. 2: 53-54).

В 980 г. на Руси между детьми Святослава началась усобица. К Киеву, в котором затворился Ярополк, приступил Владимир Святославич. Однако в результате предательства вступившего в переговоры с Владимиром боярина Блуда, Ярополк оставил город. Изменник убедил Ярополка о якобы имевшем месте намерении киевлян открыть Владимиру ворота и выдать Владимиру своего князя. Поэтому Ярополк не стал оборонять город. В результате Владимир вступил в Киев без боя (ПСРЛ. 2: 64-65).

В 1016 (1017) г. в период правления Святополка к Киеву приступили новгородские дружины Ярослава. Битва между соперниками развернулась на берегах Днепра. Вступление в город Ярослава сопровождалось локальным пожаром, уничтожившим киевские церкви (ПСРЛ. 2: 129-130; Свердлов 2017: 72-73 [ссылки 60-64]).

В 1018 г. в Киев вступили союзные войска Болеслава и Святополка. По повелению Болеслава Святополк разместил в городе «на кормъ» свою дружину. Однако вскоре началось избиение поляков. В результате король покинул Киев, взяв с собой большой обоз с Анастасом Корсуняниным и сестрой Ярослава Мудрого. Вывезенные Болеславом богатства были результатом не грабежа, а оплатой за оказанные военные услуги. На этом же основании правитель Польши занял Червенские города (ПСРЛ. 2: 130-131; Титмар Мерзебургский 2010: 79-83). В тот же год в результате нового походя Ярослава, поддержанного варягами, Святополк вновь покинул Киев **(«и поиде Ярославъ на Стополка . и победи Ярославъ Стополка . и бежа Стополкъ . въ Печенегы»: ПСРЛ. 2: 131)**.

В 1019 г. на границах Киевской земли на Альте вновь разыгралась новая грандиозная битва между Святополком и Ярославлом **(«Приде Стополкъ с Печенегы в силе тяжьце и Ярославъ собра множьство вои . и взииде противу ему на Альто»: ПСРЛ. 2: 131-132)**.

В 1024 г. Мстислав Тмутараканский сохранявший до этого нейтралитет, воспользовавшись отсутствием в Киеве Ярослава, находившегося в тот час в Новгороде, попробовал занять Киевский стол, однако не был принять киевлянами. Развернувшись, он пошёл и занял Чернигов **(«Ярославу сущю в Новегороде . приде Мьстиславъ . ис Тьмуторокана . Кыеву . и не прияша его Кыяне»: ПСРЛ. 2: 134-135)**.

В 1034 г. к Киеву подступили Печенеги. На поле за городом произошла новая грандиозная битва, в результате которой Ярославу удалось разбить печенегов **(«и сташа предъ городомъ . а Печенезе приступати начаша . соступишася на месте . идеже есть ныне стая Софья митрополья Роуская . бе бо тогда поле вне града . и бе сеча зла и одва одолевъ к вечеру Ярославъ»: ПСРЛ. 2: 138-139)**.

Примечательно, что после смерти Ярослава Мудрого, произошедшая в 1055 г. перемена власти в Киеве, вероятно, сопровождавшаяся тем, что на престоле в Кие-

2 Под грабежом могло пониматься как преступление, так и расправа. Примечательно, что Византия не знала такого понятия как «грабеж». В отличие от «татьбы», кражи (тайного похищения имущества), «грабеж» был публичным отъёмом имущества, произойдя от «грабежа-наказания» (Малькова 2009: 11-12; Георгиевский 2013: 115-116). Таким образом, грабеж не имел, безусловно, отрицательного значения и при определённых условиях рассматривался в качестве своего рода инструмента установления справедливости, т.е. воспринимался в качестве положительного явления.

3 Именно так обозначено княжеское имущество в летописании. По подсчётам В. В. Колесова только между 1146 и 1169 гг. слово «жизнь» в смысле «недвижимое имущество» встречается 14 раз (Колесов 2014: 64). По мнению историков права, в древнерусских реалиях собственность и жизнь её обладателя нередко сливались, являя собой нечто целое (Богдановский 1857: 101; Георгиевский 2013: 113). Аналогичное отношение к «жизни» характерно и для канонически-правовой культуры, рассматривавшей покушение на имущество в качестве одного из самых тяжких преступлений, не только допускающих в некоторых случаях совершение самосуда над вором (Суд Ярославль 1984: 124 [ст. 40]; Правда Русская 1947: 387-389), но и лишающего уличённого в краже возможности стать священником. Так, например, «Вопрошание Кирика», ссылавшееся на авторитет правил Иоанна Постника, вполне убедительно демонстрирует, что лицо, повинное в воровстве, не могло быть посвящено в священный сан (Вопросы Кирика 1880: 46 [Кирик. 83]; Мильков, Симонов 2011: 288; 455 [сноски 153, 154]). Более того, материальные наказания в виде разграбления и значительных штрафов в отношении виновных рассматривались в качестве наиболее демонстративных и одновременно тяжелых форм общественной расправы, поскольку обрекали человека на страдания и лишали его существование какой-либо уверенной материальной опоры.

вернуться к оглавлению ▲

ве первоначально оказался Святослав, а потом пришедший ему на смену Изяслав, совершилась мирным путём. Вероятно, это объяснялось соблюдением братьями условий завещания, составленного отцом[4].

В 1068 г. **«Придоша иноплеменьници . на Рускую землю . Половци мнози»**. На Альте состоялась битва, в результате которой союзные дружины Ярославичей были разбиты (ПСРЛ. 2: 156-157). Изяслав и ушедший с ним Всеволод затворились в Киеве. В условиях нависшей над городом и его пригородами угрозы киевляне собрали вече, потребовав от своего князя раздать оружие и продолжить борьбу с половцами. Судя по всему, горожан волновала судьба не Киева, который был хорошо укреплён и неприступен, а их владений, находившихся за городскими стенами. Перешедшие Днепр половцы **«рассыпавшись загонами»** по киевской земле и подвергли разграблению хозяйства жителей стольного града (Грушевский 1891: 68-69). Впрочем, повествование позволяет заключить, что в сложившихся условиях от Изяслава Ярославича ожидали решительных действий. Однако князь, боявшийся собственных горожан больше половцев, не внял требованию веча, вызвав всеобщее раздражение и тем самым спровоцировав городское восстание, в котором приняли участие как сами киевляне, так и бежавшие из округи в Киев **«людье кыевстии»**. Скорее всего, под этими людьми следует понимать не киевских дружинников в полном смысле, а широкий пласт различных групп: остатки разбитого киевского ополчения и обитателей сёл Киевской земли, т.е. «массы» городского и сельского населения Киевской земли, как об этом высказался И. Я. Фроянов (Фроянов 2012: 136, 146).

Судя по всему, в кругу киевлян уже давно зрело недовольство князем (Тихомиров 1975: 100-101. Мавродин 1961: 61; Буганов 1986: 17). Во время городского волнения в городе по воле веча был не только освобожден из поруба и **«прославлен»** на княжеском дворе Всеслав Полоцкий, но и подвергнут разграблению княжеский двор (**«и поставиша и среде двора княжа . и дворъ княжь разъграбиша . бещисленое множьство . злата и сребра . и кунами и скарою»**: ПСРЛ. 2: 160-161). При этом, как хорошо заметил М. С. Грушевский, «никаких других буйств, грабежей летопись не рассказывает», а **«народное движение, как оно представляется в летописи, имеет сдержанный, последовательный характер»** (Грушевский 1891: 70).

В 1069 г. в Киеве вновь сменилась власть. Из города бежал Всеслав, а старшие Ярославичи, несмотря на отчаянную просьбу киевлян занять пустующий княжеский стол, отказались от таких перспектив. В результате союзные войска Изяслава и польского короля Болеслава заняли город. Однако накануне в Киев вступил Мстислав Изяславич, учинивший над киевлянами расправу, завершившуюся казнью восьмидесяти знатных киевлян, а также многочисленными ослеплениями и **«погублениями»** (ПСРЛ. 2: 163). Поляки были размещены в киевских дворах на «покормъ», однако уже вскоре началось избиение изяславовых союзников, сподвигнув Болеслава к скорейшему оставлению недружелюбного Киева. Ни о каких грабежах киевлян ни летописание, ни латиноязычные источники не сообщают (ПСРЛ. 2: 162-163; Галл Аноним 2010: 174).

1073 г. Киев вновь пережил смену власти. В город, оставленный Изяславом, вступили дружины Святослава и Всеволода. Летописание и западноевропейские источники не сообщают ни о каких затруднениях в жизни Киева и угрозах в адрес горожан. Изяслав покинул город со своей дружиной и огромным богатством, скорее всего, с княжеской казной. Судя по всему, вывезенные Изяславом сокровища рассматривались всеми, кто их видел, в качестве собственности изгнанного князя, что нашло своё отражение, в том числе в спорах, возникших вокруг этого обоза в Европе. По сути, обоз с драгоценностями, удививший Генриха IV, был захвачен королём Польши, что вынудило Изяслава обратиться за помощью к римскому понтифику (Ламперт Херсфельдский 2010: 115-121.С. 119-120; Послания папы Григория VII 2010: 111-114; Назаренко 2001: 534-537; Толочко 2003: 54-66).

Примечательно, что смена власти в Киеве в 1079, 1076/77, 1078, 1093 не сопровождалась какими-либо потрясениями для города.

В 1097 г. Мать городов русских пережила очередной княжеский конфликт. Ослепление теребовльского князя Василька привело к возникновению консолидированной княжеской оппозиции по отношению к Святополку Изяславичу. Дружины Владимира Всеволодовича, а также Олега и Давида Святославичей приступили к Киеву. Как только союзные силы подошли к Днепру, киевский князь Святополк решил бежать, но был удержан киевлянами. Начались переговоры, которые велись от имени города. Сторону Киева представляли «вдова Всеволожа» и митрополит Николай. Весьма примечательно, что через своих послов, одним из которых являлся византийский иерарх, а другим – княгиня, член княжеского рода, киевляне не только не выступали в качестве смиренных просителей милости, но и более того – упрекали князей в их намерении начать войну и призывали Владимира Мономаха поучиться у своих славных предков (**«о(т)ци ваши . трудомъ великимъ и хоробрьствомъ . побаряюще по Русьскои земли . а ины земли приискаху . а вы хощете погубити Русьскую землю»**: ПСРЛ. 2: 237-238). Ни о каких притязаниях и угрозах в адрес города и имущества его жителей со стороны союзного войска летописание не сообщает. Более того, согласно летописанию, услышав требования киевлян, Владимир Всеволодович умиленно прослезился (ПСРЛ. 2: 237-238).

В 1113 г. скончался Святополк Изяславич. Согласно обычая, стол должен был наследоваться Олегом Святославичем Черниговским. Однако киевляне иначе представляли своё будущее. На вечевом собрании они изъявили желание видеть своим князем Владимира

4 Завещание или «ряд» (в данном случае предсмертный договор) Ярослава Мудрого, определившего наследование столов и регламентировавшего отношения между братьями, стало своего рода реформой. С одной стороны, завещание устанавливало режим родового сюзеренитета или братского совладения. Данный принцип хорошо вписывался в европейскую, франкскую, польскую, чешскую, практику наследования столов. С другой стороны, «ряд» закладывал основания для возникновения принципа «отчины». В дальнейшем эта норма была закреплена в решениях княжеского съезда 1097 г. (ПСРЛ. 2: 149-150, 230-231; Назаренко 2009: 7-9, 43-46; Мининкова 2018: 133-134).

▲ вернуться к оглавлению

Мономаха. Получив отказ, горожане разграбили дворы тысяцкого, «соцких» и «Жиды», еврейский квартал Киева. Новая делегация предупредила переяславльского князя, что если тот не примет стол, то следующими, кто подвергнется разграблению, станут родственники Владимира, бояре и монастыри (**«Кияни же разъграбиша дворъ Путятинъ . тысячьского . идоша на Жиды . и разграбиша я . и послашася паки Кияне к Володимеру гл(агол)юще . поиди княже Киеву . аще ли не поидеши . то веси яко много зло оудвигнеться . то ли не Путятинъ дворъ ни соцькихъ . но и Жиды грабити . и паки ти поидуть . на ятровь твою и на бояры . и на манастыре . и будеши ответь имелъ княже . оже ти манастыре разъграбять»**: ПСРЛ. 2: 275-276; Мавродин 1961: 74-75; Тихомиров 1975: 136-139; Буганов 1986: 26-27). После таких угроз Владимир принял приглашение и торжественно вступил в Киев: **«Седе на столе оца своего и дедъ своихъ»** (ПСРЛ. 2: 276). Несомненно, летописание приукрашивает образ князя. Однако какими бы ни были действительные намерения Владимира, в летописном сообщении проглядывается одно важное обстоятельство. Совершившийся в городе погром был спланированной и хорошо контролируемой акцией, организованной союзными Владимиру Мономаху киевскими городскими верхами. Это были «грабления», которые, с одной стороны, являлись вечевыми расправами над прежними обидчиками (о вечевых судебных расправах см.: Лукин 2007: 141-147; Чебаненко 2013: 64-104). С другой стороны, организованные грабежи выступали эффективным инструментом уничтожения возможных соперников Владимира и оказались удобным способом давления на переяславского князя, чья кандидатура была так желанна значительной части горожан (Гайденко 2011: 34-36; Гайденко, Филиппов 2011: 173-184).

В 1125 и 1133 гг. передача власти прошла мирно. В первом случае новый князь Мстислав Владимирович был в Киеве, а во втором – Ярополк мирно вошел в город.

Однако в 1135 г. Киев дважды пережил вторжения в свои пригороды. Вначале князь Всеволод Ольгович с братьями и половцам подошёл к Киеву, занимаясь грабежами и избиением людей. Их поход являлся ответной акцией возмездия за вторжение, совершённое в черниговские земли киевским князем. Самому же городу и закрывшемуся в нём Ярополку поход не угрожал (ПСРЛ. 2: 296). В конце года конфликт разразился с новой силой. Хорошо подготовленные дружины Всеволода подошли к Киеву, против которых из города выступили **«вои кыевстии»**. Через 8 дней противостояния Ярополк пошёл на уступки Всеволоду (ПСРЛ. 2: 297). Киеву ничто не угрожало.

В 1139 г. умер Ярополк и в город мирно вошёл его брат Вячеслав. Однако уже на следующий год, в 1140 г., Всеволод Ольгович, к этому времени уже владевший Вышгородом, **«Изрядивъ полкы . и пришелъ ста оу города . в Копыреве конци . и нача зажигати дворы иже соутьпредъ городомъ . в Копыреве кончи»**. Желая выманить киевского князя для битвы, соперники Вячеслава подожгли строения у Копырева конца, однако добились лишь того, что к ним был выслан митрополит (ПСРЛ. 2: 302-303). В результате князья договорились, что после того как Всеволод вернётся в Вышгород, Вячеслав оставит Киев и вернётся в Туров. Только после этого Всеволод вновь мог выйти из Вышгорода и занять киевский стол (Цветков 2009: 237-241). Так и произошло. Город не пострадал.

Неспокойным для Киева оказался 1146г. Смена власти и вокняжение Игоря предоставила киевлянам долгожданную возможность расправиться со своими обидчиками: тиунами и мечниками князя Всеволода, разграбив их имущество (ПСРЛ. 2: 321-322). В понимании горожан это было законное разграбление, разрешённое вечевым судом. Но Игорь не допустил расправы над людьми почившего князя, чем вызвал в свой адрес гнев горожан. Нарушив крестное целование, киевляне призвали из Переяславля на княжение Изяслава Мстиславича, который не торопился присягать Игорю. К Киеву Изяслав приступил с большим числом союзников, прежде всего с черными клобуками. У стен Киева разразилась битва, в которой силы Игоря были разбиты. Вступление Изяслава в Киев ознаменовалось расправой горожан и княжеских людей над его соперниками и сторонниками Игоря. Однако на этот раз произошло нечто новое, чего не было прежде. Разграблению подверглись не только сёла, дома и дворы дружинников Всеволода и Игоря, но и родовые монастыри Всеволода (ПСРЛ. 2: 328). Строения и имущества княжеских ктиторских монастырей считались собственностью князей (Флоря 2007: 43-53). При этом церковное имущество находилось и под зашитой церковных норм (Устав князя Владимира 1976: 23 [ст. 9]; Георгиевский 2007: 133-137; Оспенников 2013: 466). Впрочем, здесь приходится заметить, что для Руси и её правящих элит действовавшее в Византии право, в том числе в области канонических отношений, судя по всему, воспринималось не как обязательная юридическая норма, а как образец, через контекст обычного права Руси. Тем не менее, получалось так, что положение ктиторских церквей обладало двойной неприкосновенностью: они одновременно находились и под княжеской, и под канонической защитой[5]. При этом монастыри и их церкви пользовались правом убежища, а также правом экстерриториальности (о практике убежища в церкви см. подробнее: Гаген 2012: 197-200; Гайденко, Фомина 2011: 40-41). Данное обстоятельство проявилось во время захвата Киева

5 Примечательно, что часть списков Устава Владимира ничего не говорит об ответственности за «церковную татьбу». Например, она не оговаривается в Архангельском, Археографическом, Архивном изводах. Вероятно, отмеченное извиняется тем, что продолжительное время воровство в ктиторском храме могло оцениваться как преступление не против церкви, а против княжеского или боярского имущества. В данном отношении примечательным видится один из сюжетов Печерского патерика о святом преп. Григории Чудотворце. Согласно истории этого подвижника, Григорий пришёл в монастырь к преп. Феодосию. Через некоторое время он столкнулся с бедой. Однажды ночью в обитель пришли воры, «злые люди», чтобы забрать всё имущество Григория. Однако по молитвам святого его обидчики уснули, а через несколько дней были отпущены из обители. Примечательно, что вскоре «властитель города» поймал виновников несостоявшегося преступления и наказал их. Узнав об этом, Григорий заплатил за воров выкуп и освободил тех. В данной истории интересно то, что за попытку совершить воровство в монастыре, у иноков, виновные были подвергнуты не церковному, а княжескому или городскому суду, если допустить, что под безымянным «правителем города» мог пониматься не только князь, но тысяцкий или некий муж, стоявший во главе городского управления Киевом (Киево-Печерский Патерик 2004: 406, 407).

вернуться к оглавлению ▲

Изяславом. Потерпев поражение и не сумев уйти из-под стен Киева, один из союзников Игоря, Святослав, попытался найти защиту в митрополии, в монастыре св. Ирины: **«Всеволодичь Стослав Всеволодичь вбеже в Киевъ къ стей Орини в манастырь . и тоу и яша и»** (ПСРЛ. 2: 327). Поэтому разграбление Всеволожих монастырей нарушило принцип неприкосновенности находившегося в руках церкви имущества. Достаточно заметить, что в своё время, за пятьдесят лет до этого, Олега Святославича обвиняли в том, что приведённые им под Чернигов половцы разграбили местные монастыри и «погубили» много «христиан» (ПСРЛ. 2: 216-217). Столь же жёстко Печерский Патерик осудил князя Святополка Изяславича за то, что тот вывез из Печерского монастыря соль (Киево-Печерский Патерик 2004: 430-433). Однако в истории разграбления Всеволожих монастырей нет ни слова осуждения произошедшего, что само по себе показательно особенно на фоне того, что церковь в лице игуменов, черноризцев и священников торжественно приветствовала Изяслава: **«и разграбиша . Кыяне . съ Изяславомъ дроужины Игоревы . и Всеволоже . и села и скоты . взяша именья много . в домехъ и в манастырехъ»** (ПСРЛ. 2: 327-328). Необходимо лишь заметить, что произошедшее разграбление монастырей на основе княжеского и вечевого решения было первым в своём роде, создав неприятный прецедент, разрушавший существовавший до этого порядок. Можно лишь догадываться, что побудило князя и горожан на такие действия[6]. Между тем последствия произошедшего оказались самыми драматичными для обителей, игумены которых вплоть до падения Киева под ударом монголов, более не высказывали своего мнения о княжеской власти и не были отмечены при киевском княжеском дворе. До середины XII в. игумены киевских монастырей играли существенную роль в жизни города. Например, в 1097 г. во время политического кризиса, вызванного обвинениями в адрес князя Василька Теребовльского, они одними из первых по собственной инициативе явились к Святополку Изяславичу и вступились за арестованного Василька (ПСРЛ. 2: 234). В 1128 г. в Киеве прошёл иерейский собор под началом игумена Андреевского монастыря Григория. Именно этот влиятельный клирик помог Мстиславу Владимировичу принять наиболее выгодное решение (ПСРЛ. 2: 291).

В 1147 г. Киев оказался охвачен новым мятежом. Вечевой суд киевлян решил расправиться с князем Игорем, уже к тому времени принявшим иночество. Примечательная особая решимость горожан, позволивших себе вынести смертный приговор представителю княжеского рода вопреки протестам брата великого князя, Владимира Мстиславича, и митрополита Климента. Киевляне даже не посчитали для себя необходимым согласовать этот вопрос с могущественным Изяславом Мстиславичем, что само по себе примечательно. Правление Изяслава, казалось бы, стало особым периодом в жизни Киева (Котляр 2016: 187-190). Но очевидно, что в отличие от историков киевляне «спокойней» оценивали величие своего князя, посчитав себя вправе вторгнуться в княжескую юрисдикцию[7]. Стремясь расправиться с Игорем, организованная толпа захватила опустевший ктиторский Феодоровский монастырь, а когда князя-инока отбили у киевлян, вломилась во двор (городской замок) Мстислава и завершила начатое, убив Игоря и подвергнув его тело посмертному поруганию[8]. Такая решительность горожан, вынесших смертный приговор князю и осуществивших принятое вечевое

6 Скорее всего, главной причиной, двигавшей Изяславом, стала жадность. Примечательно, что под тем же годом Ипатьевская летопись сообщила о подобном же разграблении Путивля: **«Изяславъ же целова к нимъ хр(е)стъ и посадника ихъ выведе . оу нихъ посади . и тоу дворъ С(вя)тославль раздели на 4 части . скотьнице бретьянице . и товаръ иже бе немочно двигнути . и въ погребехъ было 90 берковьсковъ медоу . а вина 8 корчагъ . и ц(е)рк(о)вь с(вя)т(а)го Възнесения всю облупиша съсуды серебреныя . и индитьбе и платы слоужебныя . а все шито золотомм и каделниче две . и кацьи . и еоуа(н)г(ели)е ковано и книгы и колоколы . и не оставиша . ничтоже кн(я)жа . но все разделиша и челяди 700»** (ПСРЛ. 2: 333-334). Примечательно, что Изяслав и на этот раз не побоялся похитить церковные вещи, раздав их челяди. Всё описанное напоминает акт уничижения и десакрализации города. Иной вопрос: насколько такая десакрализация была намеренной и продуманной? Интересно ещё одно обстоятельство. Казалось бы, изъятие церковного имущества Изяславом могло бы быть оправданно событиями крещения князя Владимира Святославича. Произошедшее в те дни отмечено вывозом из Корсуня храмовых святынь, церковной утвари и духовенства (ПСРЛ. 2: 101). Однако ничего не известно о том, чтобы Владимир «облупил» херсонесские храмы. Легенда, напротив, приписывает ему обратное – сооружение в городе новой церкви (ПСРЛ. 2: 97). К тому же вывезенные церковные вещи в дальнейшем были переданы Десятинному храму (ПСРЛ. 2: 106). Изяслав же просто присвоил себе церковные реликвии и использовал их не для украшения своих храмов, а для щедрой расплаты с собственными слугами.

7 Данное обстоятельство особенно удивительно. Даже при том, что о пределах княжеских полномочий «в сфере гражданского правления» в Киевской Руси говорить очень сложно, как совершенно точно это отметил П. П. Толочко (Толочко 2018: 42), право совершения суда над князем всё же являлось прерогативой самого правящего рода.

8 Посмертное поругание тела князя Игоря в значительной мере пересекается с описанием посмертного поругания тела князя Андрея Боголюбского. Оба Рюриковича были убиты, их тела обезображены, оголены и выброшены на поругание толпе. Убийства этих князей произошли в разных концах Руси, в Киеве и в отстоящем от него на сотни километров Владимире-на-Клязьме. События разделены 28 годами. Игорь в отличие от Андрея принял иноческие обеты и отказался от каких-либо претензий на власть, Андрей, напротив, твёрдо отстаивал свои права. Разнятся места и обстоятельства расправ. Андрея убили его собственные слуги, а Игоря – горожане, вынесшие это решение во время веча. Убийство Андрея сопровождалось разграблением его замка. Расправа над Игорем, напротив, ограничилась смертью самого князя-инока. Наконец, тело Андрея было брошено в саду, в то время как тело Игоря оставлено на городской площади. Однако при обилии различий в «мелких», но очень важных деталях эти события имеют больше общего, чем различного. Поругание умершего правителя, было обычной практикой Средневековой Европы. Как показали исследования М. А. Бойцова и А. Я. Гуревича такие акты можно по-разному оценивать (Бойцов 2002: 137-201; Гуревич 1993: 221-241). Однако «поругание» не предполагало надругательства над телом монарха. Столь же естественным для средневековья было и поругание монашеского тела (см. подробнее о данном феномене: Донской 2015: 85-96; Литвина, Успенский 2010: 80-137). Однако, во-первых, как правило, об этом завещали сами иноки, чьи тела предстояло подвергнуть посмертному унижению, хотя бывало и иначе, как, например, в случае некоего нерадивого печерского монаха, чей труп хотели выбросить псам (Киево-Печерский Патерик 2004: 365). Во-вторых, инок всё же прежде должен был умереть своей смертью, а не специально быть для этого убитым своими братьями или какими-то иными добрыми христианами. Тем не менее, в истории Игоря дело приходится иметь с особой ситуацией. Например, в Киеве не произошло «потока и разграбления», Игоря убивали на основании решения вечевого суда, не взирая на то, что тот был иноком и находился в монастыре, что не допускало, по византийским нормам, казни преступника, даже если тому выносился смертный приговор.

решение, заслуживает некоторого комментария. Прежде всего, это касается реакции Изяслава Мстиславича, который хоть и сожалел о случившемся (**«Изяславъ же слышавъ то и прослезився . и рек аще быхъ ведалъ оже сяко семоу быти . то аче бы ми и далече того блюсти . отслати . а моглъ быx Игоря съблюсти»**: ПСРЛ. 2: 354), но не решился обвинить в этом горожан. Данное обстоятельство особенно интересно, если принять во внимание, что произошедшая расправа была беспрецедентной. Например, убийство в 945 г. князя Игоря жителями Коростеня всё же произошло при иных обстоятельствах и с согласия князя Мала (ПСРЛ. 2: 42-43). К тому же, в последующем, согласно версии легенды, совершенное злодеяние имело для древлян самые плачевные результаты (ПСРЛ. 2: 43-46). Достаточно заметить, что напрасными оказались попытки совершить в 1096 г. суд над князем Олегом. Инициатором этого суда выступил Владимир Мономах, предложивший судить Олега Святославича при участии горожан и духовенства. Тем не менее, идея оказалась отвергнутой и Олегом, и современниками (**«С(вя)тополкъ и Володимеръ посласта к Олгови гл(аголю)ща сице . поиди Кыеву ать рядъ учинимъ о Рускои земле . предъ еп(и)с(ко)пы игумены и предъ мужи о(те)цьъ нашихъ и перед горожаны . да бы оборонили землю Русьскую от поганыхъ . Олегъ же оусприемъсмыслъ буи . и словеса величава . реч(е) сице . нес(ть) лепо судити еп(и)с(ко)помъ и черньцемъ или смердомъ . и не восхоте ити къ братома своима послушавъ злыхъ советникъ»**: ПСРЛ. 2: 220). Таким образом, участие незнатных лиц в суде над князем едва ли могло найти полное понимание в княжеском роду. Однако, получив известие о произошедшем убийстве (по сути, совершённой казни) Игоря, Изяслав Мстиславич не только промолчал, но и принял сторону городского веча, обвинив в случившемся самих черниговских князей (Цветков 2009: 268-269). Летописец попытался создать впечатление, что городская толпа была плохо управляемой, а её действия носили спонтанный характер, обусловленный эмоциями, рождёнными от одного лишь выкрика. Такое развитие ситуации можно было бы допустить, если бы ни одно возражение: участники веча – городская знать и свободное население, которые имели представление о пределах своих возможностей. К тому же во время волнений в городе не видно того, что, казалось бы, должно было сопровождать беспорядки – разграблений. Таким образом, можно заключить, что при всём старании летописца представить произошедшее в виде поступка, сподвигнутого эмоциональным решением – добиться этого древнему автору текста не удалось. Описанные события убедительно демонстрируют противоположное. Городской мятеж имел свою логику, был вполне управляемым, а участники расправы действовали исключительно в рамках вынесенного на вече приговора. Таким образом, во время волнений городу ничего не угрожало.

В 1149 г. Изяслав столкнулся с изменой со стороны союзников и киевлян, призвавших на Киевский стол его дядю, Юрия Долгорукого. В битве под Переяславлем войска Изяслава были разбиты. Силы Юрия подступили к Киеву. Горожане отказались поддерживать Изяслава и убедили того уступить стол своему дяде. 27 августа Изяслав, его семья и митрополит покинули Киев, бежав во Владимир Волынский. В тот же день Юрий вступил в город (ПСРЛ. 2: 366-384; Цветков 2009: 275-280).

На протяжении 1150-1151 гг. Киев несколько раз переходил из рук в руки Изяслава, Вячеслава и Юрия. Всё это время киевляне отказывались оказывать военную поддержку ни одному из претендентов на киевский стол, и всякий раз приветствовали победителя. При этом ни разу город не подвергался угрозе разграбления или штурма (ПСРЛ. 2: 398-442).

В 1154 г. в результате громадного разгрома под Черниговом дружин киевского князя Ростислава Мстиславича, бежавшего в Смоленск, Киев и его пригороды оказались под угрозой половецких разбоев. Город отправил к Изяславу Давыдовичу Черниговскому своего посла, каневского епископа Демьяна, с просьбой занять киевский стол. Приняв их просьбу, Изяслав Давыдович занял город (ПСРЛ. 2: 475-476). Однако уже вскоре, в 1155 г., столкнувшись с притязаниями Юрия Долгорукого уступил тому престол при полном одобрении киевлян (ПСРЛ. 2: 478). Никаких погромов в городе не отмечено.

1157 г. отмечен неожиданной смертью Юрия Долгорукого. Князь умер в Берестово и был похоронен в монастыре Святого Спаса. Погребение Юрия вне Киева объяснялось местом его смерти (в Берестовом) и грандиозным восстанием, охватившим Киев и киевские пригороды (Каргер 1961: 377-378). Были разграблены княжеские дворы в городе и за Днепром, погрому подвергся дом его сына, а дружина Юрия и её имущество были разграблены (ПСРЛ. 2: 489). Судя по всему, организаторами и участниками погрома являлись сами горожане, рассматривавшие свои действия в качестве законной расправы – «потока и разграбления». Что же касается города и его жителей, то они не пострадали и даже имели свои выгоды от произошедшего. По приглашению киевлян стол повторно и мирно был занят Изяславом Давидовичем (ПСРЛ. 2: 490).

Последующие годы вплоть до 1169 г. перемена власти в Киеве не несла никаких издержек для самих киевлян, которые, между тем, выступали едва ли не решающей силой в выборе нового или поддержке прежнего князя.

События 1169 г. оказались для Киева драматичными. Не желая дальнейшего усиления успешного киевского князя Мстислава Изяславича, Андрей Юрьевич Боголюбский отправил против него своего сына во главе огромной военной коалиции. Важно отметить, что инициатором похода и фактически его руководителем был Андрей, как об этом сообщает само летописание (**«Посла Андреи . с(ы)на своего . Мстислава . с полкы своими»**: ПСРЛ. 2: 543). О размахе похода можно судить не только по числу земель и княжеских имён, но и по тому, что союзных сил хватило для того, чтобы обложить Киев со всех сторон (ПСРЛ. 2: 543-544). Мстислав закрылся в столице и вел оборону **«из города»**. При том, что крепостные сооружения оказались достаточно крепкими, защитники были измотаны. Столкнувшись с предательством берендеев и торков, а также вняв мольбам дружины, Мстислав Изяславич решил прорываться из Киева и, понеся большие потери, оставил город. 8 марта Киев был взят союзниками и полностью разграблен: **«и гра-**

вернуться к оглавлению ▲

биша за 2 . дни весь град Подолье и Гору . и манастыри . и Софью . и Десятиньную Б(огороди)цю и не быс(ть) помилования . никомуже ни откудуже ц(е)рквамъ горящимъ . кр(е)стьяномъ оубиваемомъ другым вяжемымъ . жены ведоми быша въ пленъ . разлучаеми нужею от мужии своих . младенци рыдаху хряще м(а)терии своихъ . и взяша именья множество . ц(е)ркви обнажиша иконами и книгами . и ризами и колоколы . изнесоша . все Смоляне и Соуждалци и Черниговци . Олгова дружина . и вся ст(е)ни взата быс(ть) зажьже быс(ть) и манастырь Печерьскыи с(вя)тыя Б(огороди)ца от поганых но Б(ог)ъ м(о)л(и)твами с(вя)тыя Б(огороди)ца съблюде и о таковыя . нужа . и быс(ть) в Киеве на всих ч(е)л(о)в(е)цехъ стенание и туга . и скорбь не оутешимая . и слезы непрестаньныя» (ПСРЛ. 2: 545).

Причины такой жестокости в отношении Матери городов русских не вполне ясны. Например, разграбление храмов и монастырей можно было бы объяснить их ктиторской юрисдикцией. Однако София, главный собор города Киева и место, в котором совершалось посажение князей (о порядке интронизации киевских князей см.: Гвозденко 2009: 17-26), не была ктиторской церковью. Особым положением обладала и Десятинная церковь, которая совместно с Софией к тому же являлась княжеским некрополем. Впрочем, не всё ясно и с городскими монастырями. Для всех участников осады те или иные ктиторские обители Киева считались родовыми. Однако летописное известие не сохранило ни одного примера того, чтобы кто-либо из черниговских, смоленских или суздальских князей вступился за свою родовую святыню. Принимая во внимание обстоятельства обороны Киева, можно сделать вывод, что киевляне не поддержали своего князя. Судя по всему, их помощь была минимальной. Во всяком случае, летописание ничего не сообщает об участии в защите города каких-либо киевских тысяч. Поэтому избиение горожан и их увод в плен также видятся крайней мерой. Наконец, совершенно излишним и избыточным решением князей-союзников предстаёт поджёг стен города. В результате создаётся обманчивое впечатление, что во всём происходящем не было ни практической логики, ни священного почтения. Однако всё указывает на то, что бравшие город князья преследовали более важную цель – уничтожение высокого статуса Киева и низведение Матери городов русских до уровня обычного городского поселения. Несомненно, Древняя Русь не имела в полном смысле этого слова общей для всех земель и княжений столицы (наиболее подробно данный тезис обоснован в работах А. В. Назаренко: Назаренко 2009: 103-113). Однако именно этот особый сакральный и политический статус позволял современникам воспринимать Киев в качестве важнейшего города Руси, наиболее полно воплощавшего в себе образы Константинополя и Иерусалима (Данилевский 2001: 355-368; 2004: 195-223; Ричка 2005; Солнцев 2012: 180-187). В результате можно констатировать, что более чем двухсотлетняя неприкосновенность Киева и его жителей обеспечивалась осознанием этого города в качестве сакрального центра. Взятие Киева, изъятие его святынь и поджёг её стен (который, кажется, не предполагал их полного уничтожения, а преследовал, вероятно, иные цели) – символически лишало Мать городов русских священной защиты и высокого положения.

Впрочем, далеко не всеми историками события 1169 г. оценивают, как «катастрофические». Звучащие в этом случае доводы достаточно весомы. Например, высказываются следующие аргументы. 1) Город не штурмовали, а совершенный грабёж был «был первый в своём роде случай, но отнюдь не последний». 2) Событие не имело катастрофических последствий, поскольку не прослеживается археологически. 3) Повествование обладает «трафаретностью» формулировок, что заставляет усомниться в том, что описанная реальность соответствовала действительности, являясь, скорее всего, преувеличением летописцев (Аристов, Данилевский 2017: 48), что в целом, как будто находит своё подтверждение в очень спокойной записи Новгородского летописания, говорящего о том, что князь Мстислав покинул Киев по своей воле (ПСРЛ. 3: 220-221). Однако такая оценка видится не вполне справедливой. Во-первых, город был обложен со всех сторон и попытки штурма предпринимались, вынуждая Мстислава затвориться в Киеве и биться из-за его стен. Иное дело, что решение князя покинуть город было обусловлено не тем, что у него не хватало сил, а тем, что его люди были уставшими, а союзники и дружина роптали, настаивая на непременном уходе из столицы. Возможно, прояви Мстислав волю, ситуация бы приняла иной оборот, по крайней мере для киевлян. К тому же, принимая во внимание все обстоятельства произошедшего, невероятной видится новгородская оценка киевских событий, представившая уход Мстислава, сопровождавшийся погоней, а также избиением и захватом княжеских людей, как «добровольное оставление» князем своего стола. Во-вторых, ужас ситуации заключался в том, что это было первое разграбление Киева, создавшее прецедент. В-третьих, «трафаретные формулировки» летописца всё же создали «живую» картину бедствия. Действительно, археология не даёт оснований говорить о каких-либо крупных пожарах, уничтоженных стенах и разрушенных храмах. Но и летописание не говорит о том же. Разграбление города не предполагает обязательного уничтожения его инфраструктуры. Несомненно, город продолжил существовать и далее. Однако для самих жителей столицы, переживших унижение и насилие, совершённые грабежи, уводы в плен и насилия были настоящей катастрофой.

Тем не менее необходимо полностью согласиться с В. Ю. Аристовым и И. Н. Данилевским в том, что поход союзников на Киев отражал не «этнические» противоречия Юга и Северо-Востока Руси, а был отражением того уровня внутренних феодальных проблем и политико-правовой культуры, которые имели место на Руси в описываемые годы. Столь же несправедливо списывать разграбление Киева исключительно на Андрея Юрьевича. Решение о грабеже князья и их дружины приняли самостоятельно, без согласования с Владимирским «самовластцем». Ответственность за совершённое лежит на всех непосредственных участниках похода, о чём говорит и сам летописец.

Дальнейшая судьба Киева оказалась драматичной. В последующие семьдесят лет, предшествовавшие

▲ вернуться к оглавлению

монгольскому нашествию, власть в Киеве менялась, по меньшей мере, 35 раз. К стенам города не раз подходили князья, грозя Киеву и соперникам новыми разорениями. Так, например, случилось уже в 1170 г. при вступлении в город дружин и союзников Мстислава Изяславича «с силою многою». Это недолгое правление отметилось тем, что входившие в состав его дружин **«погании . и диции с вои . много зла творяху»** (ПСРЛ. 2: 548-549). Не менее примечательна одна из записей 1172 г., сообщающая о том, как совершаются безнаказанные разорения киевских сёл (ПСРЛ. 2: 556). В 1173 г. дважды власть в городе менялась в результате ночного захвата князей их соперниками. Ещё более динамичным оказался 1174 г., когда в земли Киева вступали князья, ведя с собой войска из Суздаля и Волыни (ПСРЛ. 2: 575-577). Аналогично развивались события и последующих лет. Создается впечатление, что на протяжение всех семи десятилетий, отделявших взятие Киева дружинами Андрея от падения города под ударами Батыя, дружины Смоленских, Галицких, Волынских, Черниговских князей и их степных союзников едва ли не гуляли по владениям стольного града. Весьма показательно, что в эти, предшествующие монгольскому вторжению, десятилетия киевляне уже не только не выбирали князей, как это было прежде, но и не вмешивались в княжеские споры за город в принципе, предпочитая межкняжескому противостоянию открытые ворота. Правда, необходимо признать, что в течение всех этих семи десятилетий в городе не отмечено больших погромов, кроме событий 1203 г., когда Киев оказался в руках Рюрика Ростиславича, разграбившего Подол и весь верхний город, включая митрополию, церкви и монастыри (ПСРЛ. 1: 418). Если, резюмируя падение Киева под ударами суздальцев в 1169 г., летописец считал, что совершившееся произошло **«по грехам»**, то в отношении Рюрика вердикт оказался иным: **«сотворися велико зло в Русстеи земли . якоже зла не было от крещенья»** (ПСРЛ. 1: 418). Возникающее кажущееся противоречие, кажется, имеет свои объяснения и они лежат не в социально-политических предпочтениях книжников.

Если в 1169 г. Киев был взят в результате честной осады, в которой каждая из сторон заранее определила свою позицию и отношение к князьям, то разграбление Киева в 1203 г. произошло при иных обстоятельствах. Так, сообщая о взятии Киева Рюриком, летопись ничего не говорит о штурме, обороне или сопротивлении. Судя по всему, сидевший в Киеве князь Ингварь Ярославич и его дружина покинули город. Всё это позволяет говорить о том, что Рюрик вошел в город, который не оказывал ему сопротивления, горожане просто сдались. Однако это не спасло ни Киев, ни его жителей. Поэтому жестокость Рюрика не результат вмешательства инфернальных сил, а личный выбор князя – «зло». Тем не менее, причина жестокости Рюрика имеет своё объяснение. Его гнев был обрушен против тех, кто годом ранее, когда Рюрик был князем киевским, открыл ворота Роману Мстиславичу, давнему сопернику Рюрика. Именно Подол в 1202 г. впустил в город Романа и его войска (ПСРЛ. 1: 417). И в результате именно с Подола Рюрик начал наказание города.

Так или иначе, но причины сравнительно «спокойной» смены власти (исключая 1203 г.) между 1169-1240гг., скорее всего, следует искать не в здравомыслии оспаривавших киевский престол князей, а в ряде иных, более существенных причин. К тому же пригороды Киева на протяжении всего этого времени оставались беззащитными перед половцами и выступавшими с ними княжескими дружинами.

Прежние «грабления» в своём большинстве становились результатом вечевых судов или княжеского решения, как правило, направлявшихся не против города в целом, а против политических оппонентов. Такое положение вещей приводило не к уничтожению присвоенного добра, а к его перераспределению внутри самой же городской общины. К тому же в городе было что грабить. В новых же условиях, пережив полное разорение, обеднев, лишившись полноценной защиты киевское самоуправление и вечевой институт, судя по всему, оказались в состоянии кризиса[9]. А город хоть и выжил, но уже не рассматривался князьями как полноправный участник политических и династических процессов. Киевляне больше не являлись силой, способной выступать посредниками в межкняжеских спорах. То же можно сказать и о киевском духовенстве, лишённом связи с княжеским престолом по причине постоянных смен правителей. С определённым сомнением можно оценивать и наличие связи киевских княжеских монастырей со своими ктиторами. Кажется, после 1169 г., князья более не принимали полноценного участия в жизни иноческих общин, основанных их отцами и дедами. Столь же очевидно отсутствие известий об ограблениях дворов дружинников и бояр. Едва ли это указывало на ровное течение жизни внутри городских стен. Скорее всего, ситуация была обратной. Вероятно, объяснение такой «законопослушности» и «уважения к чужому достатку» следует искать в том, что дружинники и бояре с приходом своих князей более не задерживались в городе и не стремились в нём осесть. Не видно и того, чтобы киевляне испытывали какие-либо предпочтения в пользу тех или иных князей. Практически все перемены власти теперь были обусловлены либо княжескими интересами, отстаивание которых происходило через демонстрацию военной силы, либо желанием киевлян избежать штурма. В результате ни в глазах князей, ни в сознании киевлян Киев более не обладали тем моральным и духовным влиянием, которые могли бы хоть как-то повлиять на ситуацию в целом и изменить судьбу города.

Таким образом, можно заключить, что за весь домонгольский период Киев, как «столичный» город, только дважды подвергался разграблению. Нанесённый ему в 1169 г. союзными войсками суздальцев, смолян и черниговцев урон имел для него самого, его общинных и властных институтов катастрофические последствия. Главным из них стала – утрата Ки-

9 Здесь с сожалением приходится заметить, что институт киевского веча остаётся одним из наименее изученных в истории Киевской Руси. Данная ситуация видится странной и даже досадной особенно на фоне того, как этот институт исследован в отношении Новгорода и Галича (Несин 2010: 79-96; 2011: 5-26; 2011а: 50-73; Лукин 2014 и др.).

вернуться к оглавлению ▲

евом ореола политического центра[10]. Это не означает, что город был уничтожен, его стол потерял старейшинство, а духовная жизнь прекратилась. Все эти черты, присущие центру, в целом сохранились. Однако возник прецедент разграбления Матери городов русских, были разрушены (сильно пострадали) его институты, а престиж его стола хоть и не был полностью утрачен, однако понёс существенные потери особенно в области сакральных смыслов. Поход войск Андрея и сама демонстративная политика Владимирского князя в отношении Киева показали, что старейшинство в княжеском роду совершенно необязательно связывать с непременным присутствием старейшего князя в стенах столицы. В итоге Киев низводился до уровня одного из условных символов старейшинства, которым можно было распоряжаться без опасения для ресурсов своей власти. Теперь от князя не требовалось пребывание в Киеве, стало достаточным лишь обладать этим городом. Последствия произошедших перемен оказались необратимыми.

10 В. О. Ключевский оценивал произошедшее предельно эмоционально: «Разграбление Киева своими было резким проявлением его упадка, как земского и культурного средоточия» (Ключевский 2001: 326-327). Однако, принимая во внимание, что Киев и в последующие эпохи будет важным элементом политической борьбы в Восточной Европе, оценка выдающегося русского историка видится излишне категоричной (см. подробнее: Денисов 2011).

ЛИТЕРАТУРА

Аристов, Данилевский 2017 - Аристов В.Ю., Данилевский И.Н. Андрей Боголюбский «Первый великоросс» // Русско-Украинский исторический разговорник. Опыт общей истории / Редакторы-составители А. Голубовский, Н. Соколов. М.: Новое издательство, 2017. С. 31-49.

Богдановский 1857 - Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М.: Типография Каткова, 1857. 146 с.

Бойцов 2002 - Бойцов М.А. Ограбление мертвых государей как всеобщее увлечение // Казус. 2002. Вып. 4. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2002. С. 137-201.

Буганов 1986 - Буганов В.И. Очерки истории классовой борьбы в России XI-XVIII вв. М.: Просвещение, 1986. 239 с.

Вопросы Кирика 1880 - Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа Новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники канонического права. Ч. 1. Памятники XI-XV в. СПб., 1880. Стб. 21-62.

Гаген 2012 - Гаген С.Я. Византийское правосознание IV-XV вв. / Отв. ред. И.П. Медведев. М.: Юрлитинформ, 2012. 304 с.

Гайденко 2011 - Гайденко П.И. Место русской церковной иерархии в событиях киевского восстания 1113 г. // Клио. 2011. № 1. С. 34-36.

Гайденко, Филиппов 2011 - Гайденко П.И., Филиппов В.Г. Несколько замечаний о интересах церкви в восстании 1113 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2011. № 2. С. 173-184.

Гайденко, Фомина 2011 - Гайденко П.И., Фомина Т.Ю. О правовом положении церковной собственности в домонгольской Руси (историко-правовые этюды) // Клио. 2011. № 4. С. 38-42.

Галл Аноним 2010 - Галл Аноним. Хроника и деяния польских королей // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. Западноевропейские источники / Составление, переводы и комментарии А.В. Назаренко. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 166-179.

Гвозденко 2009 - Гвозденко К.С. Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 17-35.

Георгиевский 2007 - Георгиевский Э.В. Уголовно-правовая юрисдикция Русской Православной Церкви. Иркутск: Издательство ИГУ, 2007. 259 с.

Георгиевский 2013 - Георгиевский Э.В. Система и виды преступлений в уголовном праве Древней Руси. М.: Юрлитинформ, 2013. 232 с.

Грушевский 1891 - Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. 541 с.

Гуревич 1993 - Гуревич А.Я. «Время вывихнулось»: поругание умершего правителя // Одиссей. Человек в истории. М., 1993. С. 221-241.

Данилевский 2001 - Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (IX-XII вв.). М.: Аспект Пресс, 2001. 339 с.

Данилевский 2004 - Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 383 с.

Денисов 2011 - Денисов Ю.В. Борьба за наследство Киевской Руси: Краков, Вильнюс, Москва. М.: Флинта; Наука, 2011. 384 с.

Донской 2015 - Донской Г.Г. К вопросу о бытовании в средневековой Руси монашеской практики посмертного «поругания тела» // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2015. № 1. С. 85-96.

Каргер 1961 - Каргер М.К. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. В двух томах. Т. 2. Памятники киевского зодчества X-XIII вв. / Отв. ред. Н.Н. Воронин. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1961. 661 с.

Киево-Печерский Патерик 2004 - Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век / Под редакцией Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб.: Наука, 2004. С. 296-489, 641-667.

Ключевский 2001 - Ключевский В.О. Русская история. В пяти томах. Т. 1. Полный курс лекций. Части 1-2 / Вступ. ст. А.Ф. Смирнова; составление, комментарии, указатели А.М. Кузнецова. М.: Рипол Классик, 2001. 672 с.

Колесов 2014 - Колесов В.В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове / Словоуказатель – Н.В. Колесова; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1120 с.

Котляр 2016 - Котляр Н.Ф. Удельная раздробленность Руси. СПб.: Наука, 2016. 381 с.

Ламперт Херсфельдский 2010 - Ламперт Херсфельдский. Анналы // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. Западноевропейские источники. Составление, переводы и комментарии А.В. Назаренко. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 115-121.

Литвина, Успенский 2010 - Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Траектория традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2010. 208 с.

Лукин 2007 - Лукин П.В. Вечевые расправы в домонгольской Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: политические институты и верховная власть: XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 16-18 апреля 2007 г.: материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2007. С. 141-147.

Лукин 2014 - Лукин П.В. Новгородское вече. М.: Индрик, 2014. 608 с.

Мавродин 1961 - Мавродин В.В. Народные восстания в Древней Руси. XI-XIII вв. М.: Соцэкгиз, 1961. 118 с.

Малькова 2009 - Малькова И.Ю. Грабеж: вопросы классификации, дифференциации ответственности и индивидуализации наказания. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Саратов, 2009. 36 с.

Мильков, Симонов 2011 - Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: учёный и мыслитель // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М.: Кругъ, 2011. 544 с.

Мининкова 2018 - Мининкова Л.В. Князь и дружина Древней Руси: исследование форм общественно-политических отношений раннего русского Средневековья. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 496 с.

Назаренко 2001 - Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.

Назаренко 2009 - Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. 528 с.

Несин 2010 - Несин М.А. Галицкое вече при Ярославе Осмомысле // Русин. 2010. № 1. С. 79-96.

Несин 2011 - Несин М.А. Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1205-1229 гг. // Русин. 2011. № 2. С. 5-26.

Несин 2011а - Несин М.А. Галицкое вече в 1229-1234 гг. // Русин. 2011. № 3. С. 50-73.

Оспенников 2013 - Оспенников Ю.В. Княжеские церковные уставы // Памятники российского права. В 35 томах. Т. 1. **Памятники права Древней Руси** / Под общей редакцией Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 453-488.

Послания папы Григория VII 2010 - Послания папы Григория VII к польскому князю Болеславу II и киевскому князю Изяславу Ярославичу (1075 г.) // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. **Западноевропейские источники.** Составление, переводы и комментарии А.В. Назаренко. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 111-114.

Правда Русская 1947 - Правда Русская. Т. 2. Комментарии / Сост. Б.В. Александров, В.Г. Гейман, Г.Е. Кочин, Н.Ф. **Лавров и Б.А. Романов; под ред. Б.Д. Грекова.** М.; Л.: Издательство АН СССР, 1947. 862 с.

ПСРЛ. 1 - Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.

ПСРЛ. 2 - Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 648 с.

ПСРЛ. 3 - Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки славянской культуры, 2000. 720 с.

Ричка 2005 - Ричка В.М. «Київ – Другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. 243 с.

Свердлов 2017 - Свердлов М.Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси IX-XIII вв. Германия. «Правда Русская». История текста. Избранные статьи. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 592 с.

Солнцев 2012 - Солнцев Н.И. Формирование сакральной символики русского средневекового города // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 180-187.

Суд Ярославль 1984 - Суд Ярославль Володимерич Правда Русьская [Пространная редакция] // Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. С. 64-73.

Титмар Мерзебургский 2010 - Титмар Мерзебургский. Хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. Западноевропейские источники. Составление, переводы и комментарии А.В. Назаренко. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 63-89.

Тихомиров 1975 - Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв. // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М.: Наука, 1975. С. 42-232.

Толочко 2003 - Толочко П.П. Дворцовые интриги на Руси. СПб.: Алетейя, 2003. 224 с.

Толочко 2018 - Толочко П.П. Киев и Новгород в X-XIII вв. Исторические очерки. Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2018. 256 с.

Устав князя Владимира 1976 - Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных [Синодальный извод] // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / Сост. Я.Н. Щапов; Отв. ред. Л.В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 21-24.

Федорова 2013 - Федорова А.Н. Ретроспективная юридическая ответственность за нарушения по Русской Правде // Памятники российского права. В тридцати пяти томах. Т. 1. Памятники права Древней Руси / Под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 211-277.

Флоря 2007 - Флоря Б.Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М.: Православная энциклопедия, 2007. 528 с.

Фроянов 2012 - Фроянов И.Я. Древняя Русь IX-XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2012. 1088 с.

Цветков 2009 - Цветков С.Э. Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. 1054-1212. М.: Центрполиграф, 2009. 527 с.

Чебаненко 2013 - Чебаненко С.Б. Основные черты вечевого правосудия в Древней Руси // Rossica Antiqua. 2013. № 2. С. 64-104.

REFERENCES

Aristov, Danilevskij 2017 - Aristov V.Yu., Danilevskij I.N. Andrej Bogolyubskij «Pervyj velikoross» [Andrei Bogolyubsky «The First Great Russian»], in: Russko-Ukrainskij istoricheskij razgovornik. Opyt obshchej istorii / Redaktory-sostaviteli A. Golubovskij, N. Sokolov [Russian-Ukrainian historical phrasebook. General History Experience / Editors-compilers A. Golubovsky, N. Sokolov], Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2017, pp. 31-49 [in Russian].

Bogdanovskij 1857 - Bogdanovskij A. Razvitie ponyatij o prestuplenii i nakazanii v russkom prave do Petra Velikogo [The development of the concepts of crime and punishment in Russian law before Peter the Great], Moscow, Tipografiya Katkova Publ., 1857, 146 p. [in Russian].

Bojcov 2002 - Bojcov M.A. Ograblenie mertvyh gosudarej kak vseobshchee uvlechenie [Robbing dead sovereigns as a universal hobby], in: Kazus. 2002. Vyp. 4. Individual'noe i unikal'noe v istorii [Case. 2002. Issue 4. Individual and unique in history], Moscow, 2002, pp. 137-201 [in Russian].

Buganov 1986 - Buganov V.I. Ocherki istorii klassovoj bor'by v Rossii XI-XVIII vv. [Essays on the history of class struggle in Russia of the 11th-18th centuries], Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986, 239 p. [in Russian].

Chebanenko 2013 - Chebanenko S.B. Osnovnye cherty vechevogo pravosudiya v Drevnej Rusi [The main features of veche justice in ancient Russia], in: Rossica Antiqua, 2013, № 2, pp. 64-104 [in Russian].

Cvetkov 2009 - Cvetkov S.E. Drevnyaya Rus'. Epoha mezhdousobic. 1054-1212 [Ancient Russia. Age of civil strife. 1054-1212], Moscow, Centrpoligraf Publ., 2009, 527 p. [in Russian].

Danilevskij 2001 - Danilevskij I.N. Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (IX-XII vv.) [Russian lands through the eyes of contemporaries and descendants (IX-XII centuries)], Moscow, Aspekt Press Publ., 2001, 339 p. [in Russian].

Danilevskij 2004 - Danilevskij I.N. Povest' vremennyh let: Germenevticheskie osnovy izucheniya letopisnyh tekstov [A Tale of Bygone Years: Hermeneutic Foundations of the Study of Annals], Moscow, Aspekt-Press Publ., 2004, 383 p. [in Russian].

Denisov 2011 - Denisov Yu.V. Bor'ba za nasledstvo Kievskoj Rusi: Krakov, Vil'nyus, Moskva [The struggle for the inheritance of Kievan Rus: Krakow, Vilnius, Moscow], Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2011, 384 p. [in Russian].

Donskoj 2015 - Donskoj G.G. K voprosu o bytovanii v srednevekovoj Rusi monasheskoj praktiki posmertnogo «poruganiya tela» [On the issue of the existence in medieval Russia of the monastic practice of the posthumous "desecration of the body"], in: Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo [Bulletin of the University of Dmitry Pozharsky], 2015, № 1, pp. 85-96 [in Russian].

Fedorova 2013 - Fedorova A.N. Retrospektivnaya yuridicheskaya otvetstvennost' za narusheniya po Russkoj Pravde [Retrospective legal liability for violations of Russian Truth], in: Pamyatniki rossijskogo prava. V tridcati pyati tomah. T. 1. Pamyatniki prava Drevnej Rusi / Pod obshch. red. R.L. Hachaturova [Monuments of Russian law. In thirty-five volumes. Volume 1. Monuments of Law of Ancient Russia / Under the general editorship of R.L. Khachaturov], Moscow, Yurlitinform Publ., 2013, pp. 211-277 [in Russian].

Florya 2007 - Florya B.N. Issledovaniya po istorii Cerkvi. Drevnerusskoe i slavyanskoe srednevekov'e [Research on Church History. Old Russian and Slavic Middle Ages], Moscow, Pravoslavnaya enciklopediya Publ., 2007, 528 p. [in Russian].

Froyanov 2012 - Froyanov I.Ya. Drevnyaya Rus' IX-XIII vekov. Narodnye dvizheniya. Knyazheskaya i vechevaya vlast' [Ancient Russia IX-XIII centuries. Popular movements. Princely and veche power], Moscow, Russkij izdatel'skij centr Publ., 2012, 1088 p. [in Russian].

Gagen 2012 - Gagen S.Ya. Vizantijskoe pravosoznanie IV-XV vv. / Otv. red. I.P. Medvedev [Byzantine justice IV-XV centuries. / Executive Editor I.P. Medvedev], Moscow, Yurlitinform Publ., 2012, 304 p. [in Russian].

Gajdenko 2011 - Gajdenko P.I. Mesto russkoj cerkovnoj ierarhii v sobytiyah kievskogo vosstaniya 1113 g. [The place of the Russian church hierarchy in the events of the Kiev uprising of 1113], in: Klio, 2011, № 1, pp. 34-36 [in Russian].

Gajdenko, Filippov 2011 - Gajdenko P.I., Filippov V.G. Neskol'ko zamechanij o interesah cerkvi v vosstanii 1113 g. [A few comments on the interests of the church in the uprising of 1113], in: Vestnik Ekaterinburgskoj duhovnoj seminarii [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary], 2011, № 2, pp. 173-184 [in Russian].

Gajdenko, Fomina 2011 - Gajdenko P.I., Fomina T.Yu. O pravovom polozhenii cerkovnoj sobstvennosti v domongol'skoj Rusi (istoriko-pravovye etyudy) [On the legal status of church property in pre-Mongol Russia (historical and legal studies)], in: Klio, 2011, № 4, pp. 38-42 [in Russian].

Gall Anonim 2010 - Gall Anonim. Hronika i deyaniya pol'skih korolej [Chronicle and Acts of Polish Kings], in: Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. T. 4. Zapadnoevropejskie istochniki / Sostavlenie, perevody i kommentarii A.V. Nazarenko [Ancient Russia in the light of foreign sources. Volume 4. Western European sources / Compilation, translations and comments A.V. Nazarenko], Moscow, Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2010, pp. 166-179 [in Russian].

Georgievskij 2007 - Georgievskij E.V. Ugolovno-pravovaya yurisdikciya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [Criminal jurisdiction of the Russian Orthodox Church], Irkutsk, Izdatel'stvo IGU Publ., 2007, 259 p. [in Russian].

Georgievskij 2013 - Georgievskij E.V. Sistema i vidy prestuplenij v ugolovnom prave Drevnej Rusi [The system and types of crimes in the criminal law of Ancient Russia], Moscow, Yurlitinform Publ., 2013, 232 p. [in Russian].

Grushevskij 1891 - Grushevskij M.S. Ocherk istorii Kievskoj zemli ot smerti Yaroslava do konca XIV stoletiya [A sketch of the history of the Kiev land from the death of Yaroslav to the end of the XIV century], Kiev, 1891, 541 p. [in Russian].

Gurevich 1993 - Gurevich A.Ya. «Vremya vyvihnulos'»: poruganie umershego pravitelya [«Time has become dislocated»: scolding the deceased ruler], in: Odissej. Chelovek v istorii [Odysseus. Man in history], Moscow, 1993, pp. 221-241 [in Russian].

Gvozdenko 2009 - Gvozdenko K.S. Ceremoniya knyazheskoj intronizacii na Rusi v domongol'skij period [The ceremony of princely intronization in Russia in the pre-Mongol period], in: Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki [Ancient Russia: Questions of Medieval Studies], 2009, № 1 (35), pp. 17-35 [in Russian].

Karger 1961 - Karger M.K. Drevnij Kiev: Ocherki po istorii material'noj kul'tury drevnerusskogo goroda. V dvuh tomah. T. 2. Pamyatniki kievskogo zodchestva X-XIII vv. / Otv. red. N.N. Voronin [Ancient Kiev: Essays on the history of the material culture of an ancient Russian city. In two volumes. Volume 2. Monuments of Kiev architecture X-XIII centuries. / Executive Editor N.N. Voronin], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1961, 661 p. [in Russian].

Kievo-Pecherskij Paterik 2004 - Kievo-Pecherskij Paterik [Kiev-Pechersk Paterik], in: Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 4. XII vek / Pod redakciej D.S. Lihachyova, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Ponyrko [Library of literature of Ancient Russia.

Volume 4. XII century / Edited by D.S. Likhacheva, L.A. Dmitrieva A.A. Alekseeva, N.V. Ponyrko], St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 296-489, 641-667 [in Russian].

Klyuchevskij 2001 - Klyuchevskij V.O. Russkaya istoriya. V pyati tomah. T. 1. Polnyj kurs lekcij. Chasti 1-2 / Vstup. st. A.F. Smirnova; sostavlenie, kommentarii, ukazateli A.M. Kuznecova [Russian history. In five volumes. T. 1. A full course of lectures. Parts 1-2 / Introductory article by A.F. Smirnova; compilation, comments, pointers A.M. Kuznetsova], Moscow, Ripol Klassik Publ., 2001, 672 p. [in Russian].

Kolesov 2014 - Kolesov V.V. Drevnerusskaya civilizaciya. Nasledie v slove / Slovoukazatel' – N.V. Kolesova; otv. red. O.A. Platonov [Old Russian civilization. Legacy in the word / Word index - N.V. Kolesov; executive editor O.A. Platonov], Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2014, 1120 p. [in Russian].

Kotlyar 2016 - Kotlyar N.F. Udel'naya razdroblennost' Rusi [Specific fragmentation of Russia], St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, 381 p. [in Russian].

Lampert Hersfel'dskij 2010 - Lampert Hersfel'dskij. Annaly [Annals], in: Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. T. 4. Zapadnoevropejskie istochniki. Sostavlenie, perevody i kommentarii A.V. Nazarenko [Ancient Russia in the light of foreign sources. Volume 4. Western European sources. Compilation, translations and comments by A.V. Nazarenko], Moscow, Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2010, pp. 115-121 [in Russian].

Litvina, Uspenskij 2010 - Litvina A.F., Uspenskij F.B. Traektoriya tradicii: Glavy iz istorii dinastii i cerkvi na Rusi konca XI – nachala XIII veka [Trajectory of the tradition: Chapters from the history of the dynasty and the church in Russia at the end of the 11th - beginning of the 13th centuries], Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2010, 208 p. [in Russian].

Lukin 2007 - Lukin P.V. Vechevye raspravy v domongol'skoj Rusi [Evening massacres in pre-Mongol Rus], in: Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e: politicheskie instituty i verhovnaya vlast': XIX Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto, Moskva, 16-18 aprelya 2007 g.: materialy konferencii / Otv. red. E.A. Mel'nikova [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages: Political Institutions and the Supreme Power: XIX Readings in Memory of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Vladimir Terentievich Pashuto, Moscow, April 16-18, 2007: Conference proceedings / Editor-in-Chief E.A. Melnikova], Moscow, Institut vseobshchej istorii RAN Publ., 2007, pp. 141-147 [in Russian].

Lukin 2014 - Lukin P.V. Novgorodskoe veche [Novgorod veche], Moscow, Indrik Publ., 2014, 608 p. [in Russian].

Mal'kova 2009 - Mal'kova I.Yu. Grabezh: voprosy klassifikacii, differenciacii otvetstvennosti i individualizacii nakazaniya. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata yuridicheskih nauk [Robbery: issues of classification, differentiation of responsibility and individualization of punishment. Abstract of dissertation for the degree of candidate of legal sciences], Saratov, 2009, 36 p. [in Russian].

Mavrodin 1961 - Mavrodin V.V. Narodnye vosstaniya v Drevnej Rusi. XI-XIII vv. [Uprising in ancient Russia. XI-XIII centuries], Moscow, Socekgiz Publ., 1961, 118 p. [in Russian].

Mil'kov, Simonov 2011 - Mil'kov V.V., Simonov R.A. Kirik Novgorodec: uchyonyj i myslitel' [Kirik Novgorodets: scientist and thinker], in: Pamyatniki drevnerusskoj mysli: issledovaniya i teksty. Vyp. VII [Monuments of Old Russian thought: studies and texts. Issue VII], Moscow, Krug Publ., 2011, 544 p. [in Russian].

Mininkova 2018 - Mininkova L.V. Knyaz' i druzhina Drevnej Rusi: issledovanie form obshchestvenno-politicheskih otnoshenij rannego russkogo Srednevekov'ya [The prince and the squad of Ancient Russia: a study of the forms of socio-political relations of the early Russian Middle Ages], Moscow; St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2018, 496 p. [in Russian].

Nazarenko 2001 - Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyah: Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskih svyazej IX-XII vv. [Ancient Russia on international routes: Interdisciplinary essays on cultural, commercial, political relations of the 9th-12th centuries], Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2001, 784 p. [in Russian].

Nazarenko 2009 - Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus' i slavyane (istoriko-filologicheskie issledovaniya) [Ancient Russia and the Slavs (historical and philological research)], Moscow, Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2009, 528 p. [in Russian].

Nesin 2010 - Nesin M.A. Galickoe veche pri Yaroslave Osmomysle [Galician veche under Yaroslav Osmomysl], in: Rusin, 2010, № 1, pp. 79-96 [in Russian].

Nesin 2011 - Nesin M.A. Galickoe veche i Daniil Galickij v 1205-1229 gg. [Galitsky veche in 1229-1234], in: Rusin, 2011, № 2, pp. 5-26 [in Russian].

Nesin 2011a - Nesin M.A. Galickoe veche v 1229-1234 gg. [Galitsky veche and Daniil Galitsky in 1205-1229], in: Rusin, 2011, № 3, pp. 50-73 [in Russian].

Ospennikov 2013 - Ospennikov Yu.V. Knyazheskie cerkovnye ustavy [Princely Church Charters], in: Pamyatniki rossijskogo prava. V 35 tomah. T. 1. Pamyatniki prava Drevnej Rusi / Pod obshchej redakciej R.L. Hachaturova [Monuments of Russian law. In 35 volumes. Volume 1. Monuments of Law of Ancient Russia / Under the general editorship of R.L. Khachaturova], Moscow, Yurlitinform Publ., 2013, pp. 453-488 [in Russian].

Poslaniya papy Grigoriya VII 2010 - Poslaniya papy Grigoriya VII k pol'skomu knyazyu Boleslavu II i kievskomu knyazyu Izyaslavu Yaroslavichu (1075 g.) [Messages from Pope Gregory VII to the Polish Prince Boleslav II and the Kiev Prince Izyaslav Yaroslavich (1075)], in: Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. T. 4. Zapadnoevropejskie istochniki. Sostavlenie, perevody i kommentarii A.V. Nazarenko [Ancient Russia in the light of foreign sources. Volume 4. Western European sources. Compilation, translations and comments by A.V. Nazarenko], Moscow, Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2010, pp. 111-114 [in Russian].

Pravda Russkaya 1947 - Pravda Russkaya. T. 2. Kommentarii / Sost. B.V. Aleksandrov, V.G. Gejman, G.E. Kochin, N.F. Lavrov i B.A. Romanov; pod red. B.D. Grekova [True Russian. Volume 2. Comments / Compiled by B.V. Alexandrov, V.G. Gaiman, G.E. Kochin, N.F. Lavrov and B.A. Romanov edited by B.D. Grekov], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1947, 862 p. [in Russian].

PSRL. 1 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 1. Lavrent'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Volume 1. Laurentian Chronicle], Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2001, 496 p. [in Russian].

PSRL. 2 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 2. Ipat'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Volume 2. Ipatiev Chronicle], Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2001, 648 p. [in Russian].

PSRL. 3 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 3. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Complete collection of Russian chronicles. Volume 3. Novgorod first annals of senior and junior vodov], Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2000, 720 p. [in Russian].

Richka 2005 - Richka V.M. «Kiïv – Drugij Єrusalim» (z istoriï politichnoï dumki ta ideologiï seredn'ovichnoï Rusi) ["Kiev is another Jerusalem" (from the history of the political ideologists of Medieval Russia)], Kiev, Institut istoriï Ukraïni NAN Ukraïni Publ., 2005, 243 p. [in Ukrainian].

Solncev 2012 - Solncev N.I. Formirovanie sakral'noj simvoliki russkogo srednevekovogo goroda [The formation of sacred symbols of the Russian medieval city], in: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University N.I. Lobachevsky], 2012, № 6 (1), pp. 180-187 [in Russian].

Sud Yaroslavl' 1984 - Sud Yaroslavl' Volodimerich Pravda Rus'skaya [Prostrannaya redakciya] [Court Yaroslavl Volodimerich Pravda Ruskaya (Spatial edition)], in: Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov. V devyati tomah. T. 1. Zakonodatel'stvo Drevnej Rusi / Otv. red. V.L. Yanin [Russian legislation of the X-XX centuries. In nine volumes. Volume 1. Legislation of Ancient Russia / Executive Editor V.L. Yanin], Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1984, pp. 64-73 [in Russian].

Sverdlov 2017 - Sverdlov M.B. Latinoyazychnye istochniki po istorii Drevnej Rusi IX-XIII vv. Germaniya. «Pravda Russkaya». Istoriya teksta. Izbrannye stat'i [Latin-language sources on the history of Ancient Russia of the 9th-13th centuries Germany. Pravda Ruskaya. History of the text. Featured Articles], St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko Publ., 2017, 592 p. [in Russian].

Tihomirov 1975 - Tihomirov M.N. Krest'yanskie i gorodskie vosstaniya na Rusi XI-XIII vv. [Peasant and urban uprisings in Russia XI-XIII centuries], in: Tihomirov M.N. Drevnyaya Rus' [Ancient Russia], Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 42-232 [in Russian].

Titmar Merzeburgskij 2010 - Titmar Merzeburgskij. Hronika [Chronicle], in: Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. T. 4. Zapadnoevropejskie istochniki. Sostavlenie, perevody i kommentarii A.V. Nazarenko [Ancient Russia in the light of foreign sources. Volume 4. Western European sources. Compilation, translations and comments by A.V. Nazarenko], Moscow, Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke Publ., 2010, pp. 63-89 [in Russian].

Tolochko 2003 - Tolochko P.P. Dvorcovye intrigi na Rusi [Palace intrigues in Russia], St. Petersburg, Aletejya Publ., 2003, 224 p. [in Russian].

Tolochko 2018 - Tolochko P.P. Kiev i Novgorod v X-XIII vv. Istoricheskie ocherki [Kiev and Novgorod in the X-XIII centuries. Historical essays], Kiev, Izdatel'skij dom Dmitriya Burago Publ., 2018, 256 p. [in Russian].

Ustav knyazya Vladimira 1976 - Ustav knyazya Vladimira o desyatinah, sudah i lyudyah cerkovnyh (Sinodal'nyj izvod) [Charter of Prince Vladimir on tithes, courts and church people (Synodal Exodus)], in: Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI-XV vv. / Sost. Ya.N. Shchapov; Otv. red. L.V. Cherepnin [Old Russian princely charters of the XI-XV centuries. / Compiled by Y.N. Schapov; Executive Editor L.V. Cherepnin], Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 21-24 [in Russian].

Voprosy Kirika 1880 - Voprosy Kirika, Savvy i Il'i, s otvetami Nifonta, episkopa Novgorodskogo, i drugih ierarhicheskih lic [Questions of Kirik, Savva and Elijah, with the answers of Nifont, Bishop of Novgorod, and other hierarchical persons], in: Russkaya istoricheskaya biblioteka. T. 6. Pamyatniki kanonicheskogo prava. Ch. 1. Pamyatniki XI-XV v. [Russian historical library. Volume 6. Monuments of canon law. Part 1. Monuments of the XI-XV century], St. Petersburg, 1880, pp. 21-62 [in Russian].

Гайденко Павел Иванович
– Доктор исторических наук, председатель редакционного совета журнала «Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях» (Казань, Санкт-Петербург, Нежин).

Pavel Gaydenko
– Doctor of historical sciences, the Chairman of Editorial Council of the Magazine «Ancient Russia: in Time, in Persons, in the Ideas» (Kazan, St. Petersburg, Nezhin).

prof.gaydenko@rambler.ru

ОБЗОР СОВРЕМЕННОГО НОРМАНИЗМА (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

Л.П. Грот
Общество «Русский салон» (Лулео, Швеция)
e-mail: mail@histformat.com
SPIN-код: 1768-1727

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье дается определение «норманизму» и рассматривается фактический материал, который показывает, что утверждения норманистов не подтверждаются результатами современных научных исследований. В статье показано, что провалились двухсотлетние попытки обосновать скандинавское происхождение имени «русь» от *rōþs-men («гребцов»); приводятся данные подводной археологии, как российской, так и скандинавской, согласно которым в скандинавских странах не найдено таких типов судов, которые были бы пригодны по своим технологическим свойствам плавать по русским рекам; освещается целый ряд фальсификатов норманизма. Среди них такие как скандинавские рунические надписи на льве из Пирея, устаревшее толкование Бертинских анналов и других исторических источников. Рассматривается тенденциозное толкование археологических находок, например, так называемых «молоточков Тора». Показана некорректность использования норманистами исторических параллелей с западноевропейской историей для доказательства большой роли скандинавов в русской истории. Эти данные показывают, что норманистские концепции имеют надуманный характер и не отражают реальный ход исторического процесса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: скандинавы, имя «Русь», норманизм, лев из Пирея, историография, исторические фантомы.

REVIEW OF MODERN NORMANISM (PART ONE)

Lidia Groth
Society «Russian Salon» (Luleå, Sweden)
e-mail: mail@histformat.com

ABSTRACT
The paper provides definition of Normanism and examines factual material indicating that Normanists' statements are not supported by the results of modern scientific research. The article shows that bicentennial attempts of Normanists to substantiate the Scandinavian origin of name 'Rus' from 'rōþs-men' ('rowers') have failed and provides the underwater archaeology data, both Scandinavian and Russian, according to which no such vessels were found in Scandinavian countries that would be suitable by their technological properties to sail along Russian rivers; a number of other instances of falsification are also spotlighted in the paper. Among them there are such as Scandinavian runic inscriptions on Piraeus lion and outdated interpretations of Annales Bertiniani and other historical sources. Tendentious interpretations of archaeological findings, e.g. so-called 'Thor's hammers', are also examined. The illegitimacy of utilizing historical parallels with western European history to prove the great role of Scandinavians in the history of Rus is demonstrated. The data clearly shows that the Normanistic concepts are far-fetched and do not reflect the real course of the historical process.

KEYWORDS: Scandinavians, name 'Rus', Normanism, Piraeus lion, historiography, historical phantoms.

В статье Л.С. Клейна «Антинорманизм как проявление научного патриотизма» (Клейн 2018; 2018а) упоминается мое имя и моя работа «Чем опасен политический миф норманизма» (Грот 2013в). Упоминание приводится в конце статьи, тогда как большая её часть содержит нападки на известного специалиста в области ДНК-генеалогии А.А. Клёсова и на министра культуры России В.Р. Мединского. А.А. Клёсов ответил на эти нападки в статье «Последний гвоздь в гроб “норманнской теории”» (Клёсов 2018).

Взгляды В.Р. Мединского, которые обличает Л.С. Клейн, представлены в статье «Интересная история» (Мединский 2017). Там, в частности, говорится о том, что В.Р. Мединскому симпатичны взгляды М.В. Ломоносова историка, и то видение логики событий русской древности, которое подводит его к доказательству славянского происхождения летописного Рюрика. Одного этого было достаточно для того, чтобы вызвать гнев Л.С. Клейна. Идея о славянском происхождении Рюрика оказывает такое же будоражащее действие на норманистов, как отклонение от утвержденного символа веры действовало на представителя святой инквизиции Римско-католической церкви.

Согласно Л.С. Клейну, два тезиса В.Р. Мединского роднят наши с ним взгляды на историю.

«Первое. История не существует без фактов. Но факты – это не только события, не только объекты материальной культуры – курганы, черепки и пирамиды. Идеи и мифы – тоже факты. Идеи и мифы, овладевшие массами, исторически весомее любых колизеев и виадуков.

«Пятое. Зажмурьте глаза, глубоко вдохните и признайтесь хотя бы сами себе, молча. Признайтесь: достоверного прошлого не существует. Ибо уже через 5 минут любое событие начинает бытовать как интерпретация.

Не говоря уж про пять веков. Не говоря уж про 25 версий двадцати пяти свидетелей, интерпретированных двадцатью пятью историками с разными взглядами».

В статье Л.С. Клейна это родство было описано следующим образом: «Еще один историк-эмигрант, вряд ли читавший эту аргументацию Мединского, антинорманистка Л.П. Грот, сумела соединить его 1-й и 5-й аргументы в одну лаконичную фразу: "Если в России и нужно создавать политические мифы, то они должны питаться интересами страны, а не быть ей чуждыми" (Грот 2013в). Она рассматривает дискуссию о начальных годах Руси как столкновение двух мифов, как идеологическую борьбу – вполне в советском духе. И, выступая в защиту одного из этих мифов, как ей представляется, патриотического, ощущает себя в Швеции на передовых позициях фронта идеологической схватки. Между тем коренной вопрос заключен в ее формулировке, смягченной сослагательным наклонением: "Если в России и нужно создавать политические мифы…". По Грот, очевидно, нужно. По Мединскому – тоже. С моей точки зрения – категорически нет. И уж во всяком случае это не задача истории как науки» (Клейн 2018а).

Размышления Л.С. Клейна о том, читала ли я аргументацию В.Р. Мединского, бессмысленны, поскольку моя статья была написана и опубликована ещё в конце 2013 г. Никакого научного содержания не несет и характеристика «историк-эмигрант». Взяв её за отправную точку, Л.С. Клейн обнаруживает, что его задачей является не объективный анализ взглядов инакомыслящего историка, а подбор компромата на него. Из других работ Л.С. Клейна известно, что слово «эмигрант» имеет у него порочащий смысл. Достаточно вспомнить, что в его книге «Спор о варягах» такие историки как В.А. Рязановский и А.В. Соловьев преподносятся как белоэмигранты, печатающиеся в Западной Германии, автор «Истории русов в неизвращенном виде» Сергей Лесной (Парамонов) – как гитлеровский недобиток, а автор книги «Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки» Н. Ильина как религиозная фанатичка (Грот 2013. Там же подборка цитат из работы Л.С. Клейна).

При этом Л.С. Клейн не приводит и не анализирует взгляды и аргументацию названных авторов, сообщая о них только то, что они антинорманисты, и вместо их критики умело пользуется тем методом, о котором ещё Ф.М. Достоевский в «Братьях Карамазовых» сказал, характеризуя модного адвоката Фетюковича, что главное в его методе было подмарать нравственную репутацию свидетеля, а стало быть, само собой, подмарать и их показания. Это – испытанный метод пасквилянтов.

Но ведь этим же методом можно «подмарать» и нравственную репутацию норманистов. Например, об упомянутом в книге «Спор о варягах» археологе Х. Арбмане сказать, что расцвет его научной деятельности приходился на тот период, когда Швеция активно сотрудничала с нацистской Германией, а относительно А. Стендера-Петерсенеа, также фигурирующего в книге, упомянуть, что он трудился в странах, вошедших в блок НАТО, политикой которого был оголтелый антисоветизм.

Соответствует это действительности? Безусловно. Но дает ли что-либо для научной оценки трудов названных авторов? Ни в малой степени. Поскольку для науки важен и интересен анализ работ того или иного исследователя. Норманисты же, как видно из публикаций Л.С. Клейна, в первую очередь, взыскуют компромат на своих оппонентов. Поэтому понятно, что представив меня историком-эмигрантом и одновременно, – антинорманисткой, Клейн с первых же слов постарался привычным образом задать тон: «подмарать нравственную репутацию».

И теперь уместно задать вопрос: а судьи кто? Кто такие норманисты? И что такое норманизм? Этим же вопросом – что такое норманизм? – задается и Л.С. Клейн. Свой ответ он начинает с определения норманизма антинорманистами: норманизм – система взглядов, сторонники которой признают варягов скандинавами, а также отстаивают скандинавское происхождение Рюрика и Рюриковичей, Руси и русского государства.

На этом информативная часть ответа Л.С. Клейна на заданный им вопрос заканчивается и начинается его забалтывание: дескать, норманская концепция в таком полном виде никогда и нигде солидными историками, причисляемыми к норманистам, не излагалась; антинорманисты не могут привести ни одной цитаты, все это больше их подозрения и догадки; они причисляют к норманистам всякого, кто считает, что варяги были скандинавами.

Все, кто хотя бы бегло знаком с работами «солидных историков, причисляемых к норманистам», могут привести достаточное количество цитат по затронутому вопросу. Так, в публикации известного историка Н.Ф. Котляра «В тоске по утраченному времени» как раз и перечисляются три основных принципа, которые отстаиваются норманистами и которые Н.Ф. Котляр определяет как якобы господствующие в современной науке: концепция скандинавского происхождения слова «русь», варяги как скандинавы, отрицание славянского происхождения Рюрика (Котляр 2003: 350).

В качестве другого примера можно привести работы скандинавистки Е.А. Мельниковой, известной своим теоретизированием на темы об особой роли скандинавов в создании древнерусской государственности и древнерусского института княжеской власти. В одной из её работ говорится: «…в жизни Северо-Запада Восточной Европы IX в. с отчетливостью вырисовывается главенствующая и организующая роль Балтийско-Волжского пути, открытие и функционирование которого являлось результатом деятельности скандинавских купцов и воинов. В зоне пути возникают **первые** (выделено мной – Л.Г.) предгородские поселения, усиливаются процессы социальной и имущественной дифференциации в среде местных разноэтничных племен, укрепляются старые и возникают новые потестарные структуры. Наконец, благодаря ей *(т.е. благодаря деятельности скандинавских купцов и воинов – Л.Г.)* консолидируется обширная территория, на которой в середине IX в. возникает **первое раннегосударственное образование** (выделено мной – Л.Г.)… Активная деятельность скандинавов на севере Восточной Европы в VIII-X вв., таким образом, имела результатом возникновение трансевропейского торгового пути, связавшего Западную и Северную Европу со странами Арабского халифата. В зоне

этого пути местные племена подвергались мощному воздействию торговой экономики, которая стимулировала ускоренное социально-политическое развитие местных обществ» (Мельникова 2011: 436-440).

Ещё один пример из работы Е.А. Мельниковой: «Именно в этот период (VI-VII вв. – Л.Г.) на территории прибалтийско-финских племен возникает сохранившееся до сих пор как обозначение Швеции именование скандинавов словом *Ruotsi / Rootsi*, производным от др.-сканд. **Rōþs(-menn,-karlar)* – композита, употреблявшегося по отношению к гребцам и воинам, участникам походов на гребных судах. Профессиональное наименование было переосмыслено как этноним, чему способствовала относительная этническая однородность пришельцев: подавляющее их большинство было выходцами из Свеяланда... ”Вокняжение” Рюрика, предводителя одного из викингских отрядов, стало (в результате соглашения с местной знатью или путем захвата власти) лишь завершением по меньшей мере столетнего доминирования скандинавов в транзитной торговле между Востоком и Западом и знаменовало возникновеие раннегосудартвенного образования в Ладожско-Ильменском регионе… Практически полное отсутствие скандинавских древностей к югу от водораздела Западной Двины – Днепра – Верхней Волги могло бы рассматриваться как незнакомство скандинавов с Днепровским путем и Южной Русью, по крайней мере, в первой половине IX в., если бы не упоминания византийских источников о нападениях отрядов народа рос на города, расположенные в юго-западной части Черного моря, которые относятся уже к началу IX в. Эти походы были, вероятно, первыми ”прорывами” скандинавов на юг» (Мельникова 2011а: 53, 64).

Можно привести и большее количество цитат, но полагаю, в этом нет необходимости. Достаточно добавить, что аналогичные идеи развиваются в работах В.Я. Петрухина (часть из которых написпна совместно с Е.А. Мельниковой), А.А. Горского, А.Ю. Дворниченко, В.В. Пузанова, М.Б. Свердлова, А.А. Шинакова, В.В. Мурашевой, С.П. Щавелева и т.д.

Надо отметить, что с некоторых пор у сторонников приведенной системы взглядов стала обнаруживаться тенденция отрекаться от названия «норманизм» и настаивать на том, что норманнский вопрос, т.е. вопрос об этносе и родине варягов давно перестал обсуждаться в профессиональных научных кругах. Иначе говоря, «профессиональные научные круги» постановили, что летописные варяги – это выходцы из Скандинавии, и норманизм теперь – единственно правильное учение в российской исторической науке, а те, кто против норманизма, воспринимаются норманистами как мелкие антинаучные группировки.

Подобными заявлениями пестрит и упомянутая статья Л.С. Клейна: «Ныне, в отличие от советского времени, антинорманизм – маргинальное течение, но его исподволь поощряют официозные структуры, а кроме того, ему симпатизирует масса людей, не сведущих в истории». Поддержка антинорманистов некими таинственными «официозными структурами» – фантазия Л.С. Клейна. Большинство российских научных центров заполнены как раз норманистами. Почему так сложилось, я поясню ниже.

А вот симпатии со стороны российского общества – это факт, с которым мне часто приходится сталкиваться, причем не только через общение с читателями на сайте «Переформат», но и в поездках на конференции, в живом общении с людьми. Узнав, что я историк, люди часто задают мне вопрос: «Неужели таким убогим было начало нашей истории, что горстка каких-то пришельцев со стороны чуть не в одночасье все организовала?». Люди ведь, даже не будучи специалистами в истории, интуитивно понимают, что картины, рисуемые норманистами, реалистичностью не отличаются.

И люди правы, поскольку все утверждения норманистов о варягах из Свеяланд, о викинге Рюрике и о происхождении имени «Русь» от родсменов – гребоманов идут вразрез с источниками и известным на сегодня фактическим материалом.

Никакие выходцы из Свеяланда не могли в IX в. явиться в Восточную Европу, поскольку, согласно шведским историкам, название Свеяланд / *Svealand* фиксируется только в XV в. Позднее появление этого названия должно находиться в прямой связи с процессом изостатического восстановления Фенноскандии и образования только к концу XIII-XIV вв. новой земли – прибрежной области Рослаген/Руслаген на востоке Швеции, благодаря чему там сложились более благоприятные условия для развития хозяйственной деятельности.

Но именно в этой земле, ещё не поднявшейся из воды в IX в., с легкой руки Н.М. Карамзина, не имевшего возможности лично работать со шведскими материалами, поэтому на веру принявшего рассуждения А.Л. Шлёцера, который, в свою очередь, набрался этой премудрости от шведских деятелей, норманисты вплоть до 2011 г. предлагали видеть прародину Руси и без зазрения совести выводили отсюда древних русов (обзор историографии см.: Грот 2012: 328-352).

Итак, что сказать о норманистах, которые выводят летописных варягов Рюрика из несуществовавшего в его время Свеяланда? Сведения о позднем образовании Рослагена/Руслагена общеизвестны в Швеции и должны были бы быть известны российским скандинавистам (Tunberg 1947: 4; Sporrong 1971: 100, 102, 104, 195-196; Dahlbäck, Jansson, Westin 1972: 1-5, 34-46; Calissendorf 1986: 11; Nordström 1990: 9; Lijsing 1998: 4-8).

Но когда я в 2010 г. рассказала о них на конференции в Петербурге, мое сообщение произвело эффект разорвавшейся бомбы. В интернете началось заполошное «обсуждение», часто в форме, покидавшей рамки приличия. Но постепенно все стихло и замерло под покровом замалчивания. Никто из представителей «профессиональных научных кругов» своей ошибки вслух не признал. Оценку позиции «профессиональных кругов» дал читатель «Переформата» геолог В.П. Юрковец: «Вообще-то, в наше время не учитывать в исторических реконструкциях изостатическое восстановление Фенноскандии – это демонстрировать ничем не прикрытый срам невежества в основополагающем вопросе палеогеографии северной Европы, имеющем первостепенное значение для её археологии. Первостепенное потому, что скорость этого восстановления по геологи-

ческим меркам столь велика, что является своего рода ”палеогеографическими часами” исторических событий на данной территории» (Грот 2013б).

Столь же некорректны и лингвистические попытки норманистов обосновать скандинавское происхождение имени «Русь». Ещё в 2001 г. известный историк и филолог А.В. Назаренко писал о том, что ни один из исходных композитов, предложенных до сих пор сторонниками «гребцов» из Швеции не даёт лингвистически удовлетворительной праформы, поскольку остаётся загадкой, как в языке самих носителей исходная форма типа **rōþs-men* могла редуцироваться до *rōþs* (Назаренко 2001: 33).

Через несколько лет А.В. Назаренко в другой работе подтвердил свой вывод: «собственно скандинавоязычного прототипа у фин. Ruotsi, а значит и др.-русск. русь выявить не удаётся, но подавляющее большинство вполне серьёзных историков продолжает жить в **летаргическом убеждении** (выделено мной – Л.Г.), будто проблема давно и навсегда закрыта чуть ли не со времён В. Томсена, и всякое уклонение от этимологии др.-русск. *русь* < др.-сканд. **rops-* ”гребной, имеющий отношение к гребным судам” карается отлучением от науки» (Назаренко 2009: 370).

Я могу дополнить рассуждения А.В. Назаренко, исходя из моего знания скандинавских языков. Дело в том, что *rōÞs-* является частью сложносоставного слова rōÞsmenn, что-то вроде *гребоманы*, состоящего из двух компонентов, где -s выполняет функцию соединительной морфемы (аналогичная структура, кстати, и в сложном слове Ру-с-лаген). Так что у норманистов нет никакого основания манипулировать таким компонентом как *rōÞs-*, т.е. *гребо-*. Выглядит подобная «реконструкция» просто чудовищно. Дополняя слова А.В. Назаренко, можно сказать, что непонятно, каким образом слово *гребоманы* сократилось до начального композита *гребо-*, превратившегося в этноним *русь*.

И эти шаткие построения выдаются за серьёзную научную концепцию. Под напором перечисленных фактов даже в Википедии в статье «Руслаген» (Руслаген 2018) со ссылкой на работы А.В. Назаренко, признана недоказанность связи имени «Русь» со скандинавскими «праформами».

Ныне требуется признание на научном уровне недоказанности идеи скандинавского происхождения имени Руси. Посмотрим, кто из норманистов вслед за А.В. Назаренко рискнет нарушить летаргический сон норманистского мифа и официально заявить, что идея скандинавского происхождения имени Русь ничем не обоснована.

Древнее имя Руси имеет совершенно иное происхождение, не имеющее никакого отношения к скандинавским языкам. Но это тема отдельной работы. А на сегодняшний день «профессиональные круги» норманистов продолжают цепляться за «гребоманов», невзирая на факты. Однако главное даже не в «гребоманах». Главное в том, зачем вообще нужны эти «гребоманы», т.е. вся эта идея о происхождении имени Руси? В качестве ответа могу дать историческую справку.

В западноевропейской общественной мысли XVII-XVIII вв., увлекавшейся «этимологизацией» самого свободного толка, жила вера в то, что если название какой-либо страны удается вывести из определенного языка, то носителей данного языка следует считать создателями государственности и культуры в этой стране. В качестве примера могу напомнить о «лингвистических» потугах шведа Олофа Рудбека сложить имя легендарной Гипербореи из композитов шведского языка. Представьте себе, ему это удалось, после чего вся история Гипербореи в XVII-XVIII вв. была объявлена шведской историей в древности (Rudbeck 1937: 228-233).

По этой же логике, т.е. по логике западноевропейской утопии XVII-XVIII вв., пытаются норманисты объявить начальный период русской истории созданием шведов, подгоняя имя Руси под «композиты» древнешведского языка. И научного в идее древнешведского происхождения имени Руси столько же, сколько и в идее «древнешведского» происхождения имени Гипербореи. И снова приходит на ум вопрос: на чем основывается норманизм – на фактах или на мифах?

К перечисленным выше некорректностям исторического и лингвистического характера, которые норманисты выдают за давно доказанные и общеизвестные аргументы их правоты, надо добавить и археологические данные, конкретно, данные подводной археологии, как российской, так и скандинавской. Согласно этим данным, в скандинавских странах не найдено таких типов судов, которые были бы пригодны по своим технологическим свойствам плавать по русским рекам (Грот 2015).

Научный руководитель проекта «Подводное наследие России» к.т.н. А.В. Лукошков в течение многих лет выступал на научных конференциях и публиковал в научных изданиях сведения о результатах исследований подводной археологии (Лукошков 2011: 207-215).

Аналогичные факты приводятся в работе шведского археолога Рюне Эдберга под названием «Водный путь в районе Сигтуны и тайна ненайденных викингских кораблей», где сообщается, что согласно выводам скандинавских археологов, знаменитые драккары не могли плавать по русским рекам в силу специфики восточноевропейской гидросистемы (Грот 2014).

Сведения об отсутствии у скандинавов судов, подходивших для плавания по русским рекам, неопровержимы, поскольку основаны на объективном инженерном анализе. Поэтому они стали постепенно влиять и на построения норманистов. Так, археолог В.В. Мурашева в докладе «Викинги и речные пути Восточной Европы в конце IX – начале XI века», прочитанного весной 2017 г. в лектории «Исторические субботы», скромно признала, что археологи не знают, на каких кораблях ходили скандинавы по пути из варяг в греки (Мурашева 2017). И это признание тем более удивительно, что до недавнего времени типом такого корабля норманисты хором называли драккар. Например, ещё в 2011 г. журнал «История» (№ 14) демонстрировал изображения драккаров с пояснениями, что на драккарах плавали викинги, основавшие династию Рюриковичей (Фомин 2012: 51). Однако честно признать свои прежние заблуждения норманисты не в состоянии.

«Археологи точно не знают, на каких кораблях ходили скандинавы по пути из варяг в греки. Мы можем

только предполагать, что большие корабли (т.е. драккары – Л.Г.) не могли использоваться на этом пути. Археологи собирают материал» – заявила Мурашева в упомянутом докладе.

Но значительный материал по данному вопрому уже собран. В работах российских специалистов по истории судостроения представлены исторические типы судов, использовавшиеся в Восточной Европе с древности. Это разные типы так называемых шитых судов, например, лодьи, насады, струги, челны и пр. (Грот 2015).

Все эти названия свободно объяснимы из славянских языков, а для норманистов это неприемлемо: они же уже решили между собой, что варяги – выходцы из Скандинавии. Признать же, что во времена Рюрика никаких варягов из Скандинавии не было, не хватает духу. Поэтому «археологи собирают материал». Хотя давно пора обратить внимание на то, что пути скандинавов на юг, в Византию могли проходить и по европейскому континенту, используя европейскую речную систему, а также через Атлантику. Может стоит поизучать, как функционировала центрально-европейская речная система, какими типами судов пользовались там? Но для этого требуется иной научный подход к проблеме, чего у норманистов нет.

Приведенные выше примеры ясно показывают, что норманистские концепции не корректны и не отражают реального исторического процесса. Каким образом эта фантомная специфика норманизма сложилась – поговорим чуть позднее, а сейчас хочу обратить внимание на другую методику норманизма – фальсифицирование источников.

Ярким примером таких фальсификатов можно по праву назвать скандинавские рунические надписи на льве из Пирея, долго выдавашиеся российскими скандинавистами за источник, якобы безусловно подтверждавший факт происхождения Руси от шведского Рослагена/Руслагена и как следствие – наличие скандинавов в Восточной Европе. Я достаточно подробно рассматривала эту историю в одной из своих статей (Грот 2017).

Опираясь на заведомо устаревшую трактовку надписи на Льве из Пирея, Е.А. Мельникова в своей работе о скандинавских рунических надписях (Мельникова 2001), в которой важная часть результатов исследования этих надписей была «пропущена», позволила фальшивке о Рослагене в рунической надписи на скульптуре льва получить прописку в российской исторической науке вплоть до нынешнего времени (Грот 2012: 341-346).

Последний раз она попадалась в учебнике для студентов-историков российских учебных заведений издания 2011 г., где было сказано о «земле росов» или Рослагене на восточном побережье современной Швеции, откуда данные «росы» и пришли в Восточную Европу (Вовина-Лебедева 2011: 65-66). И это, собственно, не вина В.Г. Вовиной-Лебедевой. Не владея скандинавскими языками, она вынуждена доверять российским скандинавистам – знатокам скандинавских языков и литературы. И опять хочется задать вопрос: что распространяют норманисты в российском обществе – факты или мифы?

Другой пример некорректного подхода к источникам – это толкование норманистами Бертинских анналов, которое не менялось с XVIII в., с версии Г.З. Байера (Байер 2006: 347). Эта тема также заслуживает отдельной работы, но кратко её можно изложить и здесь.

Хорошо известно, какое важное значение придают норманисты Бертинским анналам. Напомню, что в этом источнике, в частности, сообщается, что в 839 г. в столицу франков Ингельгейм к Людовику Благочестивому прибыло посольство византийского императора Феофила, и вместе с этим посольством были послы другого народа, называвшие себя *Rhos*, а своего правителя – хаканом (*Chacanus*). Людовик узнал, что послы принадлежат к свеонам *(eos gentis esse Sueonum)*. Содержание этого отрывка стало известно с подачи Байера, который внес грубую ошибку, переведя *gentis Sueonum* как шведов (родом шведы, от поколения шведы). Подобный перевод недопустим исторически, поскольку «шведы» как самоназвание населения современной Швеции сложилось в шведской истории не ранее XIV-XV вв. А в IX в. никаких шведов ещё не было. На территории современной Швеции были различные этнические образования, самыми крупными из которых были свеи и гёты. О свеях же в ПВЛ сказано, что они были иным народом относительно варягов-руси, следовательно, *gentis Sueonum* из Бертинских анналов – народ, не связанный со скандинавскими свеями ничем, кроме созвучного имени.

Но этого мало. Этноним свеи, который прочно вошел в современную науку и который всем привычен, на самом деле не был изначальным самоназванием предков современных шведов. Это – термин из латиноязычной литературы, получивший хождение на европейском континенте. А в шведских письменных источниках он как самоназвание закрепился не ранее XIV в., т.е. с распространением и утверждением христианства и латыни как языка письменных источников. А как называли себя предки шведов в IX в., под которым они могли бы представиться на международной арене? Один из источников, по которому можно восстановить наиболее раннее самоназвание, – это рунические надписи. Наиболее ранняя форма самоназвания будущих шведов, зафиксированная на ряде рунических камней Швеции, читалась как *Svitjod (Svetjud)* или *suiþiuþu, suiþiuþu, suaþiauþu*, т.е. свитьод или свитьоды.

Свитьодов/свитьюдов или будущих свеев Скандинавского полуострова Людовик Благочестивый (778-840) и его окружение прекрасно знали, поскольку контакты с конунгами из Бирки имели место в период с 829 г. в связи с пожеланием конунгов ознакомиться с христианским учением. А в 839 г. при дворе Людовика появляются люди, родовое имя которых было *gentis Sueonum*. И носители этого имени были совершенно неизвестны Людовику Благочестивому, в силу чего их и стали проверять.

Соответственно, предположение норманистов о том, что представители конунгов из Бирки в 839 г. оказались в Константинополе, откуда попали к Людовику Благочестивому, почему-то вдруг полностью забывшему своих прежних знакомцев – совершенная фантазия. Ведь именно в те же годы представители Людовика Благочестивого – миссионеры и хронисты (например, святой Ансгарий) – бывали с визитами в Бирке, описывали

вернуться к оглавлению ▲

в своих трудах как обстановку, царившую в Бирке, так и наиболее значительные события из жизни конунгов и общества. И ни один из них впоследствии не упомянул о таком грандиозном мероприятии, как посольство из Бирки в Константинополь и далее до юго-западных земель франков?! Этого мероприятия просто не было, а gentis Sueonum не имели никакого отношения к Скандинавскому полуострову (Грот 2012: 358-363).

Известна длительная традиция, связывавшая имя свеев шведской истории со свевами (лат. *Suevi, Suebi*) – именем, которое, по замечанию австрийского историка Х. Вольфрама, ещё античная география применяла ко множеству германских племён (Вольфрам 2003: 35).

Этот этноним временами вытеснялся из источников, но потом появлялся вновь, закрепляясь за тем или иным народом. Нидерландский историк XVI в. И. Горопиус Беканус считал, что свеи Швеции являются частью переселившихся в Скандинавию свевов (Nordström 1934: 112-114). Такого же мнения придерживались и некоторые шведские ученые, эту же точку зрения высказывал А.Г. Кузьмин (Кузьмин 2003: 195-196).

Но исследованию данного вопроса до недавнего времени мешало то, что прообраз свеев из Швеции пытались видеть уже в свионах Тацита, который он упомянул в своей «Германии», рассказывая о Suionum civitates, живущих в самом Океане (ipso in Oceano) (Тацит 1993: 354). Однако сейчас связь свионов Тацита со шведской историей подвергается сомнению шведскими историками.

Свионы, согласно описанию Тацита, были объединены в мощную социально-политическую организацию: сильны на суше и на море, организованы под властью неограниченного правителя. Однако после упоминания их Тацитом о них не было никаких известий в течение 500 лет. Следующие упоминания о свеях (или тех, в ком наука видит будущих свеев) появляются только в середине VI в. Готский историк Иордан, описывая легендарный остров Скандца, сообщал, что на нём проживало 28 народов. Среди них Иордан упомянул два народа: *Suehans* и *Suetidi*, в которых также пытались видеть будущих свеев. Сейчас только *Suetidi/Светиды* отождествляются шведскими учеными со словом *Svitjod (Svetjud)*/*sveafolket* или свеи / народ свеев, связывая тем самым *светидов* Иордана с этнонимом на ряде рунических камней Швеции.

Помимо Иордана к авторам, донёсшим до нас материал по ранней истории Швеции, относят византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского и его работу «Война с готами». Но у Прокопия упоминаются гауты, герулы и скридс-финны, и нет никого, похожего на свеев.

Краткий экскурс в историю формирования этнонима свеи показывает, что это был длительный процесс, и рассматривать его надо вкупе с массой других факторов, а не довольствуясь только созвучиями.

Возвращаясь к свевам, надо напомнить, что группы свевов в первые века оперировали на Дунае, а в эпоху Великого переселения следовали в русле миграций других народов и расселялись по Европе. На их историю накладывается «переселенческая» легенда об Одине – выходце из областей к востоку от Свартахав (Чёрное море) из Свитьод Великой. Эта «переселенческая» легенда рассказывается в некоторых исландских сагах («Саге об Инглингах», «Сага о Скьёлдунгах» и др.). Согласно ей, Один, придя из Азии в Европу и подчинив местных жителей, стал властвовать над северной частью Европы – Саксонией, Данией, «Свецией». Имя «Свеция» дано от имени тех областей, откуда Один впервые вышел. Эти области лежат к северу от Меотийского болота. Их древние скандинавы называли Свитьод / *Svíþóð* Великой или Холодной и это название Один, согласно легенде, перенёс на свою новую страну на севере Европы.

Перенос этнонима на новое место поселения и воспроизводство от него названия уже новой страны – традиция весьма распространенная. Например, от мигрировавших на Британские острова англов получила название их новая страна Англия. Эта традиция, на мой взгляд, прослеживается и в мифе о переселении предков свеев вместе с мифическим предводителем Одином из Великой Свитьод на юге Восточной Европы. Они также взяли имя своей родины с собой и назвали им новую страну на скандинавском полуострове.

Но как известно, прежние места обитания не покидаются всеми жителями. И в Великой Свитьод осталась какая-то часть свевов или свитьодов. И с учетом этих соображений все разрозненные фрагменты складываются в логичную картину: скандинавские свитьоды/свеи и свеоны из Бертинских анналов – два разных народа со сходным именем, возможно, генетически восходящим к имени одного легендарного первопредка. Свеоны из Бертинских анналов – это народ с реликтовым именем *Sueonum*, оставшийся на юге Восточной Европы и сохранивший свое родовое древнее имя, но вошедший в состав более крупных этнокультурных образований, каквой была Русь. Это единственная, исторически верифицируемая возможность для свеонов «быть русами», т.е. принять это имя от Руси, а не наоборот.

Поскольку письменное отражение этнонимов в античных и средневековых источниках сильно варьировалось, ещё с древности сложилась традиция давать при написании имени народа какую-то дополнительную отличительную черту. О народе *Sueonum* из Бертинских анналов, например, упоминается, что их правитель носил титул хагана (*chacanus*), что сразу помещает их на юге Восточной Европы. Но с титулами у норманистов большие нелады, как и вообще с институтами наследной власти. Поэтому в норманистских кругах, по-прежнему, уныло пережевывают рассуждение о появлении в Ингельгейме послов, которые назвались росами, а на деле оказались свеонами, т.е. шведами. И норманистов при этом не смущает, что шведов в IX в. как исторического субъекта не существовало, и что повелитель данных росов носил титул хагана, который никак не мог быть связан со Скандинавией. Летаргический сон норманизма нерушим.

Некорректной является и трактовка норманистами отрывка из ПВЛ о призвании варягов. В ПВЛ рассказывается: «Изъгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в них правды, и въста род на род, и быша в них усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами в себѣ: "Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣл нами и судилъ по праву". И идоша за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тьи

варязи русь, яко се друзии зъвутся свие, друзие же урмане, анъегляне, друзии гъте, тако и си» (ПВЛ 2007: 13).

Этот отрывок также объявляется норманистами доказательством скандинавского происхождения варягов, хотя всякий, кто умеет читать, видит, что в этом отрывке просто перечисляет те народы в акватории Балтии, которые не относились к варягам-руси. Среди них называются свеи, упрямо выдаваемые норманистами за шведов, урмане, которых переводят как норманнов, гёты которых переводят как готландцев. Я привожу названия по вышеуказанному изданию в переводе Д.С. Лихачева, т.е. по изданию, должному являться образцом научного издания источников.

Про историческую некорректность отождествлять свеев со шведами я написала выше. Точно также и урмане не имеют отношения к норманнам из латиноязычных хроник (Грот 2015а: 458-481; 2015б: 29-53).

Бросающейся в глаза натяжкой является и перевод «гъте» как готландцы. В летописи явно упоминаются гёты с юга современной Швеции. Именно этот этноним вписывается в текст и с точки зрения логики перевода, и с точки зрения исторического контекста.

Но тогда пришлось бы признать, что летописец не относит к варягам-руси обоих предков современных шведов, т.е. как свеев, так и гётов, но признать этот факт – значит развалить всю свою норманистскую конструкцию.

Нельзя не коснуться и будто бы скандинавских «этимологий» летописных имен. Согласно результатам моих исследований, все эти имена восходят к архаичному именослову носителей индоевропейских языков – первых поселенцев в Восточной Европе, т.е. к именослову древних ариев и древних русов, переселившихся на Русскую равнину в III-II тыс. до н.э. как представителей субклада R1a-Z645 в виде двух дочерних ветвей Z93 и Z283>Z282>Z280. Об этих и последующих миграциях носителей индоевропейских языков, а также о ранних миграциях славян подробно рассказывается в работах А.А. Клёсова (Клёсов 2013; Клёсов 2016) и И.Л. Рожанского (Рожанский 2018). Здесь хочу добавить, что древние арии и древние русы, кроме языковой традиции, были носителями древнейшей сакральной традиции – поклонения Солнцу как проявлению божества. В лоне этой традиции и сложился названный архаичный именослов, который распространялся как часть духовной культуры носителей индоевропейских языков вместе с антропонимами и теонимами. Это хорошо видно на примере с именем Рюрик, которое обнаруживается в Европе вплоть до Британских островов уже начиная с последних веков до н.э. Заявления о якобы скандинавской этимологии имени Рюрик ни на чём не основаны. Подробнее этот вопрос разобран в моей книге о летописных именах (Грот 2015а).

Теперь стоит сказать несколько слов о фальсификатах, созданных норманизмом на основе археологических находок. Характерны в этом отношении так называемые «молоточки Тора», с которыми отождествляются найденные на территории Восточной Европы железные гривны с подвесками, внешне похожими на молот или топорик. Норманисты видят в них амулеты, связанные с культом скандинавского Тора – божества грома и молнии, хотя никаких свидетельств о наличии культа Тора в Восточной Европе не обнаруживается в отличие, например, от Англии или Ирландии.

При этом не принимается во внимание, что такой атрибут как молот являлся принадлежностью многих древних богов в Европе. Среди них можно назвать, например, древнегреческого Зевса и кельтских богов Тараниса и Диспатера. Дж.А. Маккалох сообщает, что молот также был символом Плутона этрусков (Маккалох 2004: 32).

Молот был взаимозаменяем с топориком – оба эти предмета являлись божественными символами. Ведийский бог грома и молнии Индра сокрушал своих врагов палицей грома – ваджрой. Палицей, обнаруживавшей сходство с ваджрой-палицей Индры наделялся и древнерусский бог-громовержец Перун. Время же возникновения культа Перуна-Громовержца, по мнению В.Н. Топорова и В.В. Иванова, с учетом такой атрибутики как каменные стрелы («громовые стрелки» в древнерусской традиции), оружие из бронзы и пр., можно датировать началом героической эпохи расселения индоевропейцев, видимо, с конца III тыс. до н.э. (Иванов, Топоров 1974: 156-159).

С течением времени палица Перуна оформилась в такой атрибут как топорик, носившийся на Руси в качестве оберега. Эти подвески вполне сопоставимы с найденными на Руси так называемыми молоточками Тора. Особенно это бросается в глаза, если сравнить их с археологическими материалами, приведенными в статье А. Пауля об амулетах-подвесках, выдаваемых за молоточки Тора. Эти подвески в форме молоточков, а также в форме «лезвия топора» или просто в трапецевидной форме находят во множестве в славянских землях на юге Балтики, в захоронениях и в торговых центрах. Кроме того, там же отыскиваются и местные мастерские по их производству. К примеру, при раскопках поморского города Волин была найдена мастерская, в которой наряду со множеством других, самых разных украшений и подвесок из янтаря изготавливались и янтарные «молоточки Тора». Подвески в виде молоточков, висевших на большом кольце, найдены в Ральсвике на острове Рюген. Аналогичные подвески найдены в торговом центре в Менцлине, в устье Пены, как раз по соседству с Рюгеном и Волином. Часть аналогичных подвесок известна из клада в Вицимице, где она соседствовала с другими украшениями и монетами и явно принадлежала одному из купцов. Янтарный «молоточек», однотипный тем, что производили в Волине, был найден в древнеславянской крепости возле южно-мекленбургского города Фридрихсруе. Наиболее ранние находки в землях балтийских славян подвесок, типологически сопоставимых с «молоточками Тора» более позднего времени, относятся к VI в. (Бозау и Дульзаницы) (Пауль 2014).

Как видим, более обстоятельный анализ приведенного материала о подвесках в форме молоточков показывает, что их распространение на южнобалтийском побережье и в Восточной Европе было явно связано с культом Перуна, имевшего глубокие корни как в русской истории, так и у южнобалтийских славян. Вариативность форм подвесок отражает постепенную «мо-

дернизацию» орудия каменного века – дубины с утолщением на конце, последовательно превращавшейся в палицу, булаву, ведийскую ваджру, молот или топор. Мои исследования показывают, что в некоторые периоды происходило слияние культа Перуна с другим древнерусским культом – культом Волоса в один культ (например, аналогично слиянию культа Рудры и Шивы). Этот новый культ вобрал в себя атрибутику культа Перуна (подвески с топориками или молоточками – кому как нравится), вероятно, наиболее полно воплощавшую божественную силу и мощь (Грот 2013а).

Поэтому подвески-амулеты в русских землях и у южнобалтийских славян связаны с культами Перуна и Волоса, важность которых на Руси подчеркивается и ПВЛ. А Тор здесь ни при чем. Однако очень возможно, что на атрибутику культа Тора перешла часть атрибутики культа Перуна, в частности, ношение амулетов-топориков как шейных украшений. Известно, что и в Бирке, и в области Уппокры на юге Швеции отмечалось присутствие выходцев с южнобалтийского побережья. Так что, как видим, движение сакральных традиций должно было идти из русских земель или от южнобалтийских славян на Скандинавский полуостров, а не наоборот.

Необходимо отметить ещё одну несообразность норманистов относительно их попыток «обнаружить» апологетов культа Тора в русских землях. Согласно шведским исследователям, Тору как покровителю плодородия и земледелия, поклонялись в первую очередь крестьяне и рабы (*trälar*), т.е. Тор был божеством простонародья (Davidson 1993: 74). Норманисты же утверждают, что скандинавы, явившиеся на Русь, были представителями благородных слоев – дружинной элиты и несли с собой дружинную культуру. Но Тор как божество простонародья к подобной культуре относиться не мог. Как видим, и в этом вопросе у норманистов концы с концами не сходятся.

То же самое можно сказать и о других археологических источниках, используемых норманистами, например, об обряде погребения в ладье или об обряде погребения с конем / конским снаряжением. Эти обряды обнаруживаются уже в эпоху бронзы и связаны с архаичной сакральной традицией, никак не могущей быть скандинавским этническим маркёром. Не являются таковыми и пресловутые скорлупообразные фибулы, т.е. брошки/застежки. Это были предметы сугубо прикладного значения и сколько угодно могли быть предметами торговли, дарения и пр. Как и всякие украшения, фибулы были предметом региональной моды и использовались представительницами разных народов, проживавших в данном регионе.

Стремление норманистов видеть за археологическими находками непосредственное присутствие определенного этнического элемента также свидетельствует о том, что норманисты пользуются устаревшими взглядами на историю развития международного торгового обмена. Что касается Восточной Европы, то её земли были вовлечены в международную торговлю впечатляющих масштабов с глубокой древности. К середине II тыс. до н.э. относится возникновение древнейшего торгового пути – Великого Нефритового пути, связавшего Прибайкалье с Волго-Камьем на западе и шан-иньским Китаем на востоке. Великий Нефритовый путь был предшественником караванной дороги Великий Шелковый путь, связавшей со II в. до н.э. Восточную Азию и с Восточной Европой, и со Средиземноморьем (Латов 2010: 123).

Международная торговля из Волго-Камья и Приуралья, прослеживающаяся с эпохи бронзы, особенно полно документирована для периода, начиная с VIII-IV вв. до н.э. и по VII-VIII вв. И археологические исследования демонстрирует удивительные результаты. На протяжении многих столетий и до рубежа эпох из Восточной Европы велась торговля с Кавказом, древнегреческими полисами, с народами Средней Азии и Казахстана, на рубеже эпох в Прикамье появляется египетский фаянс, римские кастрюли, ближневосточные бусы, иранское серебро, в могильниках Среднего Прикамья – ракушки каури – одно из наиболее древних средств обмена из Тихого и Индийского океанов. С этого же времени направление торговли пошло на запад, до Финляндии и Балтики.

В качестве примера указываются, обычно, находки так называемых поясов неволинского типа, хорошо известных по памятникам Верхнего и Среднего Прикамья (в бассейне р. Сылвы, верховье р. Чепцы, по р. Вычегде и др.) и характерных для женских захоронений, датируемых концом VII-VIII вв. Это – неширокие кожаные пояса, украшенные пряжкой и многочисленными бронзовыми накладками и привесками, состоящими из бус и других украшений. Умерших подпоясывали этими поясами поверх платья из шерстяной ткани местного производства или из шелковой привозной ткани. Как отмечает известный археолог Р.Д. Голдина, «судя по многочисленности поясов (не менее 72. – Л.Г.), разнообразии их вариантов, находкам полных, со всеми привесками экземпляров, эти предметы изготовлялись именно здесь – в Сылвенском поречье. Такие пояса есть и на соседних территориях, в частности, на р. Чусовой... Довольно много их в... Верхнем Прикамье» (Голдина 1979: 79-90).

Прослежена и динамика развития производства этих поясов: «Пояса неволинского типа развились из поясов, украшенных накладками местных вариантов геральдических форм, получивших в науке название агафоновских... и распространённых здесь в VII в... Неволинские пояса в конце VIII – IX в. сменились в Прикамье многочисленными и разнообразными поясами салтовского типа...» (Голдина, Голдина 1997: 10-11).

Для данной статьи интересен тот факт, что значительное скопление поясов неволинского типа было выявлено на финском побережье Балтийского моря, где в нескольких захоронениях было обнаружено 19 поясов. Пояса этого типа датируются в Финляндии началом VIII в. Появление здесь поясов неволинского типа объясняется развитием торговой деятельности купцов из Прикамья, освоивших торговые пути на Балтику на рубеже VII-VIII вв.

Доказательством же того, что товары из Прикамья, действительно, «странствовали» на большие расстояния, служит обнаружение небольшого количества неволинских поясов в Сибири, в могильниках близ Томска. Распространение поясов неволинского типа далеко за пределы места их изготовления свидетельствует о том, что они рассматривались как признанный пред-

вернуться к оглавлению

мет роскоши. Об их престижности говорит тот факт, что один такой пояс был обнаружен в Швеции, в королевском кургане в Уппсале (Callmer 1989: 25).

Археологические находки типа неволинских поясов красноречиво свидетельствуют о том, что развитие торговли в Восточной Европе в широтном направлении изначально шло с востока на запад, а не наоборот. Подтверждается данный вывод и анализом такого археологического материала как бусы.

Шведский археолог Юхан Каллмер, исследовавший происхождение бусинного материала в наборах бус 800-1000 из памятников на территории Скандинавского полуострова, выделил разновидности восточных бус, поступавшие в Скандинавию из Восточной Европы. Среди них, например, бусы, выполненные в технике миллефиори («тысяча цветов»), во множестве представленные как в Скандинавии, так и в Восточной Европе: в Подонье, Поволжье, Прикамье и на Кавказе. Каллмер называл и другие типы бус (круглые бусы, сделанные из палочки с последующим прокалыванием цвета аметист, сердоликовые сферические бусы, циллиндрические бусы с выступающими сине-белыми глазками), также хорошо известные на Ближнем Востоке, Кавказе, Волге, Каме и в странах Скандинавии. Отсутствие их в странах Западной Европы указывало на их поступление в Скандинавию через Восточную Европу.

Каллмер сопоставлял некоторые варианты восточных бус с находками поясов неволинского типа и пришел к выводу, что приток в Скандинавию указанных типов восточных бус, а также неволинских поясов был связан с торговой деятельностью купцов из Восточной Европы, из Волго-Окского междуречья или Камского бассейна (Callmer 1977; 1989: 22-35).

Российские археологи Р.Д. Голдина и Е.В. Голдина в результате тщательного изучения бус неволинской культуры в Приуралье определили, что все вышеперечисленные типы ранних восточных бус, обнаруженные в Скандинавии, не только хорошо известны в могильниках неволинской культуры, но и появились в Приуралье значительно раньше (VI в.), чем на Балтике (Голдина, Голдина 1997: 12-13).

Вышеприведённые материалы археологических исследований убедительно показывают, что торговый путь из Восточной Европы в регион Балтийского моря был проложен благодаря деятельности восточноевропейских купцов, продвигавшихся от «предела Симова» к Варяжскому морю: сначала на финское побережье Балтийского моря на рубеже VII-VIII вв., затем далее, на Скандинавский полуостров с начала IX в. Это находит подтверждение и в шведском археологическом материале из области Мэларен. На островке Маленький, с христианской эпохи известный как Хэльгё, были найдены фигурка Будды из Северной Индии и ритуальная чашечка из Египта, датируемые VI в., а также монеты из Равенны, Рима, Византии, арабские монеты. Но в указанное время жители Скандинавского полуострова не обладали даже парусным флотом для совершения морских экспедиций подобного масштаба, парус начинает появляться там только с рубежа VII-VIII вв.

Поэтому и фигурка Будды из Северной Индии и ритуальная чашечка из Египта, а также другие заморские предметы могли быть завезены в район шведской области Мэларен только теми, кто имел к VI в. развитые торговые контакты с дальними странами, вплоть до Индии благодаря наличию развитого парусного флота, то бишь вышеназванные торговцы из Восточной Европы. Таковыми с древности являлись русы (Грот 2015).

Таким образом, и археология не подтверждает норманистскую теорию. Все норманистские постулаты идут вразрез с источниками и не имеют под собой аргументов, основанных на фактах.

И последний гвоздь в фальсификации «норманской теории», по выражению А.А. Клёсова в упомянутой выше статье, вбивает ДНК- генеалогия. Результаты её исследований показывают, что потомков скандинавов нет ни в России, ни на Украине, ни в Литве, ни в Белоруссии. Поэтому и нет сомнений, подчеркивает А.А. Клёсов, что скандинавов, расписываемых норманистами, вообще не было в Восточной Европе, если не считать их возможный уровень ниже статистической детекции. Скандинавы ходили на запад, на Британские острова, но не на восток (Клёсов 2018).

Этим и объясняются приведенные выше нессобразности норманистов, пытающихся подтянуть факты западноевропейской истории под историю в Восточной Европе и создать там выдуманную историю фантомных скандинавов.

Кстати, о Белоруссии. Вездесущий Тор стараниями уже белорусских археологов проник и в Белоруссию, в Витебскую область (В Шумилинском районе 2017). Путь его в Белоруссию был аналогичен его пути на Русскую равнину: уверениями в скандинавском происхождении летописных имен. Для русской истории это было имя Рюрика, а для Белоруссии – имя Рогволода и Рогнеды. Не одно из этих имен скандинавским не является (Грот 2014а). Потомков скандинавов в Белоруссии нет, однако норманизм раскручивает и там свои мифы, не заботясь о научной достоверности.

Одной из форм подлога, используемого норманистами и выдаваемого за доказательство своей правоты, являются исторические параллели с западноевропейской историей. При этом норманисты обнаруживают непонимание принципов раннесредневекового политогенеза, традиций наследования власти и многого другого. Рассмотрим вкратце, чего стоят исторические «параллели» норманистов.

Первым примером в этой связи следует назвать историю Роллона или Рольфа Пешехода, известного тем, что он завершил свою «карьеру» в качестве первого правителя Нормандского герцогства. Согласно сагам, он был изгнанан конунгом Харальдом Прекрасноволосым за пределы его владений и занялся пиратством. Занялся, явно, успешно, поскольку в сагах его называли великим викингом – *vikingr mikill*, из чего следует, что данного исторического персонажа на определенном этапе жизни можно было называть викингом, но не на протяжении всей его жизни.

Фигура этого Роллона занимает совершенно особое положение в норманистских работах. Норманисты пытаются использовать его жизнеописание для параллелей с летописным князем Рюриком. Для этого совершенно безосновательно провозглашают Роллона осно-

воположником Нормандского герцогства и рассуждают в том смысле, что викинг Роллон основал Нормандское герцогство, следовательно, почему бы викингу Рюрику не основать Древнерусское государство? Полнейшая некорректность, поскольку совершенно очевидно, что «основоположником» лена, пожалованного Роллону по Сен-Клер-сюр-Энтскому договору, был западно-франкский король Карл Простоватый (898-922). Роллон, в крещении получивший имя Роберта, принес королю франков присягу на верность и сделался его вассалом. А затем, женившись на дочери короля и получив титул графа, он вошел в ряды французской знати и стал благородным человеком, перестав называться викингом. Ну, а герцогский титул стали носить потомки Роллона, также получив этот титул королевской милостью. Есть ли какое-либо сходство с жизнеописанием Рюрика? Ни малейшего. Потомственный князь Рюрик в результате призвания сделался суверенным правителем и возглавил верховный институт княжеской власти («и прия Рюрикъ власть всю един»). На каких основаниях норманисты относят князя Рюрика к пиратам? Граф Роллон/Роберт согласно источникам, начинал свой путь в пиратской среде, но перейдя на королевскую службу, вряд ли позволил бы называть себя викингом. В отличие от верховного правителя великого князя Рюрика, граф Роберт и весь его род всегда находились в вассальной зависимости от королевской власти, чем и гордились.

Другой излюбленный норманистами исторический пример, якобы доказывающий особую способность скандинавов организовывать государственность для других народов – это история Сицилийского королевства, в которой, согласно норманистам, видится схожая с Русью картина. Но и этот пример не может быть принят, так как государственность в этом регионе возникла задолго до Сицилийского королевства. Напомню кратко его историю. Жил в герцогстве Нормандия мелкий рыцарь Танкред де Готвиль (990-1041). Владение у него было небольшое, а сыновей – много. В 1035 г. в Южную Италию на поиски лучшей доли отправились три его старших сына. Там они вполне успешно ввязались в борьбу против арабов, отвоевывая себе их владения. Старший из братьев Вильгельм проявил особую активность: нанимался на службу к представителям местной знати, воевал против арабов, воевал против византийцев в союзе с лангобардцами и против лангобардцев на стороне византийцев. Судьба улыбнулась Вильгельму: герцог Апулии и Калабрии даровал ему титул графа с правом утверждать баронства, что было настоящей синекурой. Кроме того, герцог устроил его брак со своей племянницей, что обеспечило Вильгельму легитимное положение среди местной старинной знати. После смерти Вильгельма ему наследовал его брат – средний сын Танкреда де Готвиля. И этот сын браком с предствительницей местной знати постарался укрепить свое положение, женившись на дочери князя Салерно. Благодаря браку он унаследовал Салерно и также вошел в ряды местной знати Южной Италии. Кроме того он принёс присягу германскому императору Генриху III и стал вассалом империи, узаконив задним числом все пожалования и титулы, унаследованные от Вильгельма. Постепенно в Италии стали появляться и другие сыновья Танкреда. Один из них Рожер (1031-1101) завоевал всю Сицилию, получив от своего сюзерена титул графа Сицилии. Его сын Рожер II (1095-1154) унаследовал Сицилию после смерти отца, а после смерти двоюродного брата – Апулию и Калабрию. Объединенные наследные владения Роджер II объединил, и они получили название Сицилийского королевства, в котором потомки Роджера II правили до 1194, после чего оно перешло к германским императорам из династии Гогенштауфенов, как наследство дочери Роджера II Констанции, ставшей супругой императора Генриха VI Гогенштауфена.

Что дает нам краткий обзор истории Сицилийского королевства под властью выходцев из Нормандии? По-моему, он подводит нас к одному единственному вопросу: а причем там скандинавы? На основании каких источников рыцаря Танкреда де Готвиля и его потомство причисляют к скандинавам? Или по мнению норманистов, вся знать герцогства Нормандия имела скандинавское происхождение? Разумеется, нет. Герцогство было образовано на территории с древней родовитой знатью, корни которой уходили в галло-римские времена. И есть основания полагать, что рыцарь Танкред де Готвиль был именно выходцем из среды донормандской знати. Косвенным доказательством тому служат старания герцога Нормандии Ричарда I иметь его своим зятем. Налаживание брачных связей между новой и старой знатью было распространенной традицией в странах с наследными институтами власти, поскольку укрепляло легитимность приходящих в эти институты новых правителей. Это хорошо иллюстрируется приведенной выше историей Сицилийского королевства. Его образование было, как показано выше, обеспечено несколькими последовательными браками представителей рода де Готвилей с представительницами южноитальянских знатных семей.

И где же в описанной чреде событий какой-то особый, якобы «скандинавский» вклад? Его нет. Традиции политогенеза имели на Сицилии и в Южной Италии очень древнюю историю, начиная с древнегреческой и древнеримской эпох. И потомкам скандинавов там нечего было бы предложить, даже если бы они явились в эти края.Только у нас нет даже твердой уверенности в том, что потомство Танкреда де Готвиля имело отношение к тем, кто пришел в нынешнюю Нормандию вместе с Роллоном. Норманисты живут мифами давно отживших эпох о германских завоеваниях как двигателе прогресса и не в состоянии постигнуть, на каких принципах возникает и основывается институт монархии, что обеспечивает легитимность наследного правителя и наследные титулы.

Аналогичный упрек в адрес современных историков высказал историк О.Г. Ульянов в своей лекции о Владимире Святом, где он рассматривает вопрос о том, что Владимир Святой был не только крещен, но и венчан на царство, т.е. обрел титул царя. Вопрос о титулах, подчеркивал О.Г. Ульянов, – это краеугольный вопрос, связанный с обретением законных прав на власть, получение титула во все времена, в том числе и в средневековых государствах должно было осуществляться

легитимным для своего времени путем, но в современной российской науке вопрос о титуле правителя мало («смутно») изучен (Ульянов 2018).

Все верно. И в немалой степени этому способствовали мифы норманистов, о которых речь идет в данной статье. Это подтверждается и примером с Вильгельмом Завоевателем – ещё одним популярным среди норманистов историческим персонажем. К истории его восшествия на престол Англии норманисты любят обращаться, также пытаясь подтянуть её к русской истории периода призвания Рюрика. Дескать, прямой потомок викинга Роллона Вильгельм завоевал Англию и стал там править. Значит, что-то подобное можно усмотреть и с Рюриком.

Но подчеркивая происхождение Вильгельма по мужской линии от Роллона, норманисты не замечают, что у него имелись наследные права на английский престол, на основе матрилатеральной традиции или традиции наследования по женской линии. Матерью скончавшегося без потомства представителя уэссекской династии короля Эдуарда Исповедника (1042-1066) была урождённая герцогиня нормандская Эмма, которой Вильгельм доводился внучатым племянником. По устному завещанию бездетного Эдуарда Вильгельм был провозглашен наследником английского престола. Но поскольку на престол имелись и другие претенденты, то Вильгельму пришлось добывать английский трон с оружием в руках. Поэтому Вильгельм завоевывал не Англию, а отвоевал английский престол, имея на него наследные права. И опять хочется спросить: а причем здесь скандинавы? С какой стати представитель французской и английской родовой знати Вильгельм выдается за скандинава да ещё за викинга? Может, мы теперь и французских летчиков из «Нормандии-Неман» тоже будем причислить к скандинавам-викингам? Нормандия есть? Есть! Согласно норманистам, этого вполне достаточно.

Итак, за постулатами норманизма нет серьёзной источниковедческой и научной основы. И тем не менее, он существует в российской исторической науке более двухсот лет. В чем причина его долгожительства? Причина его долгожительства в том, что мифы норманизма были порождены политикой и всю историю норманизма поддерживались политикой. Краткий анализ этого феномена будет дан во второй части статьи.

ЛИТЕРАТУРА

Байер 2006 - Байер Г.З. О варягах // Фомин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006.

В Шумилинском районе 2017 - В Шумилинском районе нашли уникальные «молоточки Тора» // Электронный ресурс: https://charter97.org/ru/news/2017/7/21/257133/ (Дата обращения – 09.11.2018).

Вовина-Лебедева 2011 - Вовина-Лебедева В.Г. История Древней Руси. Учебник для студентов учреждений профессионального образования. М., 2011.

Вольфрам 2003 - Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003.

Голдина 1979 - Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // Краткие сообщения института археологии. 1979. Вып. 158.

Голдина, Голдина 1997 - Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тысячелетия н.э. // Шведы и Русский Север. Киров, 1997.

Грот 2012 - Грот Л.П. О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии // Слово о Ломоносове. Сборник статей и монографий. М., 2012.

Грот 2013 - Грот Л.П.Куда же было деваться советским историкам от Маркса?! 2013 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2013/12/marksizm-normanizm/ (Дата обращения – 09.11.2018).

Грот 2013а - Грот Л.П. Между громовержцем и скотьим богом. 2013 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2013/05/perun-volos/ (Дата обращения – 09.11.2018).

Грот 2013б - Грот Л.П. Снова о Рослагене, где поселили князя Рюрика. 2013. / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2013/07/normanism-roslagen/ (Дата обращения – 09.11.2018).

Грот 2013в - Грот Л.П. Чем опасен политический миф норманизма? 2013 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2013/12/chem-opasen-normanizm/ (Дата обращения – 09.11.2018).

Грот 2014 - Грот Л.П. Мыльная опера о том, как викинги бороздили просторы… 2014 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2014/08/kak-vikingi-borozdili/ (Дата обращения – 09.11.2018).

Грот 2014а - Грот Л.П. Рогволод и Рогнеда в круговороте политического мифа. 2014 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2014/02/rogvolod-rogneda/ (Дата обращения – 09.11.2018).

Грот 2015 - Грот Л.П. Норманистский миф о скандинавах на Волжско-Балтийском пути. 2015 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2015/04/skandinavy-na-rusi/ (часть первая); http://pereformat.ru/2015/04/skandinavy-na-rusi-2/ (часть вторая) (Дата обращения – 09.11.2018).

Грот 2015а - Грот Л.П. Имена летописных князей и корни древнерусского института княжеской власти // Варяги и Русь. М., 2015.

Грот 2015б - Грот Л.П. О летописных урманах и о титуле «князь урманский» // Исторический формат. 2015. № 2.

Грот 2017 - Грот Л.П. Приключения льва из Пирея продолжаются. 2017 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2017/01/piraeus-lion-2/ (Дата обращения – 09.11.2018).

Иванов, Топоров 1974 - Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Клейн 2018 - Клейн Л.С. Антинорманизм как проявление «научного патриотизма». Часть первая. 2018 / Электронный ресурс: https://trv-science.ru/2018/05/08/antinormanizm-kak-proyavlenie-nauchnogo-patriotizma/ (Дата обращения – 09.11.2018).

Клейн 2018а - Клейн Л.С. Антинорманизм как проявление «научного патриотизма». Часть вторая. 2018 / Электронный ресурс: https://trv-science.ru/2018/05/22/antinormanizm-kak-proyavlenie-nauchnogo-patriotizma-2/ (Дата обращения – 09.11.2018).

Клёсов 2013 - Клёсов А.А. Ответы дает ДНК-генеалогия. 2013 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2013/02/dna-genealogy/ (Дата обращения – 09.11.2018).

Клёсов 2016 - Клёсов А.А Миграции ариев по данным ДНК-генеалогии // Исторический формат. 2016. № 2. С. 127-156.

Клёсов 2018 - Клёсов А.А. Последний гвоздь в гроб «норманнской теории». 2018 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2018/06/poslednij-gvozd-v-grob-normannizma/ (Дата обращения – 09.11.2018).

Котляр 2007 - Котляр Н.Ф. В тоске ро утраченному времени // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007.

Кузьмин 2003 - Кузьмин А.Г. Два вида русов в юго-восточной Прибалтике // Сборник Русского исторического общества. Т. 8. М., 2003.

Латов 2010 - Латов Ю.В. Великий шелковый путь – пролог мировой экономики и глобализации // Историко-экономические исследования. Научный журнал Балтийского государственного университета. 2010. Т. 11. № 1.

Лукошков 2011 - Лукошков А.В. Флот Древней Руси в плаваниях на Константинополь: находки и реконструкции // Начала Русского мира. Труды международной конференции. СПб., 2011.

Маккалох 2004 - Маккалох Дж. Религия древних кельтов. М., 2004.

Мединский 2017 - Мединский В.Р. Интересная история. 2017 / Электронный ресурс: https://rg.ru/2017/07/04/vladimir-medinskij-vpervye-otvechaet-kritikam-svoej-dissertacii.html (Дата обращения – 09.11.2018).

Мельникова 2001 - Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001.

Мельникова 2011 - Мельникова Е.А. Скандинавы на Балтийско-Волжском пути в IX-X веках // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011.

Мельникова 2011а - Мельникова Е.А. Скандинавы в процессах образования Древнерусского государства // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011.

Мурашева 2017 - Мурашева В.В. Викинги и речные пути Восточной Европы в конце IX – начале XI века». 2017 / Электронный ресурс: https://www.youtube.com/watch?v=5Ku33eHlxgU (Дата обращения – 09.11.2018).

Назаренко 2001 - Назаренко А.В. Имя «Русь» в древнейшей западноевропейской языковой традиции (IX-XII века) // Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001.

Назаренко 2009 - Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М., 2009.

Пауль 2014 - Пауль А. Культура приморских славянских городов. 2014 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2014/07/primorskie-goroda/ (Дата обращения – 09.11.2018).

ПВЛ 2007 - Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва; Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. Третье издание (подготовил М. Б. Свердлов). СПб., 2007.

Рожанский 2018 - Рожанский И.Л. Славянские супер-ветви: Y-ДНК как маркер ранних миграций славян // Исторический формат. 2018. № 1-2.

Руслаген 2018 - Руслаген. 2018. Электронный ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D0%BD (Дата обращения – 09.11.2018).

Тацит 1993 - Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии / Перевод А.С. Бобовича, редактор М.Е. Сергеенко // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. СПб., 1993.

Ульянов 2018 - Ульянов О.Г. Лекция «Крещение Владимира Святого и начало Руси». 2018 / Электронный ресурс: http://ruskline.ru/video/2018/iyul/28/lekciya_krewenie_vladimira_svyatogo_i_nachalo_rusi/ (Дата обращения – 09.11.2018).

Фомин 2012 - Фомин В.В. Слово о Ломоносове // Изгнание норманнов из русской истории. Вып. 3. М., 2012.

Calissendorf 1986 - Calissendorf K. Ortnamn i Uppland. Stockholm, 1986.

Callmer 1977 - Callmer J. Trade beads and bead Trade in Scandinavia ca 800-1000 A.D. // Acta Archaeologia Lundensia. Series in 4. Nr 11. Bonn; Lund, 1977.

Callmer 1989 - Callmer J. The beginning of the Easteuropen trade connections of Scandinavia and the Baltic Region in the eighth and ninth centuries A.D. // Internationale Konferenz uber das Fruhmittelalter. Szekszard, 1989.

Dahlbäck, Jansson, Westin 1972 - Dahlbäck G., Jansson B., Westin G.T. Norra Roden // Det medeltida Sverige. B. 1. Pt. 1. Uppland, 1972.

Davidson 1993 - Davidson E. Nordens gudar och myter. Stockholm, 1993.

Lijsing 1998 - Lijsing P.M. Roden och Roslagen, rospiggar och ruser // Hundare och skeppslag. XI. Norrtälje, 1953-55; Stockholm, 1998.

Nordström 1990 - Nordström A. Roslag. Stockholm, 1990.

Rudbeck 1937 - Rudbeck O. Atland eller Manheim. Första delen. Uppsala; Stockholm, 1937.

Rudbeck 1947 - Rudbeck O. Atlands eller Manheims. Tredje delen. Uppsala och Stockholm, 1947.

Sporrong 1971 - Sporrong U. Kolonisation, bebyggelseutveckling och administration. Studier i agrar kulturlandskapsutveckling under vikingatid och tidig medeltid med exempel från Upland och Närke. Lund, 1971.

Tunberg 1947 - Tunberg S. Rod och Roslag i det gamla Sveariket // Det levande förflutna. Svenska historiska föreningens Folkskrifter 11. Stockholm, 1947.

REFERENCES

Bayer 2006 - Bayer G.S. O variagah [De Varagis], in: Fomin V.V. Lomonosov. Geniiy russkoiy istorii [Lomonosov. Genius of russian history], Moscow, 2006 [in Russian].

Calissendorf 1986 - Calissendorf K. Ortnamn i Uppland [Toponyms of Uppland], Stockholm, 1986 [in Swedish].

Callmer 1977 - Callmer J. Trade beads and bead Trade in Scandinavia ca 800-1000 A.D., in: Acta Archaeologia Lundensia, Series in 4, Nr 11, Bonn; Lund, 1977 [in English].

Callmer 1989 - Callmer J. The beginning of the Easteuropaen trade connections of Scandinavia and the Baltic Region in the eighth and ninth centuries A.D., in: Internationale Konferenz uber das Fruhmittelalter, Szekszard, 1989 [in English].

Dahlbäck, Jansson, Westin 1972 - Dahlbäck G., Jansson B., Westin G.T. Norra Roden [Northern Roden], in: Det medeltida Sverige [Sweden in the middle ages], B. 1, Pt. 1, Uppland, 1972 [in Swedish].

Davidson 1993 - Davidson E. Nordens gudar och myter [Gods and Myths of Northern Europe], Stockholm, 1993 [in Swedish].

Fomin 2012 - Fomin V.V. Slovo o Lomonosove [Word about Lomonosov], in: Izgnanije normannov iz russkoj istorii [Banishment of normans from Rus history], Issue 3, Moscow, 2012 [in Russian].

Goldina 1979 - Goldina R.D. Hronologija pogrebalnyh komplexov rannego srednevekovja v Verhnem Prikamje [Chronology of early-middle age burial complexes in upper Kama river region], in: Kratkije soobschenija institute arheologii [Short messages of archaeology institute], 1979, Issue 158 [in Russian].

Goldina, Goldina 1997 - Goldina R.D., Goldina E.B. Scandinavija i Verhnee Prikamje: kontakty vo vtoroj polovine I tysjacheletija n.e. [Scandinavia and upper Kama river region: contacts in the second half of the I century C.E.], in: Schvedy i Russky Sever [Swedes and Russian North], Kirov, 1997 [in Russian].

Groth 2012 - Groth L.P. O Roslagene na dnje morskom i o varjagah ne iz Scandinavii [About Roslagen on the bottom of the ocean and non-scandinavian varangians], in: Slovo o Lomonosove. Cb. Statej I monografij [Word about Lomonosov. Collection of articles and studies], Moscow, 2012 [in Russian].

Groth 2013 - Groth L.P. Kuda zhe bylo devat'sya sovetskim istorikam ot Marksa?! [Where soviet historians were supposed to go from Marx?], 2013, Electronic resource: http://pereformat.ru/2013/12/marksizm-normanizm/ (Date of access - 09.11.2018) [in Russian].

Groth 2013a - Groth L.P. Mezhdu gromoverzhcem i skotjim bogom [Between thunderer and cattle god], 2013, Electronic resource: http://pereformat.ru/2013/05/perun-volos/ (Date of access - 09.11.2018) [in Russian].

Groth 2013b - Groth L.P. Snova o Roslagene, gde poselili knjazja Ruruka [Again on Roslagen, where prince Rurik was conveniently 'settled'], 2013, Electronic resource: http://pereformat.ru/2013/07/normanism-roslagen/ (Date of access - 09.11.2018) [in Russian].

Groth 2013v - Groth L.P. Chem opasen politichesky mif normanizma? [What are the dangers of normanic political myth?], 2013, Electronic resource: http://pereformat.ru/2013/12/chem-opasen-normanizm/ (Date of access - 09.11.2018) [in Russian].

Groth 2014 - Groth L.P. Mylnaja opera o tom, kak vikingi borozdili prostory… [Soap opera about vikings roaming the expanse…], 2014, Electronic resource: http://pereformat.ru/2014/08/kak-vikingi-borozdili/ (Date of access - 09.11.2018) [in Russian].

Groth 2014a - Groth L.P. Rogvolod i Rogneda v krugovorote politicheskogo mifa [Rogvolod and Rogneda in circulation of political myth], 2014, Electronic resource: http://pereformat.ru/2014/02/rogvolod-rogneda/ (Date of access - 09.11.2018) [in Russian].

Groth 2015 - Groth L.P. Normanistsky mif o skandinavah na Volzhsko-Baltijskom puti [Normaminc myth about Scandinavians on the Volga-Baltic route], 2015, Electronic resource: http://pereformat.ru/2015/04/skandinavy-na-rusi/ (part one); http://pereformat.ru/2015/04/skandinavy-na-rusi-2/ (part second) (Date of access - 09.11.2018) [in Russian].

Groth 2015a - Groth L.P. Imena letopisnyh knjazej i korni drevnerusskogo institute knjazheskoj vlasti [Names of annalistic princes and roots of ancient rus institute of princely rule], in: Varyagi i Rus' [Varangians and Rus], Moscow, 2015 [in Russian].

Grot 2015b - Grot L.P. O letopisnyh urmanah i o titule «knyaz' urmanskij» [About Urmans and the title of Urman prince from medieval chronicles], in: Istoricheskij format [Historical Format], 2015, № 2 [in Russian].

Groth 2017 - Groth L.P. Prikluchenija ljva iz Pireja prodolzhajutsja… [The adventures of Piraeus lion continue...], 2017, Electronic resource: http://pereformat.ru/2017/01/piraeus-lion-2/ (Date of access - 09.11.2018) [in Russian].

Ivanov, Toporov 1974 - Ivanov V.V., Toporov V.N. Issledovaniya v oblasti slavyanskih drevnostej [Research in field of Slavic antiquity], Moscow, 1974 [in Russian].

Klejn 2018 - Klejn L.S. Antinormanizm kak proyavlenie «nauchnogo patriotizma». Chast' pervaya [Antinormanizm as manifestation of «scientific patriotism». Part one], 2018, Electronic resource: https://trv-science.ru/2018/05/08/antinormanizm-kak-proyavlenie-nauchnogo-patriotizma/ (Date of access - 09.11.2018) [in Russian].

Klejn 2018a - Klejn L.S. Antinormanizm kak proyavlenie «nauchnogo patriotizma». Chast' vtoraya [Antinormanizm as manifestation of «scientific patriotism». Part second], 2018, Electronic resource: https://trv-science.ru/2018/05/22/antinormanizm-kak-proyavlenie-nauchnogo-patriotizma-2/ (Date of access - 09.11.2018) [in Russian].

Klyosov 2013 - Klyosov A.A. Otvety daet DNK-genealogiya [DNA-genealogy gives answers], 2013, Electronic resource: http://pereformat.ru/2013/02/dna-genealogy/ (Date of access - 09.11.2018) [in Russian].

Klyosov 2016 - Klyosov A.A. Migracii ariev po dannym DNK-genealogii [Migrations of the Aryans in Light of DNA Genealogy], in: Istoricheskiy format [Historical format], 2016, № 2 [in Russian].

Klyosov 2018 - Klyosov A.A. Posledny gvozdj v grob "normanskoj teorii" [Last nail to the coffin of 'norman theory'], 2018, Electronic resource: http://pereformat.ru/2018/06/poslednij-gvozd-v-grob-normannizma/ (Date of access - 09.11.2018) [in Russian].

Kotlyar 2007 - Kotlyar N.F. V toske po utrachennomu vremeni [Yearning for the lost time], in: Srednevekovaja Rus [Medieval Rus], Issue 7, Moscow 2007 [in Russian].

Kuzmin 2003 - Kuzmin A.G. Dva vida rusov v jugo-vostochnoy Pribaltike [Two types of russ people in southeastern Baltic states], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva [Digest of Russian Historical Society], Issue 8, Moscow, 2003 [in Russian].

Latov 2010 - Latov Y.V.Veliky shelkovy putj – prolog mirovoy ekonomiki i globalizatsii [Great Silk Road – prolouge of world economy and globalisation], in: Istoriko-ekonomicheskoije issledovanija. Nauchnyi zhurnal Baltijskogo gosudarstvennogo universitete. 2010. T. 11. №1 [Reaserch of economic history. Scientific journal of Baltic federal university] 2010, Vol. 11, № 1 [in Russian].

Lijsing 1998 - Lijsing P.M. Roden och Roslagen, rospiggar och ruser [Roden and Roslagen, rospiggars and russ], in: Hundare och skeppslag [Hundreds and ship districts], XI, Norrtälje, 1953-55; Stockholm, 1998 [in Swedish].

Lukoshkov 2011 - Lukoshkov A.V. Flot Drevneiy Rusi v plavaniiah na Konstantinopol': nahodki i rekonstrukcii [Ancient Rus' fleet voyage to Constantinople: findings and reconstructions], in: Trudy pervoiy mezhdunarodnoiy konferencii «Nachala Russkogo mira» [Academic material of the first international confrence «Inception of the Russian world»], St. Petersburg, 2011 [in Russian].

MacCulloch 2004 - John Arnott MacCulloch. Religija drevnih keltov [The Religion of the Ancient Celts], Moscow, 2004 [in Russian].

Medinskij 2017 - Medinskij V.R. Interesnaya istoriya [Interesting story], 2017, Electronic resource: https://rg.ru/2017/07/04/vladimir-medinskij-vpervye-otvechaet-kritikam-svoej-dissertacii.html (Date of access - 09.11.2018) [in Russian].

Mel'nikova 2001 - Mel'nikova E.A. Skandinavskie runicheskie nadpisi. Novye nahodki i interpretacii. Teksty, perevod, kommentarij [Scandinavian runic inscriptions. New finds and interpretations. Texts, translation, comment], Moscow, 2001 [in Russian].

Melnikova 2011 - Melnikova E.A. Scandinavy na Baltijsko-Volzhskom puti v IX-X vekah [Scandinavians on the Volga-Baltic route in IX-X centuries], in: Melnikova E.A. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya. Izbrannye Trudy [Ancient Rus and Scandinavia. Selected papers], Moscow, 2011 [in Russian].

Melnikova 2011a - Melnikova E.A. Scandinavy v processah obrazovanija Drevnerusskogo gosudarstva [Scandinavians in the establishment process of Ancient Rus state], in: Melnikova E.A. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya. Izbrannye trudy [Ancient Rus and Scandinavia. Selected papers], Moscow, 2011 [in Russian].

Murasheva 2017 - Murasheva V.V. Vikingi i rechnyje puti Vostochnoj Evropy v konce IX – nachale XI veka [Vikings and river routes in eastern Europe between the end of IX century – beginning of XI century], 2017, Electronic resource: https://www.youtube.com/watch?v=5Ku33eHlxgU (Date of access - 09.11.2018) [in Russian].

Nazarenko 2001 - Nazarenko A.V. Imja «Rus» v drevnejshej zapadnoevropejskoj jazykovoj traditsyi (IX-XII veka) [Name 'Rus' in the most ancient western-european linguistic tradition (IX-XII centuries], in: Nazarenko A.V. Drevnija Rus na mezhdunarodnyh putjah [Ancient Rus on the international routes], Moscow, 2001 [in Russian].

Nazarenko 2009 - Nazarenko A.V. Drevnija Rus i slavjane [Ancient Rus and slavs], Moscow, 2009 [in Russian].

Nordström 1934 - Nordström J. De yverbornes ö. Sextonhundratalsstudier [Island of highborne. Works of XVII century], Stockholm, 1934 [in Swedish].

Nordström 1990 - Nordström A. Roslag [Roslag], Stockholm, 1990 [in Swedish].

Paul 2014 - Paul A. Kultura primorskih slavjanskih gorodov [The culture of maritime Slavic cities], 2014, Electronic resource: http://pereformat.ru/2014/07/primorskie-goroda/ (Date of access - 09.11.2018) [in Russian].

PVL 2007 - Povest vremennyh let. Podgotovka teksta, perevod, statji i kommentarii D.S. Likhacheva. Tret'e izdanie [Tale of Bygone Years. Preparation of text, translation, articles and commentary by D.S. Likhachev. 3rd edition], St. Petersburg, 2007 [in Russian].

Rozhanskii 2018 - Rozhanskii I.L. Slavjanskije super-vetvi. Y-DNK kak markjer rannih migratsyi slavjan [Slav Super-Branches: Y-DNA as a Probe of early Slav Migrations], in: Istoricheskiy format [Historical Format], 2018, № 1-2 [in Russian].

Rudbeck 1937 - Rudbeck O. Atland eller Manheim. Första delen [Atlantis and Manheim. Part one], Uppsala and Stockholm, 1937 [in Swedish].

Rudbeck 1947 - Rudbeck O. Atlands eller Manheims. Tredje delen [Atlantis and Manheim. Part three], Uppsala and Stockholm, 1947 [in Swedish].

Ruslagen 2018 - Ruslagen, 2018, Electronic resource: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D0%BD (Date of access - 09.11.2018) [in Russian].

Sporrong 1971 - Sporrong U. Kolonisation, bebyggelseutveckling och administration. Studier i agrar kulturlandskapsutveckling under vikingatid och tidig medeltid med exempel från Upland och Närke [Colonisation, land development and administration. A Study of agrarian cultural landscape development in viking period and early middle ages by example of Uppland and Närke], Lund, 1971 [in Swedish].

Tacit 1993 - Kornelij Tacit. O proiskhozhdenii germancev i mestopolozhenii Germanii / Perevod A.S. Bobovicha, redaktor M.E. Sergeenko [About an origin of Germans and location of Germany / Translation A.S. Bobovich, editor M.E. Sergeenko], in: Kornelij Tacit. Sochineniya v dvuh tomah [Compositions in two volumes], St. Petersburg, 1993 [in Russian].

Tunberg 1947 - Tunberg S. Rod och Roslag i det gamla Sveariket [Rod and Roslag in ancient Svearike], in: Det levande förflutna. Svenska historiska föreningens Folkskrifter 11 [Living past. Folklore texts of Swedish historical society 11], Stockholm, 1947 [in Swedish].

Uljanov 2018 - Uljanov O.G. Lektsyja «Krschenije Vladimira Svjatogo i nachalo Rusi» [Lecture 'Baptism of Saint Vladimir and the inception of Rus], 2018, Electronic resource http://ruskline.ru/video/2018/iyul/28/lekciya_krewenie_vladimira_svyatogo_i_nachalo_rusi/ (Date of access - 09.11.2018) [in Russian].

V Shumilinskom rajone 2017 - V Shumilinskom rajone nashli unikalnyje «molotochki Tora» [Unique 'hammers of Thor' found in Shumilinsk region], 2018, Electronic resource: https://charter97.org/ru/news/2017/7/21/257133/ (Date of access - 09.11.2018) [in Russian].

Vovina-Lebedeva 2011 - Vovina-Lebedeva V.G. Istorija Drevnej Rusi. Uchebnik dlja studentov uchrezhdenij professioalnogo obrazovanija [History of Ancient Rus. Student textbook for professional education institutions], Moscow, 2011 [in Russian].

Wolfram 2003 - Wolfram H. Goty [the Goths], St. Petersburg, 2003 [in Russian].

Грот Лидия Павловна
– Кандидат исторических наук, заместитель председателя общества «Русский салон», историограф общества (Лулео, Швеция).

Lidia Groth
– Candidate of historical sciences, Vice-chairman of Society «Russian Salon», Historiographer of Society (Luleå, Sweden).

mail@histformat.com

«В СИНЕМ МОРЕ ЕСТЬ СВЯТОЙ БОЖИЙ ОСТРОВ»: «БЛИЗОСТЬ К БОГАМ» РАН НА ФОНЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

М.Л. Серяков
Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)
SPIN-код: 9567-6080
e-mail: mikhail-serjakv@rambler.ru

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье обоснован вывод, согласно которому как божества живших на Рюгене славян, так и их основные центры были связаны с трехчленным делением индоевропейского общества. Ране отличались выраженными проявлениями свойственных этим трем сословиям функций. Сравнение с представлениями духоборов и тантристов показывает, что в основе общественного устройства ран лежали представления о проявлении божественной энергии. Это объясняет мнение современников об особенной близости к богам живших на Рюгене славян, а также его последующее восприятие в русском фольклоре как святого божьего острова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: **славянское язычество, славяно-индийские мифологические параллели, святость в славянском язычестве, три сословия индоевропейцев, история Рюгена, остров Буян, секта духоборов, происхождение тантризма.**

«THERE IS A HOLY ISLAND IN THE BLUE SEA»: THE RANI'S «PROXIMITY TO GODS» AGAINST THE BACKGROUND OF THE INDO-EUROPEAN TRADITION

Mikhail Seryakov
Independent Researcher (St. Petersburg, Russia)
e-mail: mikhail-serjakv@rambler.ru

ABSTRACT
The article substantiates the conclusion that both the deities of the Slavs living on Rügen and their main centers were related with the three-castes separation of the Indo-European society. The Rani were distinguished from the other Indo-Europeans by pronounced manifestations of the functions typical of these three castes. Comparison with the conceptions of the Dukhobors and the Tantrists shows that the basis of the Rani's social structure was the idea of manifestation of the divine energy. This explains why the contemporaries viewed the Slavs living on Rügen Island as especially close to Gods, and why Russian folklore subsequently perceived Rügen as the holy island.

KEYWORDS: **Slavic paganism, Slavic-Indian mythological parallels, holiness in Slavic paganism, three castes of Indo-Europeans, history of Rügen, Buyan Island, Dukhobor sect, origin of Tantrism.**

В русских заговорах очень часто фигурирует святой остров посреди океана: «Пойду я, раб Божий, ко святу Окияну морю, есть свят остров там; на святе острову лежит белый камень Латер, на том камне стоит церковь папы Римской; в ефтой церкве стоит злат престол; на злате престоле сидит сам Исус Христос, Матерь Божья...» (Виноградов 1909: 86). Из других аналогичных текстов следует, что этот загадочный остров носил имя Буяна: «На море на окияне, на вострим на Буяне, стоит храм Божий, святая церковь золоченая, озолоченая, священная, моленная, апостольская. В той же церкви стоит злат пристол, на злате пристоле сидят две матушки Божьи Богородицы…» (Виноградов 1909: 9) или «На мори на Окияне, на острове на Буяне лежит камень; на том камне сидела Пресвятая Богородице... зашивала рану кровавую...» (Майков 1869: 62). Эти примеры, число которых при желании можно легко умножить, показывают, что русской мифологической картине мира свойственно представление об острове Буяне как высшем сакральном центре, где находится чудесный Алатырь-камень, пребывает в храме высшее божество, богородица или различные святые.

Хоть Буян в первую очередь принадлежит сфере мифа, этот остров имел и вполне реальный земной прототип: «С памятью о балтийских славянах, видимо, связывается встречаемый в заговорах и сказках мифологический топоним “Буян-остров“, который, скорее всего, расшифровывается как вполне реальный топоним “Руян-остров“ (Ругия), позднейший немецкий остров Рюген, на котором, как известно, размещалась Аркона, языческий центр балтийских славян» (Вилибахов 1965: 87). Аркона, где находился храм бога богов Святовита, была главным сакральным центром не только Рюгена, но и всего западнославянского мира. Германский хронист Гельмольд так писал о жившем на Рюгене племени: «Раны же, у других называемые рунами, – это кровожадное племя, обитающее в сердце моря, преданное сверх всякой меры идолопоклонству. Они занимают

вернуться к оглавлению ▲

первое место среди всех славянских народов, имея короля и знаменитейший храм. Именно поэтому, благодаря особому почитанию этого храма, они пользуются наибольшим уважением и, на многих налагая дань, сами никакой дани не платят, будучи неприступны из-за трудностей своего месторасположения. Народы, которые они подчинили себе оружием, принуждаются ими к уплате дани храму. Жреца они почитают больше, чем короля. Войско свое они направляют, куда гадание покажет, а одерживая победу, золото и серебро относят в казну бога своего, остальное делят между собой» (Гельмольд 1963: 100). Адам Бременский отмечал: «Другой остров расположен напротив вильцев. Им владеют раны (или руны), могучее славянское племя. По закону без учета их мнения не принимают ни одного решения по общественным делам. Их так боятся по причине их близости к богам, вернее к демонам, поклонению которых они преданы более прочих» (Адам Бременский 2011: 104). Данные топонимики показывают, что немалое количество мест на Рюгене называлось святыми: «На юго-восточной оконечности Раны, у мыса Gohren (Горного) лежит в море огромный утес, который до сих пор называется Buskamen, то есть божий камень. Многие местности на Славянском поморье назывались святыми и, без сомнения, в языческую пору действительно почитались такими, как нам известно о "Святом боре"; на о. Ране была "Святая гора" (Свантагора, деревня, теперь Swantow); маленький островок на восток от Раны назывался "Святым островом" (Сванты вострое, Swantewostoe в грам. 1282 года, теперь Ое, то есть остров); устье Дивеновы называлось, кажется, "Святым устьем", и здесь лежала, на остр. Волыне, деревня, которая и теперь еще слывет Swantust; на полуострове, образующем юго-восточную оконечность Раны, мы находим урочище Swantegard: имя это, "Сванты гард", то есть Святой град, есть, очевидно, остаток древнего славянского язычества» (Гильфердинг 1874: 191-192).

Все это вполне объясняет, почему в славянской языческой традиции Рюген воспринимался как святой остров. Отблеск этой святости неизбежно ложился и на жителей острова, которые занимали «первое место среди всех славянских народов». Однако о западных славянах Титмар Мерзебургский говорил, что «сколько в тех краях округов, столько там и храмов, и в каждом из них почитается неверными идол того или иного демона…» (Титмар 2009: 102-103). Тем не менее, даже на этом фоне ране были настолько близки к богам, что, по словам Адама Бременского, это внушало боязнь всем окружающим.

Попробуем разобраться, что стоит за этим утверждением. Не только религиозная, но и вся политическая и экономическая жизнь ран организовывалась вокруг храма Святовита. Хоть жители Рюгена были единственным западнославянским племенем, имевшим на тот момент своего короля, тем не менее, он занимал менее значимое положение, чем жрец бога богов, в результате чего вся форма правления ран носила полутеократический характер. Гельмольд так объясняет причину подобного положения дел: «Король же находится у них в меньшем по сравнению с жрецом почете. Ибо тот тщательно разведывает ответы (божества) и толкует узнаваемое в гаданиях. Он от указаний гадания, а король и народ от его указаний зависят» (Гельмольд 1963: 237).

Процедура гадания с помощью священного коня была подробно описана Саксоном Грамматиком. Можно предположить, что гадания проводились не только по военным, но и по гражданским вопросам. Из сообщений западных хронистов мы узнаем, что у ран присутствовал и демократический элемент: решение король принимал не единолично, а совместно с народным собранием. Это собрание опять-таки созывал верховный жрец Святовита. Когда происходило что-либо важное, он объявлял о том королю и всему народу, когда собиралось вече, жрец излагал волю богов, а король с народом решали, что им по этому поводу следует делать. Таким образом, как внутренняя, так и внешняя жизнь ран строилась в соответствии с волей верховного божества. Гельмольд отмечал, «что Святовит, бог земли руянской, занял первое место среди всех божеств славянских, светлейший в победах, самый убедительный в ответах. Поэтому и в наше время не только вагрская земля, но и все другие славянские земли посылали сюда ежегодные приношения, почитая его богом богов» (Гельмольд 1963: 236-237). Констатация того, что Святовит был «самый убедительный в ответах» показывает, что подаваемые посредством гадания советы божества были наиболее мудры, что выдвинуло Аркону на первое место среди других языческих оракулов. Эпитет «светлейший в победах» говорит, что покровительствуемое им племя имело успех и на поле брани, что, естественно, приписывалось божественной помощи бога богов. Однако Адам Бременский говорил о близости ран к богам во множественном числе, что указывает на то, что дело не ограничивалось присутствием на острове одного только культа Святовита, хоть, несомненно, он и играл в этом представлении ключевую роль.

Житие св. Беннона объясняет значение имени этого божества следующим образом: «Сванте значит на славянском языке святой, а вит переводится словом свет». Приводя это свидетельство, А. Гильфердинг писал: «Стало быть, имя верховного бога балтийских славян значит Святой свет, или вернее, Святой светлый». Этот вдумчивый и внимательный исследователь отмечал: «В этом слове есть важный смысл: оно показывает, как понимали балтийские славяне свое верховное божество, средоточие всей их мифологии. Святовит достиг, можно сказать, крайнего предела духовности, совместимом с языческими представлениями о божестве: имя его выражает с одной стороны чисто духовное свойство, святость, с другой – признак, взятый из вещественной природы, но именно то, что есть в ней наименее вещественного, свет» (Гильфердинг 1874: 171-172). Поскольку и остальные боги в языческом сознании были неразрывно связаны со сферой сакрального, то на их фоне Святовит может быть охарактеризован как сверх-сакральный. Понятно, что в первую очередь с ним теснейшим образом было связано арконское жречество, однако преданность «сверх всякой меры идолопоклонству» Гельмольд отнес к отличительной черте всего племени ран, что говорит о том, что с данной сферой было связано в той или иной степени все население острова.

Одним этим не исчерпывалось отличие ран от других славянских племен. Современники обратили внимание и на другую их необычную традицию: «Один из стягов, отличавшийся от прочих как своими размерами, так и цветом, они называли Станиция. Он пользовался у ругиян почти таким же уважением, какое они испытывали к могуществу всех прочих своих богов (вместе взятых). Когда они несли его перед собой, им казалось, что можно воевать и с людьми, и с богами…» (Саксон Грамматик 2017: 217). Очевидно, что здесь мы имеем дело с той ипостасью Святовита, которую Гельмольд охарактеризовал как «светлейший в победах». Поскольку другим названием ран было «русы» (Серяков 2012), то показательно в этом отношении мнение о них мусульманского писателя Марвази: «И они (русы) – люди сильнейшие, очень могучие… Их храбрость и мужество известны, ибо один из них равен некоторому числу (людей) из другого народа…» (Заходер 1967: 97-98). С ним буквально перекликается Адам Бременский, охарактеризовавший ран как «могучее славянское племя». Из известия Гельмольда следует, что все это была не пустая похвальба и ране действительно подчинили себе многие народы и обложили их данью. То, что эта дань предназначалась не лично им, а храму Святовита показывает, в ком они видели причину своих побед. Похожее представление мы видим и в русских былинах, отмечающих богоданность силы некоторых богатырей: «А Иванищу-Святогору была сила дана господом самим» (Криничная 1988: 149). Однако мужество и отвага в бою это одно, а готовность воевать со станицей не только с людьми, но и с богами – это уже другое. Подобное поведение ран, когда они шли за своим знаменем, можно охарактеризовать как граничащую с безрассудством сверх-храбрость.

Однако и это было еще не всё. «Сага о Книтлингах» XII в. так описывает чудеса, происходившие в другом городе Рюгена: «[Датский король Вольдемар в Коренице] приказал сокрушить трех идолов, которые именовались Рунвит, Турупит и Пурувит. Эти идолы такие чудеса творили: если кто желал сойтись с женщиной в городе, то они сцеплялись, будто псы, и не прежде разъединялись, чем покидали город» (Матерь Лада 2004: 413-414). Описание этих идолов оставил Саксон Грамматик. Самый большой храм в Коренице был посвящен Ругеивиду, идол которого был сделан из дуба. «Кроме того, у его головы было семь похожих на человеческие лиц, причем все они имели одно общее темя. Еще же его создатель сделал так, что сбоку на поясе у этого истукана висело семь настоящих мечей в ножнах, тогда как обнаженный восьмой [меч] он держал в своей правой руке. (…) Считалось, что этот бог могущественен, как Марс, и что от него зависит все на войне». У Поревида «было пять голов, он не имел оружия». Статуя Поренуция «имела пять лиц, одно из которых располагалось на его груди, при этом левой рукой он касался лба, а правой держался за подбородок» (Саксон Грамматик 2017: 226-227).

Ругеивид или, как его обычно называют в отечественной литературе, Руевит, скорее всего, был племенным богом, само имя которого было связано с названием ругов-ран. Как его внешний вид, так и пояснение датского хрониста свидетельствуют, что он был богом войны. Насколько мы можем судить, два последних идола были безоружны, что отличает их от вооруженных Святовита и Руевита. Имена обоих начинаются с корня пор–, который В.В. Иванов и В.Н. Топоров соотнесли с мифологическим образом Спорыша, отметив «ср. производные от корня por- как теоморфные имена – Поревит…; так и в ряде важных терминов – пора «время (благое)», порный «зрелый», пора как подпорка для стога сена и т.д.» (Иванов, Топоров 1975: 73). Все это позволяет рассматривать Поренуция-Поренута и Поревида-Поревита как богов растительности на острове ран. Косвенным образом это подтверждает и название самого святилища, где располагались их идолы – Кореница. Из этнографических источников хорошо известно, что плодородие земли у славян, да и у других индоевропейских народов зачастую стимулировалось человеческой сексуальностью и, по всей видимости, именно этот ритуальный половой акт, силу и продолжительность которого усиливали языческие боги, и был описан в «Саге о Книтлингах». Следует отметить, что определенные основания для подобного преувеличения также имелись в реальной жизни ран. Арабский автор Гардизи отмечает: «Рус – это остров, который лежит в море. И этот остров – три дня пути на три дня пути... На острове (живет) около ста тысяч человек» (Заходер 1967: 78). Изучив западные хроники Н.С. Трухачев подсчитал, что к моменту завоевания Рюгена численность его славянского населения составляла как минимум семьдесят тысяч человек, что весьма близко к сообщениям арабских авторов. При этом необходимо иметь в виду, что позднее, несмотря на весь прогресс земледелия, немецкое население до Второй мировой войны так и не смогло достигнуть этого небывало высокого уровня: в 1783 г. на Рюгене жило 23 431 человек, в 1933 г. – 53 900 человек (Трухачев 1981: 172-173). Таким образом, третьей характерной чертой ран, бросавшейся в глаза иностранным наблюдателям, было сверх-плодородие.

Итак, мы видим, что отличительными чертами жителей «святого Божьего острова», как называли Буян русские заговоры, были сверх-сакральность, сверх-храбрость и сверх-плодородие. Все эти качества были проявлениями давно описанных Ж. Дюмезилем трех функций традиционного индоевропейского общества, состоявшего из жрецов, воинов, а также крестьян и торговцев. Первое сословие являлось носителем мудрости, второе – воинской доблести, а третье, включавшее в себя всех производителей материальных благ, плодородия. В своей совокупности эта иерархия, в представлении индоевропейцев, способствовала гармоничному развитию духовной и материальной жизни общества, а также обеспечивала ему надежную защиту. Эта же структура вырисовывается и из анализа известных нам центров Рюгена. Н.А. Ганина отмечает «следующее соотношение центров власти на Рюгене: Аркона – культовая крепость, центр религиозной элиты; Каренца, ранний Ругард – культовые крепости, оплоты светской элиты; поздний Ругард – княжеская резиденция, возникшая в ходе укрепления светской власти славянской династии; Ральсвик – независимое (вольное) славяно-скандинавское торговое поселение, ориентированное на дальнюю торговлю, аккумулирующее ценности профанного характера…» (Ганина 2011: 38-40).

вернуться к оглавлению ▲

А. Пауль обращает внимание на расположение этих центров: «Стоит отметить, что города на Рюгене основывались далеко не как попало, и не из-за одних только рациональных соображений. Видимо, в градостроительство руяне вкладывали и сакральный смысл. Так, например, главное святилище – Аркона – расположена в самой северной точке Рюгена (точнее отклоняясь от неё менее чем на 1 км), на крутом обрыве в море, что, возможно, было связано с какими то ритуалами или наблюдением за небесными светилами. Ругард, с большой долей вероятности бывший резиденцией «короля», расположен не только в самом географическом центре острова, но и на самой высшей его точке над уровнем моря, на горе – правителю действительно издревне полагалось быть «в центре», возвышаться над всеми. Интересно и отношение Ругарда к торговому центру в Ральсвике. Немецкий археолог Й. Херрманн заметил, что оно полностью соответствует отношению торгового центра Рерика (Гросс Штрёмкендорф) к резиденции ободритских князей Велиграду (Мекленбургу). И в том и в другом случае главный торговый центр располагался на море и не имел крепостного вала, защищал и контролировал этот важный экономический центр княжеский город, располагавшийся в обоих случаях на расстоянии 13 км в глубь континента» (Пауль 2012). Если же посмотреть на расположение этих трех центров на карте Рюгена (рис.1), то мы увидим, что, если не считать небольшого отклонения Ральсвика, все они располагаются на оси север – юг. Север же был сакральной стороной света в ряде индоевропейских традиций.

Рис.1. Расположение трех основных центров на Рюгене (Пауль 2012)

В соотношении между собой различных центров Рюгена мы вновь видим отражение архаичного индоевропейского деления общества на три сословия: жрецов, воинов и производителей материальных благ с приоритетом первых. Следует отметить, что полной корреляции между сообщениями письменных источников и рассмотренными центрами на острове нет. Со Святовитом оказалась связана не только сакральная, но и военная функция, которая могла бы принадлежать Руевиту. Святилища Поренута и Поревита находились вместе со святилищем Руевита в Коренице, хоть логичнее было бы их нахождение в торговом центре в Ральсвике. Не исключено, что эти локальные несоответствия обусловлены достаточно поздним временем составления письменных источников, которые отразили заключительную стадию западнославянского язычества. Л. Нидерле считал, что Святовит первоначально «был солярным божеством, и лишь позднее жреческая каста превратила его в бога войны» (Нидерле 1956: 283). Однако эти частные несоответствия не могут уменьшить значение того факта, что как приведенные в письменных источниках примеры «сверх»-активности ран, так и расположения их центров на острове исходят из одного и того же принципа – трехчастного деления общества.

То, что сочетание выделенных трех феноменов религии ран не является случайным, подтверждают и данные лингвистики. В случае связи Святовита с идеей «сверх»-сакральности следует отметить, что подобное же единение святости и света присутствует и на Руси, на что обратил внимание В.Н. Топоров: «Ср. в русской традиции *сияние святости, святость просияла, свет святости* и т.п. Подобная ситуация в своей основе достаточно ясна. Элемент k'uen-to (: k'uei-to и т.п.) обозначал не только возрастание, набухание физической массы, материи, но и некоей внутренней плодоносящей силы, духовной энергии и связанной с нею и о ней оповещающей внешней формы ее – световой и цветовой» (Топоров 1989: 32). Этот лингвист отметил, что родственные слав. svętъ индоевропейские термины имеются в германском, балтском, иранском, индийском, тохарском языках и восходят к единому источнику – и.-е. k'uen-(to). В Древней Индии этот корень имел значения «вспухать», «набухать», «возрастать», «увеличиваться в размере» и т.п., в качестве вариантов «сила», «мощь». Так, например, один ведийский гимн прославляет «набухающих от силы» богов Марутов. «Еще показательнее другой пример, в котором через мотивы набухания, роста и силы, по сути дела, описывается ведийский вариант божественного «святого»: «Именно Индру определила Дхишана для добывания (богатств), великого, высокого, лишенного старости, юного, / *набухшего* от неодолимой *силы*, который *сразу же* полностью *возрос*» (РВ VI 19, 2). В посвященных богу огня Агни гимнах мы также видим мотив процветания-набухания, возрастания в богатстве и силе. Эти образы имеют и эротические ассоциации, на что указывают две типовые характеристики фаллоса в загадках – набухание/возрастание и его подобие огню. В иранских языках данный корень имеет значения «святой», «благая сила», «набухать», «увеличиваться» и т.д. В тохарском мы видим лишь отголосок этого круга понятий в значения таких слов как «наваливать», «накапливать», «собирать» (Топоров 1989: 9-21). В германском и балтском производные от и.-е. k'uen-(to) слова как правило не имеют значения набухания/возрастания и связаны с понятиями места, жертвы и т.д. Таким образом, мы можем отметить, что все три выделенные нами примера из сакральной жизни славянского населения Рюгена, больше всего обращавшие на себя внимание иностранных наблюдателей, связаны с мотивом мощного набухания/возрастания силы, имевшей три различных аспектах: духовной силы, проявлявшейся

вовне в виде света, физической силы, проявлявшейся вовне в виде безграничной воинской доблести, и сексуальной силы, проявлявшейся вовне в виде необычайно продолжительного полового акта. Эти три вида силы были связаны с языческим пониманием святости, наиболее полно отразившемся в индо-иранских языках.

Для современного человека, чье понимание святости в той или иной степени обусловлено двухтысячелетней христианской традицией, подобные проявления сакрального могут показаться странными. Чтобы их лучше понять, обратимся к ритуалу яджны, определявшему способ жизни древнеиндийской общины. С его помощью сакрализовывались обыденные человеческие действия: «В процессе исполнения ритуала яджны требуется добыть огонь трением двух кусков дерева, построить хижину из особой породы дерева и травы, подоить корову, сделать творог, растереть зерно камнем (даже не жерновом), убить животных, снять с них шкуру, затем приготовить из них пищу, петь и плясать, бороться, молиться и т.д.». Материалистически объясняющий яджну как способ производства, Ш.А. Данге отмечает неразрывную связь между данным ритуалом и Брахманом, понимаемым как верховный бог-первопредок: «Когда совершается яджна, на свет появляется Брахман. Он не мог существовать вне яджны или без нее. Она – сама форма его существования. Иначе говоря, Брахман и яджну можно определить как общину ариев и ее способ производства. Вместе они представляли собой первобытную общину с коллективным производством. Веды – знание этого способ производства, образ жизни великого Брахмана-общины» (Данге 1975: 40, 57).

Другой исследователь подчеркивает: «В индуистской концепции существования нет разделения между деятельностью сакральной и деятельностью профанной. Вся человеческая деятельность есть участие в космической симфонии. Жизнь есть священнодействие» (Danielou 1960: 20-21). Этот пример Древней Индии показывает, что представление о тотальной святости различных сторон человеческой деятельности, неотделимой от божественной реальности, зародилось еще в эпоху индоевропейской общности.

Католические авторы, описывая внешние проявления западнославянского язычества, не делали даже попытки понять их внутреннюю сущность. Для них все было предельно ясно: это происки дьявола, которые следует как можно быстрее уничтожить во имя торжества истинной христианской веры. Для того, чтобы хотя бы приблизиться к пониманию того, что в действительности стояло за этими внешними проявлениями религии жителей Рюгена, следует обратиться к данным родственных индоевропейских традиций. Целый ряд мусульманских авторов сообщал о трех группах русов в Восточной Европе. Ал-Истархи писал: «Русы. Их три группы (джинс). Одна группа их ближайшая к Булгару, и царь их сидит в городе, называемом Куйаба, и он (город) больше Булгара. И самая отдаленная из них группа, называемая ас-Славийа, и (третья) группа их, называемая ал-Арсанийа, и царь их сидит в Арсе. И люди для торговли прибывают в Куйабу. Что же касается Арсы, то неизвестно, чтобы кто-нибудь из чужеземцев достигал ее, так как там они (жители) убивают всякого чужеземца, приходящего в их землю. Лишь сами они спускаются по воде и торгуют, но не сообщают никому ничего о делах своих и своих товарах и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. И вывозятся из Арсы черные соболя и олово (свинец?)». Ибн Хаукаль так описывал ситуацию: «И русов три группы. (Первая) группа, ближайшая к Булгару, и царь их в городе, называемом Куйаба, и он больше Булгара. И группа самая высшая (главная) из них, называют (ее) ас-Славийа, и царь их в городе Салау, (третья) группа их, называемая ал-Арсанийа, и царь их сидит в Арсе, городе их. И достигают люди с торговыми целями Куйабы и района его. Что же касается Арсы, то я не слышал, чтобы кто-либо упоминал о достижении ее чужеземцами, ибо они (ее жители) убивают всех чужеземцев, приходящих к ним. Сами же они спускаются по воде для торговли и не сообщают ничего о делах своих и товарах своих…» Об этом же с незначительными вариациями говорит и автор анонимного сочинения «Худуд ал-алам»: «Куйа.а - город русов, ближайший к мусульманам, приятное место и резиденция царя. Из него вывозят различные меха и ценные мечи. Сла.а - приятный город, и из него, когда царит мир, ведется торговля со страной Булгар. Артаб - город, где убивают всякого чужестранца…» Ал-Идриси, говоря о происходящих из Арсы товарах, добавляет интересную подробность: «И вывозят это все оттуда торговцы из Куйабы» (Новосельцев и др. 1965: 411-413). Подавляющее большинство исследователей считают, что под Куйабой восточные авторы подразумевали Киев, а под ас-Славийа – область ильменских словен с центром, бывших у них до основания Новгорода. Что касается Арсы, то изучение связанных с ней сведений показывает, что она находилась в Прикамье (Серяков 2017а: 151-191).

Как и в случае с немецкими хронистами, это был взгляд со стороны, обращающий внимание лишь на внешние проявления. Из этих описаний достаточно трудно понять, отражают ли эти центры наряду с географическим еще и сословное деление русов. С одной стороны, в торговле участвуют все три города русов. С другой, если верна информация Ал-Идриси, товары из Арсы вывозили торговцы из Куйабы-Киева. Единодушные утверждения восточных авторов об убийстве любого чужеземца, появляющегося в Арсе, разительно противоречат многочисленным сообщениям различных иностранных источников о развитом у славян гостеприимстве. Подобная неожиданная черта могла быть обусловлена либо желанием отпугнуть иностранных купцов от места происхождения драгоценных мехов, либо обычаем ритуальных жертвоприношений. Последнее предположение подтверждается более поздними преданиями из места расположения Арсы. Так, автор «Казанского летописца» сообщал, что на берегу Камы находился Бесовский городок, в котором жил дававший прорицание бес и где было «еще старыхъ Болгаръ молбище жертвенное». В преддверии войны с Москвой казанская царица послала туда узнать о том, кто в ней победит. Бес ответил: «Уже бо отныне нѣсть вамъ надежда на мя, и помощь мала отъ мене; отхожу бо отъ васъ …» И по малѣ часе явиси дымъ чернъ и великъ изъ нутра града, изъ мечети, на воздухъ сеи излѣтѣ зміи огнянъ…

вернуться к оглавлению ▲

И разумѣша вси бывшеи ту, яко изчезе животъ ихъ». Согласно этому тексту бес в облике огненного змея жил в Казанском ханстве, оказывал помощь татарам, а его отлет в дыму и пламени лишал население ханства надежды выстоять в столкновении с Русью. Бесовский городок на Каме исследователи отождествляют с Чортовым городищем близ Елабуги на той же реке, о котором Н.П. Рычков в 1769 г. записал местную легенду о том, что «в сем месте бывал храм древних язычников, обитавших в сей стране. Он славен был вещуном или оракулом, который будто бы в нем находился и ответы, от него подаваемые были столь почитаемы, что со всех сторон народ стекался к нему для вопрошения. Повествуют еще, что внутри храма сего обитал ужасной величиный змей, которого бесчеловечные жрецы обыкновенно умилостивляли приношением ему в жертву людей иноплеменных, и сим его питали. Перед тем, как быть разрушенну царству Болгарскому, сие чудовище неведомо куда пропало. Вотще царь того народа, хотя и со слезами, умилостивлял бога храма сего, дабы спасти отечество свое от народа с севера идущего, который называл он татарами...». Дракон, таким образом, был сверхъестественным покровителем сначала Волжской Булгарии, а затем и Казанского ханства. Культ его существовал с дотатарских времен и включал в себя жертвоприношение иностранцев (Серяков 2017б: 71-74). Как видим, такая деталь как упоминание о принесении в жертву чужеземцев, связанная с Чертовым городищем на Каме, находит свое соответствие в раннесредневековых упоминаниях восточных авторов об Арсе. Данное обстоятельство позволяет предположить, что еще до болгар змей-оракул почитался в этом регионе третьей группой русов. Арса, таким образом, в этой трехчленной системе может рассматриваться в качестве сакрального центра. С другой стороны, Ибн Хаукаль называл ас-Славийю самой высшей (главной) группой русов, что позволяет соотнести ее со светским центром власти. Впоследствии именно в этом регионе возникла легенда о палице Перуна, брошенном богом войны на мост в Новгороде и призванная объяснить регулярные бои новгородцев, изначально носивших, по всей видимости, ритуальный характер. Хоть идол Перуна стоял и в Киеве, там подобной легенды не возникло. На фоне Арсы и ас-Славийи Куйаба выглядит торговым центром по преимуществу, носителем третьей функции индоевропейского общества.

В свете трех центров Руси средневековых восточных авторов обратим внимание на некоторые особенности представлений духоборов. Хоть внешне эта русская секта, возникшая в XVIII в., и была христианской, однако она сохранила немало полуязыческих черт. Так, например, ее приверженцы еще в начале XX в. на вопрос знают ли они Христа, давали такой ответ: «Предки наши знали Бога прежде Христа». Объясняя, в кого они веруют, духоборы говорили: «В Создаима, который нам создал небо и землю, свет нам открыл. Он Бог Богов, Господь…». Понятно, что представление о боге богов уже не имеет ничего общего с христианством. Поскольку западнославянский бог богов Святовит неразрывно был связан со светом, несомненный интерес представляет объяснение духоборами трех ипостасей христианской троицы, которое они давали в своем 4 псалме: «Первое лицо – свет-Отец Бог наш. Второе лицо – живот-сын Бог наш; третье лицо – покой-свет-Дух Бог наш». Сделав эти предварительные замечания, перейдем к той картине мира, которая описывается в их 110 псалме: «Глаголет Господь Бог вседержитель... Смотрите же вы знаменья творения моего. Сей аз от начала поставлю вам три каморы. Утвердиша сих во станции. Первая камора утвердися на востоцех. Там прозваша место Иудейское, там положен бысть винхрист камень зеленый (под ним духоборы подразумевали Иисуса Христа – М.С.). Вторая камора утвердися, где пуп земли, там наречено место – купель еливанская (Молочные воды в Крыму, где жили духоборы – М.С.). Там положен бысть винзирь (духоборы-мученики – М.С.) – камень красный. Третья камора утвердися на западе (современное место жительства духоборов – М.С.). То место – устроится там страх великий. Там положен бысть хрусалим – камень светлый. Во первой каморе пребывает свет Отец Бог наш; во второй каморе пребывает живот Сын Бог наш; во третьей каморе пребывает упокой свят Дух Бог наш. Соединится со всех тех трех камор труба огненная (проповедь – М.С.)». В будущем последует явление сына божия. «Сие его знамение: красота от чресл Его, до низу огонь горит. От чреслех Его вверх виденье зари, над головой Его венец, ту подобен дуге; из уст Его возблистает гром и молния, от них же превосходят гласы трубные. Тот и возьмет на себя три каморы». После этого он победит сатану, освятит вселенную и искупит род избранный (Животная книга 1909: 27, 62, 33, 123-124).

Понятно, что представление о пребывании трех лиц Троицы в различных местах едва ли может быть выведено из ортодоксального христианства и здесь, по всей видимости, мы вновь имеем дело с пережитками языческих представлений. Хоть эти пережитки и были приспособлены к ключевым моментам новозаветной и духоборческой истории (Израиль, где жил и был распят Иисус Христос и два места проживания самих сектантов), однако исходят они из идеи пребывания божества в трех различных географических центрах, что напоминает нам Рюген и три центра русов арабских писателей. Божественное начало, дополнительно обозначенное различными драгоценными камнями, пребывает в трех каморах в местах, где проживают носители истинной веры. Что касается цветовой символики камней, то она встречается гораздо раньше в славянской языческой традиции. Уже в X в. ал-Масуди так описывал храм славян-язычников: «Еще одно здание имели они на горе, окруженное морским рукавом; оно было построено из красного коралла и зеленого смаргада. В его середине находился большой купол, под которым находился идол, коего члены сделаны из драгоценных камней четырех родов: зеленого хризолита, красного яхонта, желтого сердолика и белого хрусталя; голова же его из червонного золота» (Гаркави 1870: 139-140). Можно предположить, что данный храм находился где-то на побережье Балтийского моря. Как звали бога, которому был посвящен данный храм, мы не знаем, однако некоторые исследователи полагают, что арабский писатель имел в виду храм в Арконе, а четырехчастность описанного Масуди идола соответствует четырехликости идола Святовита в описаниях западных хронистов. К.Я. Эр-

бен считал, что четыре цвета идола означают вре¬мена года (зеленый – весна, красный – лето, желтый – осень, белый – зима), а золотая голова – солнце.

Представление о трех географических центрах, соотносимых с тремя сословиями индоевропейского общества, встречается и в иранском сочинении «Бундахишн», восходящем к несохранившимся частям Авесты. В главе XVII говорится, что было создано пять видов огня, в том числе и «огонь, что в телах людей и животных». Далее отмечается, что «в правление Йимы (первого царя в иранской традиции – М.С.) каждое дело выполнялось особенно удачно с помощью всех трех огней. Огонь Фробак был установлен в алтаре огня на горе Фарроманд в Хварезме. Когда Йима уподобился богам (?) и (из-за этого) был повержен, огонь Фробак спас фарр (мистическую сущность царской власти – М.С.) Йимы от рук Дахака. В правление царя Виштаспа, как ясно из Авесты, (огонь Фробак) был основан, кроме Хварезма, на горе Рошан в Кабулистане, стране Кабула, точно там, где он остается и сегодня. Таким же образом вплоть до правления Кай Хосрова огонь Гушасп покровительствовал миру, а когда Кай Хосров разрушал капище у озера Чичаст, он водрузил (этот огонь) на гриву (своего) коня, разогнал (этим) тьму и мрак и осветил (землю), чтобы он (мог) разрушить капище. Огонь Гушасп был установлен в той же местности, в алтаре огня у горы Аснаванд. Таким же образом вплоть до правления царя Виштаспа действовал и покровительствовал миру огонь Бурзенмихр. Когда Зардушт с бессмертной душой был призван для распространения веры…, Виштасп установил (этот огонь) в алтаре огня на горе Реванд, которую называют "горная гряда Виштаспа". Все эти три огня (составляют) единое тело огня Вахрам, и вместе с ними в нем пребывают земной огонь и фарры» (Зороастрийские тексты 1997: 288-289). Эти три священных огня символизировали три сословия иранского общества: Атар-Фарнбаг был огнем жречества, Атар Гушнасп – огнем царя и воинов, а Атар-Бурзин-Михр – огнем общинников. Показательно, что, согласно мировоззрению зороастрийцев, огонь присутствовал и в человеческой душе (Брагинский 1991: 562).

Эта же традиция бытовала и в Индии. Арриан упоминает существовавший в Индии город брахманов, взятый Александром Македонским: «Сам же Александр пошел к какому-то городу брахманов, так как узнал, что кое-кто из маллов бежал туда» (Арриан 1993: 199). Поскольку брахманы были в каждом индийском городе, этот загадочный город, очевидно, каким-то особенным образом соотносится со всем жреческим сословием страны в целом. Однако в индийской традиции три центра соотносились не только с территорией, но и с человеческим телом. Основывалось это на представлении о том, что микрокосмос, которым является человек, во всем подобен макрокосмосу и в нем действуют точно такие же силы и энергии. Вселенная, согласно индийским воззрениям, создается богом Брахмой, хранится Вишну и разрушаются Шивой. Эта триада верховных божеств индуистского пантеона образует тесно связанное между собой единство – тримурти. На уровне микрокосмоса эта триада присутствует в теле человека, а именно в его энергетических центрах чакрах. Согласно тантрическим представлениям Брахма находится в пупочном центре, Вишну – в сердечном, а Шива – в головном (рис.2).

Рис.2. Изображение трех сил эфирного тела человека: Брахма пребывает в пупочном центре, Вишну - в сердечном, а Шива - в головной чакре. Индийская картина XIX в. (Энциклопедия тантры 1997)

Как и в случае с тремя центрами русов, однозначная идентификация этих трех божеств с тремя сословиями не столь очевидна. Если Брахма легко соотносится с жрецами-брахманами, то с воинами может быть соотнесен как Вишну, так и Шива. Однако последний устойчиво связывается с фаллическим образом лингама, в то время как одной из наиболее известных аватар Вишну является Рама, царь Айодхи. Следует отметить, что присутствие тримурти в микрокосмосе этим не ограничивается. С йогической точки зрения в теле человека находится три основных невидимых канала-нади, по которым движется энергия: сушумна, идущий вдоль позвоночника, и расположенные по сторонам от него ида и пингала. В центре сушумны расположен брахма-надь, иду связан с Вишну, а пингала – с Шивой (Энциклопедия тантры 1997: 80, 115, 328). В самой сушумне есть три «узла» (Грантхи), в которых Майя (иллюзия) особенно сильна и которые энергия должна пройти, чтобы человеческое сознание избавилось от всех оков. Первый узел находится в Муладхаре (нижней чакре, расположенной в области между половыми органами и задним проходом) и связан с Рудрой (одной из ипостасей Шивы), второй в Манипуре (чакра в области пупка) и связан

вернуться к оглавлению ▲

с Вишну, а третий – в Вишуддхе (горловой чакре) и связан с Брахмой (Авалон 2011: 122, 194). В йоге и тантре отсутствует жесткая кодификация, в результате чего как количество чакр, так и соответствующие им боги, а также описание чакр могут варьироваться в различных направлениях. Так, например, «Сиддха-сиддханта» исходит из системы девяти чакр, самой нижней из которых является брахма-чакра, которая в других системах считается Муладхарой и связывается с богом Ганешей. Она же дает другую локализацию тримурти: «В месте, где начинается позвоночник, – Махарлока, во впадине – Джаналока, в теле позвоночника – Таполока, в лотосе основания – Сатьялока. Таковы четыре локи, над которыми Бог – Брахма. (…) Вишнулока находится в животе, там божество – Вишну. (…) В полости нёба – Шивалока, божество там – Шива» (Сиддха-сиддханта 2015: 149-150, 177). Несмотря на всю эту вариативность, общим является представление о присутствии трех божеств на энергетическом уровне в человеческом теле. Определенные параллели индийским представлениям о тримурти мы можем обнаружить как в восточно-, так и в западнославянской традиции.

Приведенная выше цветовая символика псалма духоборов, связанной с их пониманием Троицы, может быть сопоставлена с цветовой символикой чакр. Согласно одной из версий Муладхара изображается в виде темно-красного лотоса, Манипура – в виде светло-зеленого лотоса, а Аджня-чакра в области межбровья – в виде бледно-серого или белого лотоса (Ферштайн 2018). В других вариантах с зеленым цветом связывается сердечная чакра Анахата. Поскольку с драгоценными камнями духоборы соотносили три лица Троицы, следует отметить, что подобные ассоциации присутствуют и в индийской традиции применительно к трем божествам тримурти. «Дхьянабинду-упанишада» дает такие рекомендации в ходе дыхания при медитации: «На чистый кристалл похожего, десяти миллионам лун равного блеском – таким следует благоговейно созерцать Великого Вишну. Или следующим (образом): на цветок льна похожего, в области пупа находящегося, четырехрукого Великого Вишну следует воспринимать при наполнении (тела воздухом). При задержке (дыхания) следует воспринять в области сердца сидящего на цветке лотоса цвета красноватой драгоценности четырехликого Благого (Брахму), Великого Предка. А при опустошении самопознавший (видит) в области лба трехокого (Шиву), на чистый кристалл похожего, целителя, зла разрушителя» (Дхьянабинду-упанишада 2018). Хоть о полном цветовом совпадении русской и индийской традиции говорить не приходится, однако мы видим, что в данном тексте соотносимые с различными цветами и кристаллами божества располагаются в трех важных энергетических центрах человеческого тела. О глубокой древности ассоциации трех божеств с цветами говорит то, что в хеттском ритуале вызывания духов боги выходят по белой, красной и голубой дорогам, а в римском ритуале с тремя родами богов соотнесены животные белой, черной и красной масти (Иванов 1981: 166).

Поскольку соотнесенность божеств с конкретными чакрами, а тех с цветами могла достаточно сильно варьироваться в различных индийских текстах, представляется более показательной другая индийско-русская параллель. Тантристы считают, что «Брахма, Вишну и Шива символизируют функции единого Вселенского Сознания, действующего в нас». В рамках этого единого Сознания Рудра (т.е. Шива), Вишну и Брахма выступают в аспектах Знания, Действия и Воли (Авалон 2011: 25, 46). Однако весьма похожие представления высказывали и духоборы, заявлявшие, что «Пресвятая Троица – существо непостижимое. В человеке утверждается Отец-Бог – память, Сын-Бог – разум, Дух-Бог – воля. Бог – Троица – един». При этом уже в достаточно ранней записке, датируемой 1805 г., это понятие Троицы связывается с ее светоносной природой: «Бога признают в трех лицах единого неисповедимого. Веруют, что памятию мы уподобляемся Богу-Отцу, разумом – Богу Сыну, волею – Богу-Духу Святому, также первое лицо – свет-Отец Бог наш; второе лицо – живот-Сын Бог наш, и третье лицо – покой-Свет Дух Бог наш». В псалме 65 встречается интересное уточнение: «Отец Бог – память; Сын Бог – разум; Святой Дух Бог – воля. Отца познаем по веществу, а сына по божеству, святого Духа по памяти». Как тантрическое, так и духоборческое понимание этих сущностных аспектов двух триад весьма близко. Категория Воли присутствует в обоих трактовках, а Знанию соответствуют Память и Разум. Единственное принципиальное различие состоит в том, что у духоборов пропала категория Действия. Поскольку понятия Памяти и Разума достаточно близки между собою и оба отражают мыслительную способность, можно предположить, что одно из этих отчасти дублирующих друг друга понятий заменило категорию Действия, первоначальное наличие которой подразумевает не только индийская параллель, но и присутствие категория Воли в составе Троицы. Тщательный анализ текстов духоборов подтверждает это предположение. С одной стороны, ряд вопросов и ответов связывают человеческую душу с богом и разумом:

В. А чем твоя душа живет?
О. Богом.
В. А что есть твоя душа?
О. Разум.
или
В. Где твоя душа пребывает?
О. В чистом совершенном разуме.

Однако другие тексты связывают душу с действием:

В. Что есть твоя душа?
О. Душа есть день действия.
или
В. Что есть душа?
О. Душа есть действие, сила человеческая.
В. Отчего твоя душа превзошла?
О. От премудрости.
В. Что есть премудрость?
О. Сам Бог-Слово-Премудрость.
(Животная книга 1909: 16, 89, 52, 39, 30, 76).

Поскольку в христианстве со Словом отождествляется Бог Сын, которого духоборы соотносили с разумом, как и человеческую душу, очевидно, что первоначально он в их картине мира соотносился с категорией Действия. Таким образом, мы видим почти полное совпадение тантрического и духоборческого понимания троицы верховных божеств в качестве действующих

в людях аспектов единого Вселенского Сознания. Совпадение это тем более поразительно, если мы примем во внимание пространство и время, разделяющее обе эти традиции. Следует добавить, что данные сравнительного языкознания показывают, что представления о «святой» ментальной силе существовало в ведийской, древнеиранской, древнегреческой и древнеславянской традиции. Для последней восстанавливаются такие сочетания как «святая мысль» и «святая память» (Топоров 1989: 14). Это обстоятельство также указывает на то, что соответствующее представление духоборов восходит к языческой эпохе.

Не менее интересно сопоставление индийского тримурти и почитавшихся на Рюгене богов. В Индии Брахма описывался как подобное «тысяче солнц», сияющее, могущественное и непобедимое божество. На изображениях он предстает четырехликим богом, держащим в своих руках четыре веды, сосуд с водой, лук и другие предметы (Топоров 1991: 185). Как видим, подобно Святовиту Брахма не только относится к числу верховных божеств, но также четырехглав, тесно связан со светом, а в число его атрибутов входит сосуд с водой, сопоставимый с рогом в руке арконского идола, и оружие. В связи с четырехликостью стоит вспомнить и Збручского идола с территории Древней Руси. Весьма важным является и такая существенная деталь, что как с Брахмой, так и Святовитом было связано жреческое сословие. В свете солярной природы западнославянского бога богов весьма показательно и название его главного святилища – Арконы. В индийском эпосе «Махабхарата» Арка является одним из имен бога солнца (Махабхарата 1987:

Рис.3. Садашива. Индийская картина XVIII в. (Боги и смертные 2009)

22). В связи со скандинавским описанием чудес в Коренице, следует вспомнить, что зачастую Шива изображался в виде пятиликого Садашивы (рис.3), что напоминает пятиглавых Поревита и Поренута. Главное отличие заключается в том, что последние были безоружны, а Шива в данном случае вооружен. Однако на картине явления Шивы мудрецу Маркандейе, написанной ок. 1820-1825 гг., Шива не только безоружен, но и десятиглав. Более того: пока мудрец поклоняется десятиглавому божеству, по краям картины демоны занимаются любовью с апсарами (Боги и смертные 2009: 142-143). С учетом того, что в Индии Шива был связан с лингамом, а часть возводящих к нему свое учение тантристов практиковала сексуальные ритуалы, мы вновь имеем не только внешнее, но и функциональное сходство. Таким образом, из трех верховных божеств индуистского пантеона два бога имели достаточно точные параллели на славянском Рюгене.

Подобное количество общих черт славянского язычества на Рюгене, отдельных аспектов учения русских духоборов и индийской традиции едва ли может быть объяснено случайными совпадениями или общим индоевропейским наследием, особенно если принять во внимание, что у других западнославянских племен подобной близости с индийской традицией не наблюдается. Это ставит вопрос о возможных путях русско-рюгенско-индийских контактов. В этой связи следует обратить внимание на русов, живших в Прибалтике с XIII в. до н.э. по первую половину I тысячелетия н.э. Как показывают данные лингвистики и генетики, в их составе была группа индоиранцев (Серяков 2016: 291-296; Серяков 2017а: 99-101). Само название святилища Святовита на Рюгене находит себе аналог в Прибалтике, причем достаточно рано письменно зафиксированный: «Датская поземельная книга» начала XIII в. упоминает в Эстонии деревню Аркна (Шмидехельм 1955: 232). Вполне возможно, что упомянутый Саксоном Грамматиком король прибалтийских русов Олимар является одним лицом с далеким предком ободритских князей Алимером, вступившим в брак с Идой, королевой Рюгена. Данное обстоятельство вполне объясняет особую близость рюгенской и индийской традиций. Приведенные материалы позволяют уточнить и датировку отдельных аспектов последней. Как известно, тримурти появляется не в эпоху вед, а позднее, в период индуизма. Брахма не фигурирует в Ригведе в качестве бога-творца, однако эти черты присутствуют у Праджапати, который отождествляется с Брахмой в более поздних текстах. Не упоминается в ней и Шива, но зато в ведийском пантеоне присутствует Рудра, многие характеристики которого впоследствии переходят на Шиву. Под своим именем присутствует в Ригведе Вишну, который, как показал Ф.Б.Я. Кейпер, был связан с космическим центром и уже «в раннюю эпоху Вишну занимал более центральное положение, чем Индра либо Варуна… В отличие от них Вишну должен, следовательно, представлять единство обеих противоположных частей – верхнего мира и нижнего мира. Он представляет и есть оба этих мира…» (Кейпер 1986: 105-106).

Сложным является и вопрос о времени возникновения йогических и тантрических практик. Само слово

вернуться к оглавлению ▲

«тантра» упоминается в Ригведе один единственный раз. Вместе с тем там есть гимн о косматых аскетах (X, 136), которые, пребывая в измененном состояния сознания, летают по воздуху и пьют яд вместе с Рудрой. Вне зависимости от трактовки данный гимн свидетельствует о существовании уже в ведийскую эпоху каких-то шаманских или йогических практик. Анализируя ведийский космогонический миф Ф.Б.Я. Кейпер пришел к выводу о присутствии в нем и йогических элементов, причем связанных с Праджапати (Кейпер 1986: 138-140), который, как уже отмечалось выше, впоследствии отождествлялся с Брахмой. Таким образом, ряд йогических представлений, не сложившихся, по всей видимости, в окончательную целостную систему, присутствовал в ведийскую эпоху. Рассмотренные славяно-индийские контакты позволяют предположить, что какая-то их часть существовала у индоариев уже во время их пребывания в Восточной Европе.

Понятно, что человек, сумевший активизировать энергетический центр своего тела, где, по представлению окружающих, находился бог, рассматривался ими как носитель божественной энергии, в качестве святого или даже божества. Эта черта много позднее отмечалась в ряде русских сект, в том числе и духоборов: «Руководитель духоборцев и есть для духоборцев "живой Бог"…». Данное представление обосновывалось ими следующим образом:

В. В чем царствие Божие состоит?
О. В силе, а сила в Боге, а Бог в человеке.
(Животная книга 1909: XX, 36).

Однако эта черта восходит к эпохе индоевропейской общности. Уже в ведийском гимне «Косматые аскеты» есть одно показательное место:

Аскеты, подпоясанные ветром,
Они следуют порыву ветра,
Когда боги вошли (в них).
(Ригведа 1999: 292).

Зороастрийская традиция весьма глухо и неохотно говорит о грехопадении Йимы и в этом отношении весьма интересны сведения из «Бундахишн», согласно которым вина этого первого царя состояла в том, что он «уподобился богам». С учетом того, что «в правление Йимы каждое дело выполнялось особенно удачно с помощью всех трех огней», эта подробность достаточно показательна. Подобное устремление, осуждаемое почти любой религией, могло носить не только индивидуальный, но и коллективный характер, как это следует из прямого заявления духоборов в 1827 г.: «Бог есть дух; сей дух или Бог в нас; мы есмы Бог» (Новицкий 1882: 240). Согласно их картине мира в месте проживания духоборов находилась третья камора, в которой пребывал «свят Дух Бог наш». Очевидно, что пребывание божества в одном из трех сакральных центров и присутствие бога в духоборах, в результате чего они сами обожествлялись, есть взаимосвязанные представления. Говоря в целом о русской традиции, В.Н. Топоров отмечал: «Не всегда обращают внимание на то, что эта «пан-сакральность» («всесвятость») по сути дела ограничивает (или даже снимает) оппозиции Неба и Земли, божественного и человеческого, святого и профанического. Небо как бы сходит на землю, и человек становится уже не просто образом, подобием и творением Бога, но как бы его воплощением, носителем божественных энергий (хотя бы в потенции и в идеале); ср. исторически известные соблазны этого рода в истории христианства на Руси («человекобожие»)» (Топоров 1989: 48, прим. 97). Можно предположить, что сверх-мощное действие божественной энергии в трех центрах на Рюгене в различных ее ипостасях вело ран к аналогичной идее. Именно это легло в основу представления окружающих их племен о близости ран к богам, что, по свидетельству Адама Бременского, даже внушало иноплеменникам страх. Впоследствии это же способствовало восприятию Рюгена в русском фольклоре как святого божьего острова. Если активизация божественной энергии в чакрах на уровне отдельного человека могло сделать его святым, то подобная же активизация божественной энергии в трех центрах социального тела общества могла сделать святым все общество. Образ социального тела общества не является здесь преувеличением: если представление об антропоморфном Первобоге, из тела которого возникла вся наша вселенная, присутствует в греческой, германской, иранской, русской и индийской мифологии (Серяков 2012: 180-231), то только двум последним традициям оказывается свойственно представлять те или иные части тела Первобога как олицетворение различных сословий. Речь идет о ведийском Пуруше и Адаме из отечественной «Голубиной книги», что в очередной раз указывает на близость русских и индийских религиозных представлений.

На самой Руси точно также возникло представление о своей стране как о святой. На основании лингвистических данных В.Н. Топоров так охарактеризовал эту идею: «Говоря в общем, сакральность (или даже гиперсакральность) древнерусской традиции проявляется прежде всего в том, что 1) все в принципе должно быть сакрально, освящено и тем самым вырвано из-под власти злого начала (ср. древнеиранский дуализм и более поздние учения манихейского толка) и – примириться с меньшим нельзя – возвращено к исходному состоянию целостности и нетронутости; 2) существует единая и универсальная цель («сверхцель»), самое заветное желание и самая глубокая мечта и надежда – святое царство (святость, святое состояние, святая жизнь) на земле и для человека; 3) сильно и актуально упование на то, что это святое состояние может быть предельно приближено (или даже само открыться, наступить) в пространстве и времени… Для праслав. svęt-, видимо, можно реконструировать то же значение, о котором уже говорилось ранее, «увеличиваться», «набухать». Судя по соответствующим контекстам и аналогиям типологического характера, в данном случае речь шла о том благодатном возрастании-процветании некоей животворной субстанции, которое вело к созреванию плода как завершению всего предыдущего развития и прорыву к новому, более высокому состоянию... Пространство и время, святые (освященные) в своих наиболее ответственных точках, как бы обручем скрепляют святой или Божий мир, нередко соотносимый со святой (Божьей) красотой, и населяющий его святой народ, ведущий святую жизнь. В этом святом мире предназначение и идеал человека быть святым (svetъ/

jь/ & celovek). Все формы реализации человеческой деятельности ориентированы на святость – свою (потенциальную) и исходящую свыше. Отсюда – святоносное слово (sveto/je/ & slovo), святое дело (sveto/je/ & delo), святая мысль (sveta/ja/ & myslь, ср. польск. swietomyslny и под.). И то, чем человек слывет среди других, что остается после него, в высших своих проявлениях оказывается святым (ср. sveta/ja/ & slava). Свято и высшее назначение человека, его жизненный путь, пусть к святости… В этом «пан-сакральном» контексте представляется вероятным, что и характерно христианские употребления элемента svęt-, точно переводящие соответственные понятия греческого или латинского текста (ср. Святой дух…), могли иметь свой параллельный источник в недрах дохристианской традиции…» (Топоров 1989: 35-37). Поскольку восточные источники сообщают о трех центрах русов еще до сложения единого государства, можно предположить, что идея Святой Руси была генетически родственна идеи Рюгена как святого острова. В пользу этого говорит и то, что впоследствии четвертый правитель языческой Руси носил связанное с понятием святости имя Святослав, а его мать под 959 г. именуется в западных хрониках Еленой «королевой ругов» (Helena regina Rugi) (Древняя Русь 2010: 45).

ЛИТЕРАТУРА

Авалон 2011 - Авалон А. Кундалини-йога. М., 2011.

Адам Бременский 2011 - Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. М., 2011.

Арриан 1993 - Арриан. Поход Александра. М., 1993.

Боги и смертные 2009 - Боги и смертные. М., 2009.

Брагинский 1991 - Брагинский И.С. Иранская мифология // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1991.

Вилибахов 1965 - Вилибахов В.Б. Топонимика и некоторые вопросы Древней Руси // Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Л., 1965.

Виноградов 1909 - Виноградов В. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. Вып. 2. СПб., 1909.

Ганина 2011 - Ганина Н.А. Аркона, Каренца, Ругард, Ральсвик: о статусе и соотношении рюгенских центров власти // Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011.

Гаркави 1870 - Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.

Гельмольд 1963 - Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963.

Гильфердинг 1874 - Гильфердинг А. Собрание сочинений. Т. 4. История балтийских славян. СПб., 1874.

Данге 1975 - Данге Ш.А. Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого строя. М., 1975.

Древняя Русь 2010 - Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. М., 2010.

Дхьянабинду-упанишада 2018 - Дхьянабинду-упанишада. 2018 / Электронный ресурс: http://scriptures.ru/upanishads/dhyanabindu.htm (дата обращения - 12.12.2018).

Животная книга 1909 - Животная книга духоборцев. СПб., 1909.

Заходер 1967 - Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М., 1967.

Зороастрийские тексты 1997 - Зороастрийские тексты. М., 1997.

Иванов 1981 - Иванов В.В. Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981.

Иванов, Топоров 1975 - Иванов В.В., Топоров В.Н. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В.Я. Проппа (1895-1970). М., 1975.

Кейпер 1986 - Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. М., 1986.

Криничная 1988 - Криничная Н.А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988.

Майков 1869 - Майков Л. Великорусские заклинания. СПб., 1869.

Матерь Лада 2004 - Матерь Лада. М., 2004.

Махабхарата 1987 - Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). М., 1987.

Нидерле 1956 - Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.

Новицкий 1882 - Новицкий О. Духоборцы. Их история и вероучение. К., 1882.

Новосельцев и др. 1965 - Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Пауль 2012 - Пауль А. Ругард – предполагаемая столица руян. 2012 / Электронный ресурс: http://nap1000.livejournal.com/20567.html (дата обращения - 12.12.2018).

Ригведа 1999 - Ригведа. Мандалы IX-X. М., 1999.

Саксон Грамматик 2017 - Саксон Грамматик. Деяния данов. Т. 2. М., 2017.

Серяков 2012 - Серяков М.Л. «Голубиная книга» – священное сказание русского народа. М., 2012.

Серяков 2016 - Серяков М.Л. Великое начало. Рождение Руси. М., 2016.

Серяков 2017а - Серяков М.Л. Русы во времена великих потрясений. М., 2017.

Серяков 2017б - Серяков М.Л. Исток русского духа. М., 2017.

Сиддха-сиддханта 2015 - Сиддха-сиддханта паддхати и другие тексты натха-йогинов. М., 2015.

Титмар 2009 - Титмар Мерзебургский. Хроника. М., 2009.

Топоров 1989 - Топоров В.Н. Из славянской языческой терминологии: индоевропейские истоки и тенденции развития // Этимология. 1986-1987. М., 1989.

Топоров 1991 - Топоров В.Н. Брахма // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1991.

Трухачев 1981 - Трухачев Н.С. Попытка локализации Прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X-XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980. М., 1981.

Ферштайн 2018 - Ферштайн Г. Энциклопедия йоги. 2018 / Электронный ресурс: https://www.litmir.me/br/?b=147066&p=165 (дата обращения - 12.12.2018).

Шмидехельм 1955 - Шмидехельм М.Х. Археологические памятники разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955.

Энциклопедия тантры 1997 - Энциклопедия тантры. М., 1997.

Danielou 1960 - Danielou A. Le Polytheisme hindou. Paris, 1960.

REFERENCES

Adam Bremenskij 2011 - Adam Bremenskij, Gel'mol'd iz Bosau, Arnol'd Lyubekskij. Slavyanskie hroniki [Slavic chronicles], Moscow, 2011 [in Russian].

Arrian 1993 - Arrian. Pohod Aleksandra [Alexander Campaign], Moscow, 1993 [in Russian].

Avalon 2011 - Avalon A. Kundalini-joga [Kundalini Yoga], Moscow, 2011 [in Russian].

Bogi i smertnye 2009 - Bogi i smertnye [Gods and mortals], Moscow, 2009 [in Russian].

Braginskij 1991 - Braginskij I.S. Iranskaya mifologiya [Iranian mythology], in: Mify narodov mira. T. 1 [Myths of the peoples of the world. Volume 1], Moscow, 1991 [in Russian].

Dange 1975 - Dange Sh.A. Indiya ot pervobytnogo kommunizma do razlozheniya rabovladel'cheskogo stroya [India from primitive communism to the decay of the slave system], Moscow, 1975 [in Russian].

Danielou 1960 - Danielou A. Le Polytheisme hindou [Indian polytheism], Paris, 1960 [in French].

Dh'yanabindu-upanishada 2018 - Dh'yanabindu-upanishada [Dhyanabindu Upanishad], 2018, Electronic resource: http://scriptures.ru/upanishads/dhyanabindu.htm (Date of access - 12.12.2018) [in Russian].

Drevnyaya Rus' 2010 - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatiya. T. 4 [Ancient Russia in the light of foreign sources. An anthology. Volume 4], Moscow, 2010 [in Russian].

Enciklopediya tantry 1997 - Enciklopediya tantry [Encyclopedia of Tantra], Moscow, 1997 [in Russian].

Fershtajn 2018 - Fershtajn G. Enciklopediya jogi [Encyclopedia of Yoga], 2018, Electronic resource: https://www.litmir.me/br/?b=147066&p=165 (Date of access - 12.12.2018) [in Russian].

Ganina 2011 - Ganina N.A. Arkona, Karenca, Rugard, Ral'svik: o statuse i sootnoshenii ryugenskih centrov vlasti [Arkona, Karents, Rugard, Ralswick: on the status and correlation of the Rügen centers of power], in: Rannie gosudarstva Evropy i Azii: problemy politogeneza [The Early States of Europe and Asia: Problems of Politogenesis], Moscow, 2011 [in Russian].

Garkavi 1870 - Garkavi A.Ya. Skazaniya musul'manskih pisatelej o slavyanah i russkih [Tales of Muslim Writers about Slavs and Russians], St. Petersburg, 1870 [in Russian].

Gel'mol'd 1963 - Gel'mol'd. Slavyanskaya hronika [Slavic Chronicle], Moscow, 1963 [in Russian].

Gil'ferding 1874 - Gil'ferding A. Sobranie sochinenij. T. 4. Istoriya baltijskih slavyan [Collected works. Volume 4. History of the Baltic Slavs], St. Petersburg, 1874 [in Russian].

Ivanov 1981 - Ivanov V.V. Cvetovaya simvolika v geograficheskih nazvaniyah v svete dannyh tipologii [Color symbolism in geographical names in the light of typology data], in: Balto-slavyanskie issledovaniya. 1980 [Balto-Slavic studies], Moscow, 1981 [in Russian].

Ivanov, Toporov 1975 - Ivanov V.V., Toporov V.N. Invariant i transformacii v mifologicheskih i fol'klornyh tekstah [Invariant and transformations in mythological and folklore texts], in: Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru. Sbornik statej pamyati V.Ya. Proppa (1895-1970) [Typological studies on folklore. Collection of articles in memory of V.Ya. Proppa (1895-1970)], Moscow, 1975 [in Russian].

Kejper 1986 - Kejper F.B.Ya. Trudy po vedijskoj mifologii [Works on Vedic mythology], Moscow, 1986 [in Russian].

Krinichnaya 1988 - Krinichnaya N.A. Personazhi predanij: stanovlenie i evolyuciya obraza [Characters of traditions: the formation and evolution of the image], Leningrad, 1988 [in Russian].

Mahabharata 1987 - Mahabharata. Kniga tret'ya. Lesnaya (Aran'yakaparva) [Mahabharata. The third book. Forest (Aranyakaparva)], Moscow, 1987 [in Russian].

Majkov 1869 - Majkov L. Velikorusskie zaklinaniya [Great Russian spells], St. Petersburg, 1869 [in Russian].

Mater' Lada 2004 - Mater' Lada [Mother Lada], Moscow, 2004 [in Russian].

Niderle 1956 - Niderle L. Slavyanskie drevnosti [Slavic antiquities], Moscow, 1956 [in Russian].

Novickij 1882 - Novickij O. Duhoborcy. Ih istoriya i verouchenie [Dukhobortsy. Their history and creed], Kiev, 1882 [in Russian].

Novosel'cev i dr. 1965 - Novosel'cev A.P., Pashuto V.T., Cherepnin L.V., Shusharin V.P., Shchapov Ya.N. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie [The Old Russian State and its International Importance], Moscow, 1965 [in Russian].

Paul' 2012 - Paul' A. Rugard – predpolagaemaya stolica ruyan [Rugard – the alleged capital of Ruyan], 2012, Electronic resource: http://nap1000.livejournal.com/20567.html (Date of access - 12.12.2018) [in Russian].

Rigveda 1999 - Rigveda. Mandaly IX-X [Rigveda. Mandalas IX-X], Moscow, 1999 [in Russian].

Sakson Grammatik 2017 - Sakson Grammatik. Deyaniya danov. T. 2 [Acts of the Danes. Volume 2], Moscow, 2017 [in Russian].

Seryakov 2012 - Seryakov M.L. «Golubinaya kniga» – svyashchennoe skazanie russkogo naroda ["Pigeon Book" - a sacred legend of the Russian people], Moscow, 2012 [in Russian].

Seryakov 2016 - Seryakov M.L. Velikoe nachalo. Rozhdenie Rusi [Great start. Birth of Russia], Moscow, 2016 [in Russian].

Seryakov 2017a - Seryakov M.L. Rusy vo vremena velikih potryasenij [Rus in times of great upheaval], Moscow, 2017 [in Russian].

Seryakov 2017b - Seryakov M.L. Istok russkogo duha [The source of the Russian spirit], Moscow, 2017 [in Russian].

Shmidekhel'm 1955 - Shmidekhel'm M.H. Arheologicheskie pamyatniki razlozheniya rodovogo stroya na severo-vostoke Estonii [Archaeological sites of the decay of the tribal system in northeast Estonia], Tallin, 1955 [in Russian].

Siddha-siddhanta 2015 - Siddha-siddhanta paddhati i drugie teksty natha-joginov [Siddha-siddhanta paddhati and other texts of natha yogis], Moscow, 2015 [in Russian].

Titmar 2009 - Titmar Merzeburgskij. Hronika [Chronicle], Moscow, 2009 [in Russian].

Toporov 1989 - Toporov V.N. Iz slavyanskoj yazycheskoj terminologii: indoevropejskie istoki i tendencii razvitiya [From Slavic pagan terminology: Indo-European sources and development trends], in: Etimologiya. 1986-1987 [Etymology. 1986-1987], Moscow, 1989 [in Russian].

Toporov 1991 - Toporov V.N. Brahma [Brahma], in: Mify narodov mira. T. 1 [Myths of the peoples of the world. Volume 1], Moscow, 1991 [in Russian].

Truhachev 1981 - Truhachev N.S. Popytka lokalizacii Pribaltijskoj Rusi na osnovanii soobshchenij sovremennikov v zapadnoevropejskih i arabskih istochnikah X-XIII vv. [An attempt to localize Baltic Russia on the basis of reports of contemporaries in Western European and Arab sources of the X-XIII centuries], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1980 [The oldest states in the USSR. Materials and research. 1980], Moscow, 1981 [in Russian].

Vilibahov 1965 - Vilibahov V.B. Toponimika i nekotorye voprosy Drevnej Rusi [Toponymy and some questions of Ancient Russia], in: Vsesoyuznaya konferenciya po toponimike SSSR [All-Union Conference on Toponymy of the USSR], Leningrad, 1965 [in Russian].

Vinogradov 1909 - Vinogradov V. Zagovory, oberegi, spasitel'nye molitvy i proch. Vyp. 2 [Conspiracies, charms, saving prayers, and more. Issue 2], St. Petersburg, 1909 [in Russian].

Zahoder 1967 - Zahoder B.N. Kaspijskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope. T. 2 [Caspian Code of Information on Eastern Europe. Volume 2], Moscow, 1967 [in Russian].

Zhivotnaya kniga 1909 - Zhivotnaya kniga duhoborcev [Animal Book of Dukhobors], St. Petersburg, 1909 [in Russian].

Zoroastrijskie teksty 1997 - Zoroastrijskie teksty [Zoroastrian texts], Moscow, 1997 [in Russian].

Серяков Михаил Леонидович
– Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия).

Mikhail Seryakov
– Independent Researcher (St. Petersburg, Russia).

mikhail-serjakv@rambler.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНОВ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

А.А. Карпенко
Институт переподготовки и повышения квалификации МГУ им. М.В. Ломоносова Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1
e-mail: alnikar1953@mail.ru
Researcher ID: F-1250-2018
http://orcid.org/0000-0001-5905-2313
SPIN-код: 1459-5673

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье рассматривается использование терминов близкородственных отношений в «Слове о полку Игореве» и анализируются принципы их употребления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Слово о полку Игореве, Рюриковичи, генеалогия, русские князья, термины родства.

USE OF TERMS FOR KINSHIP RELATIONS IN THE TALE OF IGOR’S CAMPAIGN

Andrey Karpenko
Institute of Retraining and Professional development
of Lomonosov Moscow State University (Volgodonsk, Russia)
e-mail: alnikar1953@mail.ru

ABSTRACT
The article discusses kinship terms in the Tale of Igor’s Campaign and analyzes principles of their use.

KEYWORDS: Tale of Igor’s Campaign, Rurikids, genealogy, Russian princes, terms for kinship relations.

Известная общая разработанность и изученность великого памятника древнерусской литературы «Слова о полку Игореве» (далее – «Слово») в то же время не должна подменять собой изучения отдельных его аспектов. В этом плане интересно более углубленное изучение данного памятника с точки зрения использования в нём терминов, обычно употребляемых для обозначения степеней или категорий близкородственных связей, таких как, дед и внук, сын и отец, и которые носят в «Слове» особый характер, заметно отличающийся от других литературных памятников того времени.

Ведь, например, известно, что термин «внуки» в «Слове о полку Игореве» часто употребляется в символическом метафорическом смысле («Даждьбожьи», «Велесов», «Стрибожьи», «Ярославли», «Всеславли» и т. д.), что было в целом не характерно для древнерусской литературы, где к тому же в первую очередь указывался отец и лишь потом дед. Если рассмотреть этот вопрос подробнее, то окажется, что согласно древнерусскому литературному этикету в характеристике прославляемого (или упоминаемого) лица, как правило, указывался его отец, много реже – дед, а более далёкие потомки упоминались и вовсе почти в исключительных случаях (Мельникова 2000: 144). Митрополит Илларион пишет: «Похвалим же и мы… нашего учителя и наставника великааго кагана нашеа земли Володимера, вънука страаго Игоря, сына же славнааго Святослава». Иаков Мних так же называет лишь отца Владимира – Святослава и деда – Игоря, а также его бабку – Ольгу (Илларион 1989: 178, 188; Златоструй 1990: 129-132, 135). Правда следует учитывать, что эти памятники, в отличие от «Слова о полку Игореве», носят религиозный характер. Илларион, в отличие от автора «Слова», упоминающего в поэме имена сразу 44-х действующих князей, удостоил упоминания всего лишь несколько лиц. В его тексте нельзя увидеть ни Рюрика, ни Вещего Олега, ни Ольгу, ни Аскольда, ни Дира, ни братьев Владимира Святого, ни братьев Ярослава Мудрого, ни даже сыновей последнего. Иаков Мних, следуя той же традиции, проигнорировал всех этих князей, исключая первую святую на Руси – Ольгу – мать всего рода.

Устав князя о десятинах, судах и людях церковных начинается словами: «В имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Се яз… Володимер, сын Святославль, оунук Игорев, блаженыя Ольгы…». В уставе Ярослава Мудрого о церковных судах запись: «А се аз, князь великыи Ярослав, сын Володимеров». В уставе новгородского князя Всеволода, данного им купеческой организации церкви Ивана на Опоках (1135-1136 гг.), перечень его предшественников: «Се аз, князь великыи Гавриил, нареченыи Всеволод, самодержець Мстиславець, вноук Володимеров…» (Щапов 1976: 14, 86, 153, 154, 160).

Летописный и иной материал за вторую половину XI-XIII вв. (зафиксированный в этих же временных рамках)

при упоминании старших в роду также соблюдает это правило. Несколько тому примеров из Лаврентьевской летописи приводит В.В. Фомин: В 1057 год – «преставился Вячеслав, сын Ярославль»; 1060 год – «преставился Игорь, сын Ярославль»; 1076 год – «преставился Вячеслав, сын Ярославль»; 1078 год – «убьен бысть Изяслав, сын Ярославль»; 1093 год – умер Всеволод, «сын Ярославль, внук Володимер»; 1125 год – умер Владимир Мономах, «сын благоверна отца Всеволода»; 1174 год – убит Андрей Боголюбский, «сын великого князя Георгия, внук Мономаха Володимера»; 1201 год – упомянут Всеволод Юрьевич, «внук Володимерь Мономаха». В «Поучении» Владимира Мономаха первой строкой записано: «Аз худый дедом своим Ярославом, благословленным, славным, нареченный в крещении Василий, отцемь възлюленымь и матерью своею Мьномахы…». В Первоначальной редакции Жития Александра Невского его автора говорит: «Я, жалкий и многогрешный, недалёкий умом, осмеливаюсь описать житие Александра, сына Ярославова, внука Всеволода». Новгородская первая летопись старшего извода под 1180 годом сообщает о смерти Мстислава Храброго: «Переставился князь Мстислав Ростиславиць, внук Мьстиславль» (Фомин 2005: 317; ПСРЛ. 1: 158-159; 193, 195, 208, 232, 279, 348, 395; ПСРЛ. 3: 36; Повесть 1981: 427).

В летописях, так же, как и в церковной литературе, за исключением одного примера (с Всеволодом Большое Гнездо), не наблюдается ни одного случая, чтобы при представлении князя назывался, например, один лишь его дед, или говорили о том, чьим внуком является князь, но при этом не указывали отца. Причём дед вообще назывался только лишь у наиболее проявивших себя князей, и этими «дедами», как правило, являлись весьма крупные по меркам Руси величины, такие как Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Мстислав Великий и т.д.

В «Слове о полку Игореве» мы наблюдаем совершенно иную картину. Дадим начало своему разбору с действующих лиц X-XI вв. Относительно этого периода отчество в «Слове» не даётся почти никому из князей, к которым обращается автор. Даются лишь прозвания того или иного князя, или его временное отношению к автору «Слова». Владимир в «Слове» назван «старым» (Слово 2002: 78, 27[1]; 94, 461), также, как и Ярослав (Слово 2002: 77, 18), Мстислав – «храбрым» (Слово 2002: 77, 18), Роман – «красным» (Слово 2002: 77, 21), Олег – «Гориславичем» (Слово 2002: 84, 178), Всеслав – просто «князь» (Слово 2002: 94, 446). Этот способ именования князей приводит к нескончаемым спорам. Например, кто есть в «Слове» «старый» Владимир – Владимир Святославич или Владимир Мономах? Какой именно Ярослав имеется в виду в данном конкретном случае? (Горский 2002: 154). Зная из «Слова» имя и дробную биографию Всеслава (Слово 2002: 92, 403 и т.д.), мы даже не узнаём об его отчестве – «Брячиславич». Если бы не параллели «Слову» из «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) мы бы сомневались даже в том, что удельный Полоцкий князь может занять столь видное место в крупнейшем русском средневековом литературном памятнике. Не назван по отчеству и упомянутый в «Слове» «Ростислав» (Слово 2002: 97, 541,543) Всеволодович, младший брат Владимира Мономаха, утонувший в 1093 году в реке Стугне (правом притоке Днепра) во время бегства после поражения от половцев (Горский 2002: 164).

Единственное снисхождение сделано автором в отношении сыновей Святослава Ярославича (умер в 1076 году). Святославичами по разу названы его сыновья Роман (Слово 2002: 78, 21), Олег (Слово 2002: 83, 165). Автор «Слова» вроде бы явно отклоняется от своей линии, называя отчество Бориса «Вячиславлича» (Слово 2002: 83, 172). Но это представление ошибочно, с учётом того, что, Борис был единственным из всех князей, действовавших в событиях 1070-х гг., кто был сыном одного из младших Ярославичей – Вячеслава. Из всего ясно, что в представлении автора «Слова» именно Святослав Ярославич, а не Олег «Гориславич», и даже не Ярослав Мудрый, мыслился тем князем, от которого и следовало выводить свой княжеский род. Уже поэтому можно поставить под сомнение, набившее оскомину в литературе выражение «Ольговичи» в отношении лишь к Черниговским князьям. Ведь представители русского княжеского рода до XV века не называли себя Рюриковичами. Потомки Ярослава князя Муромского и Рязанского не звали себя Ярославичами. Потомки Владимира Мономаха – не звались Владимировичами, так же, как и Галицкие потомки Владимира Ярославича (умер в 1052 году). Исходя из отрицательного образа Олега «Гориславича» и положительного отношения к его отцу Святославу, вероятнее было бы видеть именно в Святославе символического прародителя Черниговских князей. Но, думается, что и этого, вероятно, на деле не было, потому что Черниговские князья не стремились к замкнутости своей ветви.

В отношении князей современников автора «Слова» применение отчества вроде бы уже несколько меняется. Всеволод, прозванный позднее Большое Гнездо, назван в «Слове» «Великый» (Слово 2002: 90, 340) без указания отчества. Вероятно, по этой причине и для отличия от него, отчество иногда указывается у Всеволода Святославича, многократно прозванного в «Слове» «Буй Туром» (Слово 2002: 79, 64 и т.д.). Поэтому эпитет «Великий» следует рассматривать не только как приставку, к княжескому титулу, но и одновременно как отличительную особенность главы северо-восточной Руси в сравнении с мелким удельным князем «Буй-Тур» Всеволодом. В этом плане интересно, что следующий Всеволод, то есть князь Полоцкой ветви в отличие от «Великого» и «Буй Тура» уже отличается эпитетом «другой» (Слово 2002: 92, 410-411). Причём в этом контексте он одновременно и «другой» Всеволод, и «другой» брат Изяслава. То есть, этот эпитет позволяет опустить его отчество. Это, во-первых, доказывает, что автор «Слова» старался лишний раз не упоминать отчеств, представляемых князей, а во-вторых, показывает, как тонко он чувствовал правильность выбора того или иного эпитета.

Один раз Рязанский князь, сын Глеба Ростиславича (умер в 1177 году) Владимир назван «сыном Глебовым» (Слово 2002: 90, 339). И он же вместе с братьями указан, как «сыны Глебовы» (Слово 2002: 90, 349). То есть, в дан-

1 Вторая цифра обозначает номер строки в Екатерининской копии.

ном случае эпитет «сыны» относятся действительно к сыновьям. Но это, скорее, исключение из правил, подчёркивавшее участия этих князей, чей отец ещё служил Черниговским князьям, в походах северо-восточного князя Всеволода.

Уже далее идут обращения «буй Рюриче и Давыде» (Слово 2002: 90, 350), «Галичкы Осмомысле Ярославле» (Слово 2002: 90, 359), «буй Роман и Мстислав» (Слово 2002: 91, 373), где прозвища абсолютно изгоняют отчества. Причём удивительное совпадение: отчества отсутствуют именно у тех князей, к которым Киевский князь Святослав трижды обращается с призывом вступиться за Игоря «Святославлича» (Слово 2002: 90, 358; 91, 372; 92, 397). То есть, тем самым показывается образность самого употребления термина «Святославич» в тексте «Слова», то есть, показывается образ Игоря – символического крёстного сына Святослава Киевского.

Далее, в «Слове» употребляется интересный эпитет «Ингварь и Всеволод, и вси три Мстиславличи» (Слово 2002: 92, 390). Ингварь и Всеволод – братья Мстислава Ярославича Пересопницкого. Относительно трёх Мстиславичей существует множество предположений, ни одно из которых не может удовлетворить до конца. Д.С. Лихачёв считал, что это сыновья Мстислава Изяславича (умер в 1170 году) (Лихачёв 1950а: 447). Б.А. Рыбаков видел в Мстиславичах – сыновей Мстислава Ростиславича Храброго (умершего в 1180 году брата Рюрика и Давыда) – Владимира, Мстислава и Давыда (Рыбаков 1972: 485-489). Эти версии не могут быть признаны удовлетворяющими главному условию: они не объясняют, каким образом эти Мстиславичи связаны со стоящими перед ними Ингварем и Всеволодом Ярославичами. Дело в том, что Ингварь и Всеволод Ярославичи стоят почему-то отдельно от брата Мстислава, который упоминается ранее: «А ты, буй Романе, и Мстиславле» (Слово 2002: 91, 372). Роман здесь – это Роман Мстиславич, князь Владимиро-Волынский (в 1170-1205 гг.), позже (в 1199-1205 гг.) также Галицкий. Под Мстиславом имеется в виду, скорее всего, его двоюродный брат, Пересопницкий князь Мстислав Ярославич «Немой». Галицко-Волынская летопись свидетельствует о его дружбе с Романом (Горский 2002: 149). Единственным выходом, почему Ингварь и Всеволод поставлены рядом с Мстиславичами, видится в том, чтобы «Мстиславичахи» – это их племянники, то есть, сыновья Мстислава Пересопницкого. Но этот выход исключён, поскольку на момент написания «Слова» эти князья самостоятельного политического значения не имели. Поэтому здесь должен быть найден другой выход.

Очевидно, Мстислав Пересопницкий дружившийся с Романом Мстиславичем в случае выступления в Степь, должен был идти именно с ним. Потому и призыв к ним отдельный. Но окончательно отделять Ингваря и Всеволода от Мстислава автор «Слова», возвеличивавший братство, не захотел. Поэтому, после перечисления отдельно, сначала Мстислава, а потом и его братьев, он образно всех трёх объединяет эпитетом «все три Мстиславича». Очевидно, Мстислав, сильнейший из трёх братьев символически предоставлял своё имя для «отцовства», несмотря на братство. Во-вторых, тот факт, что все трое здесь зовутся Мстиславичами, позволяет отличить Всеволода от трёх других Всеволодов «Слова».

Далее встречается ещё одна интересная комбинация, когда реальное отцовство перемежается с символическим «дедовством». Сначала говорится о том, что «Изяславъ, сынъ Васильковь» (Слово 2002: 92, 402). И действительно, Изяслав Василькович, один из представителей Полоцкой княжеской ветви, брат жены Святослава Киевского Марии. Отчество здесь названо по той причине, что князья Васильковичи были даже по удельным меркам князьями весьма мелкими. Ни Всеволод, ни Изяслав в летописях даже не упоминаются (Сумаруков 1997: 21). Но вслед за представлением далее идёт ещё более интересное словосочетание: «притрепа славу деду своему Всеславу» (Слово 2002: 92, 403). Вся штука в том, что Васильковичи были не внуками, и даже не правнуками, а праправнуками Всеслава Полоцкого. То есть, автор «Слова» рискнул упомянуть через строку реальное отцовство и символическое «дедовство», естественно, и мыслью даже не дав усомниться современникам в том, что он под этим имел в виду.

Старший сын главного героя похода назван по отчеству «Владимиру Игоревичь!» (Слово 2002: 99, 581) только в самом конце поэмы.

Но целая серия современников автора «Слова» зафиксированы в поэме только по именам и по более обыденным причинам. Это женские имена-отчества «Ярославна» (Слово 2002: 95, 467,473,482) и «красныя Глебовны» (Слово 2002: 83, 160), очевидно, по отцу, подобно летописным Малуше (от Малько) – матери Владимира или Рогнеде (от Рогволода) – его жене. Вероятно, существовала древняя традиция названия по отцу. Иначе трудно объяснить, почему автор «Слова» не употребил попутно женских личных имён Ярославны и Глебовны. Это опровергает версию о том, что летописец якобы отчеством компенсировал своё незнание личных имён женских персонажей летописей. Ведь не принадлежащие к русским князьям лица так и остаются без отчеств – «Овлуръ» (Слово 2002: 96, 505), половчанин помогший Игорю бежать из плена, его главные враги Гзакъ и Кончак (Слово 2002: 98, 547 т.д.), песнотворец XI в. Боянъ, и XII в. – Ходына (Слово 2002: 98, 565).

Но зато «отчество» даётся реке Днепру: «О Днепре Словутицю!» (Слово 2002: 95, 483), а «внучество» природным стихиям, например, ветрам: «Се ветри, Стрибожи внуци» (Слово 2002: 82, 138), тому же Бояну: «Чи ли въспети было, вещей Бояне, Велесовъ внуче…» (Слово 2002: 79, 58) и т.п.

Отдельно стоит рассмотреть образ Трояна, дважды возводимого по деду к Даждьбогу – богу солнца: «…Погыбашеть жизнь Даждьбожа внука (Трояна)» (Слово 2002: 84, 180); «Въстала Обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступилъ девою на землю Трояню» (Слово 2002: 85, 213, 214). Игорь, в свою очередь, один раз возводится не к реальным отцу и деду, а к Трояну: «…Игореви, того (Трояни) (Ольга) внуку» (Слово 2002: 79, 55) и т.д. Как заметил П. Ткаченко, языческие боги в прямом упоминании в «Слове о полку Игореве» не называются. Через богов называются их внуки. Единственный раз имя языческого божества названо без слова «внуци», вроде бы прямо, это Хръс, как полагают, Хорс – языческий

бог солнца. Всякий раз имя языческих божеств сопровождается словом «внуци»: Велесов внуце, Дажьбожа внука, Стрибожи внуци. До сих пор нет убедительного объяснения, почему тех или иных героев автор называет именно внуками этих языческих богов, что означало это в представлении автора и современников. Если они внуки их, то чьи же они дети? (Ткаченко 2000: 42-43).

Начнём рассмотрение столь сложного вопроса с третьего упоминания Трояна, когда в тексте «Слова» говорится о его земле: «Уже бо, братие, невеселая година въстала, Уже пустыни силу прикрыла; въстала Обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступилъ девою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крилы на синемь моръ…» (Слово 2002: 85, 211-215). Многие авторы отождествляли «землю Трояню» с Русской землёй (Лихачёв 1950б: 23).

А.Г. Кузьмин был прав, когда утверждал, что представление о земле Трояна, как о Руси, всё время усиливается дальнейшим текстом, и находит интересную параллель. Сокол – Игорь, «птиц бья», залетел к морю. Но храбрый полк погиб, в результате чего Карна и Жля помчались по Русской земле, «смагу людем мючючи в пламяни розе» (неся пожарища в пылающем роге). По следам Обиды на Русскую землю устремился поток огня и разрушений. Отождествление «земли Трояня» с Русской землёй логично вытекает из факта выделения эпохи Трояна, как раннего периода русской истории (Кузьмин 2003: 201). В этом А.Г. Кузьмин прав. Действительно, в понятие «земля Трояня» входит вся Русь, в том числе и Русская земля, как её составная часть, другой вопрос: одна ли она? Многих исследователей интересовал вопрос: почему автор «Слова» даёт предпочтение термину «Русская земля» термину «Русь». Если он жил при дворе Святослава Киевского и мечтал о возрождении былого единства Руси, для него не было зазорным отождествить с Киевской (Русской) землёй всю Русь, включая и некиевские левобережные земли. Примеров тому множество. В начале «Слова» Игорь: «Наведе своя храбрыя полкы На землю Половецькую За землю Руськую» (Слово 2002: 78, 31-34). Затем, покидая Русь оклик: «О Русская земле! Уже за шеломянемъ еси!» (Слово 2002: 80, 100; 82, 137). Затем ближе к концу Русская земля упоминается бесконечно часто: «(Чёрная земля, политая кровью) Тугою взыдоша по Русской земли» (Слово 2002: 84, 198); «Сваты попоиша, а сами полегоша За землю Рускую» (Слово 2002: 85, 207-208); «А погани съ всех странъ Прихождаху съ победами на землю Рускую» (Слово 2002: 85, 223-224); «За ним кликну Карна, И Жля поскочи по Рускои земли» (Слово 2002: 86, 227-228); «Тоска разлияся по Русской земли, Печаль жирна утече среде земли Рускыи» (Слово 2002: 86, 238-239); «А погани сами, Победами нарищуще на Русскую землю» (Слово 2002: 86, 342-243). «Ты, буй Рюриче и Давыде! (…). Вступита, господина… Зане землю Рускую, За раны Игоревы, Буего Святъславлича» (Слово 2002: 90, 350,354,356-458).

По схожему алгоритму призыв к защите к «Галичке Осмомысле Ярославе!», «Романе, и Мстиславе!» (обрыв в «Слове» на (Слово 2002: 91, 387), «Ингварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславличи» и т.д. (Слово 2002: 90, 370-372; 92, 395-397). И лишь всего один раз Полоцкая земля разводится с Киевской, а сама последняя рассматривается в узком смысле границ Киевского княжества: «Вы бо своими крамолами Начасте наводити поганыя На землю Русскую, На жизнь Всеславлю» (Слово 2002: 93, 421-423).

И далее никакого разделения вновь нет: «О, стонати Русской земли, Помянувшее первую годину и первых князей!» (Интересно, что рассказы, упоминавшие о «первых князьях» были позднее популярны именно в Новгороде Северском) (Слово 2002: 92, 459-460). «(Тяжко) Русской земли – безъ Игоря. Солнце светится на небесе – Игорь князь въ Русской земли!» (Слово 2002: 98-99, 570-572).

Когда говорится о противостоянии Руси и половцев употребляется эпитет «Русская земля». Единственный раз, когда идёт противопоставление «Русской земли» и иной части Руси это когда говорится о противостоянии Полочан литовцам. Здесь то и говорится о «жизни Всеславля», то есть, Полоцкой земле. Эпитет «земля Трояня» объединяет всю Русь, то есть, «Русскую землю» и выделившуюся из неё, очевидно, не как территориальную единицу, а скорее, как родовую, управляющуюся потомками Всеслава, а не Ярославичей, Полоцкую землю. Из этого можно сделать вывод, что если «земля Трояня» названа так в честь Трояна, то жить должен был этот князь до образования Полоцкого княжества, то есть, не позднее 970-х гг.

А.Г. Кузьмин считал, что если «русичи» – это «внуки» Дажьбога, то их земля – это земля Трояна. Но другое отрывок «Слова» говорит против отождествления с внуками Дажьбога, всех русичей, поскольку термин «Даждьбожа внук» опять упомянут в единственном числе: «Тогда при Олзе Гориславичи, Сеяшется и растяшеть усобицами, Погыбашеть жизнь Даждьбожа внука» (Слово 2002: 84, 178-180).

Две фразы «Дажьбожа внука» рождают не менее занятный вопрос: кто именно, если не весь народ, имеется в виду под этим Даждьбожьим внуком? Может быть сам Олег Святославич, названный лишь единственный раз и в этом месте «Гориславичем», сеятель и зачинатель княжеских усобиц? Интересно, что сам себя автор «Слова», в отличие от Бояна, «Велесовым внуком» не считает, хотя при признании некоторыми современными исследователями Велеса божеством песнотворцев, а автора «Слова» язычником, это выглядит странно.

По нашему мнению, в первом случае идёт смысловое наложение «Дажьбожа внука» и «земли Трояня», а во втором, наоборот, противопоставление Олега Гориславича с «внуком Дажьбога». Таким образом, очевидно, Троян – это родоначальник династии русских князей, он же созидатель Руси и, таким образом, «внук» Дажьбога. А уже через Трояна, возможно, хотя и косвенно, в ранг «внуков» этого божества можно возвести, как это делают историки, и других представителей княжеского рода (по крайней мере, положительную его часть) и весь народ.

А.А. Горский считает, что наиболее вероятным представляется мнение, о том что «Дажьбожьим внуком» назван весь княжеский род Рюриковичей (Соколова 1995: 81). Но тогда становится непонятным единственное число слова «внук» и отсутствие пояснения о том, что это именно род, уже не говоря о том, что это был за «род».

Ведь автор «Слова» в своих отступлениях не уходит глубже Ярослава и Всеслава, и уже их потомков разделяет на «Ярославичей и Всеславичей». Действительно, в другом месте «Слова» «жизнью» именуют княжеские владения, говоря «жизнь Всеславлю» (то есть Полоцкое княжество – отчину потомков Всеслава Брячиславича (Слово 2002: 93, 420-423). Об этом значении слова «жизнь» говорится в словаре древнерусского языка (Словарь 1990: 261). В обоих случаях употребления выражения «Дажьбожий внук» речь идёт о междоусобных распрях на Руси в целом; в комментируемом фрагменте («погыбашеть жизнь Даждьбога внука» (Слово 2002: 84, 180): ниже прямо упоминается «Русская земля»: «Тогда по Русской земли ретко ратаеве кикахуть…» (Слово 2002: 84, 182)). Поэтому А.А. Горский и увидел во фрезе, «жизнь Даждьбожа внука» - «другое наименование «Русской земли», поэтическое определение её как «владения русских князей» (Горский 2002: 130-131). Хотя и в подобной, близкой к действительности интерпретации, персонификации избежать всё же невозможно. Если Полоцкая земля – это «жизнь» конкретного князя Всеслава Полоцкого, а «жизнь» внука Дажьбога – это Русская земля, то естественным оказывается вопрос: кто из князей подобных Всеславу, но соотносимых со всей Русью имеется в виду под внуком Дажьбога?

Ответ на вопрос кто именно и почему в образе Трояна назван внуком Дажьбога, находится в летописи в тексте её Ипатьевского списка под 1114 годом. В ней, в частности, рассказывая о чудесных событиях того периода, летописец проиллюстрировал их рассказом из популярной на Руси византийской средневековой хроники Иоанна Малалы: «Сего ради прозваша и Сварогомъ и ближаша и египтяне. И по сем царствова сынъ его, именем Солнце, его же наричуть Даждьбог… От нележе начаша человеци дань давати царямъ» (ПСРЛ. 2: 278-279).

То есть, Даждьбог в славянской мифологии являлся покровителем царской власти. Его потомком мог считаться только первый киевский монарх, от которого и ведётся счёт княжений в ПВЛ. А этим монархом являлся, судя по росписи князей под 852 годом, Вещий Олег.

Именно по той причине, что родоначальником русской княжеской династии в представлении автора «Слова» был антипод и к тому же и тёзка Олега «Гориславича» – «вещий» Олег, потому-то и внук Даждьбога во втором месте текста по имени не назван. Исследователей долгое время интересовал вопрос: почему Олег Тмутараканский называется в «Слова» «Гориславичем»? Да, действительно, Олег Тмутараканский, трижды приводил «поганых» на Русь. Но подобное, впрочем, делали и многие, правда, не носившие такого эпитета его современники – князья. Вероятно, «Гориславичем» Олег «Тмутараканский» назван здесь лишь образно – для сопоставления со своим знаменитым победоносным Вещим тёзкой.

Мало того, в свете данного текста становится понятной аллегория «вреже Всеславъ жребий о девицю себе любу» во время захвата Всеславом Полоцким Киева. Ведь Сварог, согласно ПВЛ: «законъ оустави женамъ за единъ мужь посагати и ходите говеющи, а иже прелюбы деющи, казнити повелеваше. Сего ради прозваша и бог Сварогъ. Преже бо сего жены блоудяху акы скотъ блудящее. Аще родяшеть детищь, которыи и любъ бываше, дашеть: «Се твоё дитя». Он же створяше празненство приимаше. Феость (то есть, Сварог) же сь сей закон рассыпа и всътави единому мюжю имети и жене за один моужь посагати; аще ли кто переступить да ввергнуть и в пещь огнену. Сего ради прозваша и Сварогом и блажиша и егуптяне». И, далее: «…Дажьбог, бе мужъ силенъ; слышавшее не от кого жену некую от египтянинъ богату и всажену соущю. И некоему, всхотевшю блудити с нею, искаше ея яти ю хотя. И, не хотя отца своего закона расыпати, Сварожа, поемъ со собою моужь неколко своихъ, разумевъ годину, егда прелюбы деть, нощью припаде на дню, не оудоси мужа с нею, а ону обреете лежащю съ инемъ, с нимъ же хотяше. Емъ же ю и мучи и пусти ю водити по земли в корзине, а того любодеица всекну. И бысть чисто житье по всеи земли Египетьскои, и хвалиша начаша» (ПСРЛ. 2: 278-279).

Таким образом, фразу «Слова» можно понять следующим образом. Олег (Троян) является «внуком», то есть наследником Даждьбога, а тот в свою очередь сыном Сварога. В 882 году Олег установил порядок престолонаследия, который действовал вплоть до 1067-1068 гг. В период с 882 по 1067-1068 гг. власть на Руси делилась между сыновьями Киевского князя – между сыновьями Святослава, затем, сыновьями Владимира Святого, Ярослава Мудрого и т.д. Но 1067-1068 гг. Полоцкий князь Всеслав полностью попрал эту традицию. А поскольку Даждьбог, судя по вышесказанному рассказу, был поборником целомудрия, то политический захват Киева был приравнен автором «Слова» к прелюбодеянию в семейной жизни, то есть, нарушению запрета, действующего у потомков Трояна. Автор «Слова» в другом месте сожалеет, что «девою на землю Трояню» (Слово 2002: 85, 213-214) может выступать в его время не порядок, а только лишь Обида.

В этом плане показателен и тот факт, что именно солнцу – Хорсу, то есть иранскому аналогу того же Даждьбога, противопоставлен в «Слове» Всеслав Полоцкий. В «Ригведе» древних индийцев и у древних персов солнце представлялось в образе быстрого коня. Если учесть принять ко вниманию этот факт, то ещё более понятным становится выражение «Слова о полку Игореве», где Всеслав, обернувшись волком, пересекает путь солнцу (то есть, солнечному коню) и пребывает ещё ночью, то есть, опережает солнце. Захватом власти в Киеве Всеслав Полоцкий в 1067 году символически завершает период веков Трояна – «Дажьбожа внука», то есть, внука того же Хорса, которому Всеслав «перыскаше путь», начав тем самым пору усобиц.

Очень важной является ответ на следующий вопрос: почему эпитет Троян кодирует собой в «Слове» имя Вещего Олега, и почему имя этого князя заменяется эпитетом Троян в одном из пассажей о времени Олега Гориславича? Не потому ли, что его так же, как и его вещего тёску, зовут Олегом? Резко отрицательная характеристика Олега «Гориславича» говорит о том, что вряд ли автор «Слова» считал Новгород-Северского князя Игоря его духовным потомком.

Сложность этого вопроса понятна, но она облегчается тем фактом, что именно Олег «Гориславич» впер-

вые в тексте «Слова» упомянут как «тот Олег» («той бо Олегъ» (Слово 2002: 83, 166). Как уже упоминалось, поскольку при упоминании Всеволода Васильковича есть уточнение «Не было… другаго – Всеволода» (Слово 2002: 92, 410-411), следовательно, в «Слове должен быть и второй Олег, отличный от «того» Олега (Святославича, или Гориславича). Спрашивается, где же тогда другой Олег, то есть «этот»? И он действительно есть, чуть выше, на 162 странице. В одном из отрывков «Слова» сначала говорится «сечи (или вечи) Трояни» (Слово 2002: 83, 162), затем «лета Ярославля», после чего: «были полци Олговы, Олга Святъславича, Той бо Олегъ…» (Слово 2002: 83, 164-165) и т.д. Очевидно, мы должны увидеть рядом в тексте не того, а «этого» Олега. Самым вероятным предположением является то, что «этого» Олега следует видеть именно в Трояне (Слово 2002: 83, 162). И это подтверждается эпитетом «того Ольга» в первом упоминании о Трояне в «Слове», связанном с обращением к Бояну: «О, Бояне, соловию старого времени! Абы ты сиа полкы ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу, летая умом подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы. Пети было песне Игореви, того (Ольга) внуку: «Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая – Галицы стады бежать къ Дону Великому» (Слово 2002: 79, 49-57).

Оба переписчика «Слова», переписчик для императрицы Екатерининой II Великой, так же, как и первые издатели этого памятника, поставили в скобки слово «Ольга» (Горский 2002: 79, 118). Позже Н.М. Карамзин писал, что «Ольга» – это, вероятно, глосса вставленная издателями (Полевой 1839: 20). Но большинство позднейших исследователей, так же, как и мы, потеряли возможность работать с оригиналом рукописи и убедиться в том, что «Ольга» – это глосса, или же опровергнуть это утверждение, уже не могли.

И действительно, трудно ответить на вопрос: какой смысл редакторам вписывать чуждое тексту слово в оригинал рукописи? Если в тексте слова «Ольга» не было, то почему два независимых друг от друга редактора вписали его? Сделали это они оригинально, – именно на древнерусском языке автора «Слова», а не на современном им (например, «Олега»). Далее, это слово взяли почему-то в скобки, а не написали, например, сверху, как это делали многие другие редакторы, или те же летописцы. Но мотивировка самой необходимости этого пояснения совершенно упускалась дальнейшими исследователями «Слова». Ведь оно со стороны редакторов выглядит совершенно лишним, поскольку уже присутствует в первых словах произведения: «Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святославля, внука Ольгова».

Если же убрать слово «Ольга», то получится несуразица и даже четырёхсмыслие:

1. внук – Игорь, дед – Олег Святославич;
2. внук – Игорь, дед Троян;
3. внук – Боян, дед – Велес;
4. внук – автор «Слова», дед – Боян.

А. А. Горский, считает третий вариант наиболее вероятным, поскольку ниже Боян назван «Велесовъ внуче» (Горский 2002: 118). При этом указание на «того» («того Ольга внуку») выглядит для данного произведении совершенно чуждым, поскольку везде как дотоле, так и после этого фрагмента, при указании на внучество, последнее даётся сразу в тексте, а не спустя несколько строк. Хотя слово «Ольга» присутствует в обеих копиях, оба переписчика оригинала указали его в скобках. Поэтому решаться вопрос о его наличии в оригинале должен решаться с учётом смысловой нагрузки текста, а она указывает на его присутствие а, по сути, на отождествление какого-то «Ольга» и «Трояна».

Разногласия в этом тексте вызывают фразы «рища в тропу Трояню» и «Пети было песне Игореве, того Ольга внуку». А.Г. Кузьмин уловил, что качествами провидцев и волшебников, по «Слову», обладали и, несомненно, реальные лица: Боян и Всеслав Полоцкий. Среди других персонажей русских летописей и фольклора выделяется только один персонаж. Между тем, внутренняя связь всей строфы основывается именно на этом сопоставлении. Автор пытается представить, как бы Боян, прославлявший Трояна, воспел Игоря. Выбор же именно Трояна для сопоставления объясняет другая загадочная фраза: «Игореви, того внуку».

По смыслу строфы «того внуку» относится именно к Трояну. Слово «внук» в поэме постоянно упоминается в значении «потомок». Автор «Слова», следовательно, считал Северского князя потомком Трояна – Олега. Отсюда и сожаление, что и сам Боян не может соединить немеркнущую славу походов Трояна со славой его отважного потомка (Кузьмин 2003: 200).

Сходный смысл содержит и второе упоминание Трояна: «Были вечи (или «сечи», как считал Н.М. Карамзин) Трояни, минула лета Ярославля, были полцы Олговы» (Слово 2002: 83, 162-164).

Обычно это место «Слова», исходя из того, что Троян – языческий бог, расшифровывают как: «три эпохи в жизни Руси: языческую, время расцвета её при Ярославе Мудром и период феодальных распрей, начавшихся крамолами Олега и приведших страну к раздроблению на отдельные княжества. Об этом автор пишет так: «Были века Трояна (языческого бога), минули года Ярославля, были походы Олега, Олега Святославича».

Если в данном месте имеются в виде «вечи», – то есть славянские собрания, то единственным ранним Киевским князем, при котором ещё мог какое-то время сохраняться вечевой строй в самом Киеве мог быть только Вещий Олег. Подходящим по смыслу выражением «вечам Трояна» в данном случае может служить следующее выражение договора Олега: «князья подъ Ольгом сущее» – «отъ сущихъ подъ рукою наших князь светлыхъ» (ПСРЛ. 1: 33-34). Князья сущие под рукою означают прежних, покорившихся Олегу династов. Олег являлся главой этих покорённых правителей, плативших дань, но, в сущности, во многом ещё свободных династов. При Игоре уже нет тех светлых князей, сущих под рукою Олега, покорённых, но самовластцев в своих княжествах, независимых данников князя. Игоревы послы договариваются «от всякоя княжья… и бояре его», обращение идёт «к людемъ его» (ПСРЛ. 1: 47). Нигде Вещий Олег не говорит от одного своего имени; в статьях Игорева договора речь идёт только о князе.

Если же в данном случае всё-таки имелись в виду сечи, то и они могут быть легко соотнесены с деятельностью Вещего Олега. «Сечи Трояни» – означает битвы

против кочевников, то есть, хазар, начавшиеся при Трояне – Вещем Олеге и продолженные его потомками. Причём предполагается, что Ярослав («лета Ярославля») почти на три десятилетия эти битвы приостановил своей победой над печенегами в 1036 году, но с новой силой они были возобновлены его детьми и внуками, главным образом Олегом «Гориславичем», поднявшим статус половцев до международного уровня.

Но данные интерпретации, несмотря на всю свою убедительность, не могут подтвердиться внутренними материалами «Слова», поскольку мы с точностью не можем сказать, знал ли автор о войнах Трояна и его потомков против хазар или печенегов. Ведь он даже не соизволил упомянуть о прославляемой летописями славной победе Ярослава над печенегами в 1036 году.

Поэтому, вероятно, следует принять конъектуру Ю.М. Золотова «века», выражающую в данном случае явно не «вечи» и не «сечи» (Золотов 1970: 262). В этом случае получатся «века Трояни», но не века язычества, посвящённые «языческому богу луны Трояну», а века относительно стабильного правления в Киеве Вещего Олега и его потомков. Эти «века» стабильности, как увидим далее, прервал своей неугомонной деятельностью Всеслав Полоцкий.

«Годы Ярославли» (1068-1079 гг.), то есть, относительно спокойные годы правления сыновей Ярослава Мудрого, изгнавших Всеслава из Киева. Но и это спокойствие прервал племянник Ярославичей Олег. Олег Гориславич при этом стал виновником гибели действующего Киевского князя Изяслава Святославича. Это событие, незаслуженно пониженное в статусе, было для Руси из ряда вон выходящим. Впервые за всю историю Руси по вине не братьев, а своих младших родственников, погиб человек, 23 года до того управлявший Киевским столом. Примеры с Ярополком Святославичем (умер в 978 или 980 году) или Святополком Владимировичем (умер в 1019 году) не могут быть приведены здесь в сопоставление. Данные князья, судя по сообщениям ПВЛ, сами принялись истреблять всех подряд претендентов на Киевский стол, но были убиты уже следовавшими за собою по старшинству претендентами.

Своей фразой автор «Слова» как бы даёт свою периодизацию истории Руси. Противопоставление всех трёх эпох идёт как бы в русле контрастов между ними. Он действительно, как думал и А.Г. Кузьмин, «даёт три эпохи русской истории», причём сопоставление Трояна с Ярославом и Олегом Святославичем предполагает преемственность, но не одну линию исторического развития. Поэтому-то и делались попытки обнаружить под именем Трояна известного по источникам русского князя (Логинов 1892: 107; 1911: 77-78).

Последнее, то есть, четвёртое, упоминание Трояна в «Слове» – это «седьмой век». Согласно «Слову», «На седмомъ веце Зояни Връже Всеславъ жребий О девицю себе любу…» (Слово 2002: 93, 425-429).

Предложено много объяснений фразы «на седмомъ веце», но большая часть из них не устраняет тех или иных недоразумений. Попытка понять фразу, исходя из простого расчёта «века» – сто лет, не может быть принята, так как отождествление древнего «века» со столетием произошло не ранее XVI в. (Кузьмин 2003: 201).

Д.С. Лихачёв расшифровал «седьмой век» как «последний» век язычества, указывая на мистическое значение числа «семь» в древности (Лихачёв 1950б: 23). Так же считал А. Болодур и некоторые другие авторы (Болдур 1958: 34; Головенченко 1963: 321). Однако, такое толкование не может удовлетворить. Всеслав овладел Киевом уже после «лет» Ярослава, и, следовательно, даже при интерпретации «веков Трояна», как веков язычества, «седьмой век»» непосредственно с язычеством не связан. Остроумное решение предложил Ю.М. Золотов. Он представил «седьмой век» как седьмой месяц лунного года, исходя из убеждения, что Троян – это бог луны (Золотов 1970: 262). Действительно, Всеслав захватил Киев на седьмом месяце мартовского года. Но автор «Слова» рассматривает «века» Трояна как прошлое, а седьмой «век» – как современный Всеславу, то есть последний. Тогда не совсем понятно, каким образом и Всеслав завершил эти «века», и почему его деятельность в глазах автора «Слова» имела столь большую силу.

Оригинальное решение вопроса предложил А.Г. Кузьмин. Он писал о том, что всякий поэт, желая быть понятным, должен употреблять такие образы, которые понятны и доступны его современникам. Потому автор «Слова», упоминая о Трояне, говорил о том, что многим слушателям было известно и понятно. Это соображение относится и «к седьмому веку». Поэтому следует попытаться понять, что это выражение могло буквально означать в XI-XII вв.

Отличительная черта всех народных измерений – их естественность. Подобно тому, как меры длины ориентированы на части человеческого тела (стопа, пядь, локоть и др.), так же и меры времени часто устанавливались относительно жизни самого человека, а потому счёт времени вёлся практически только поколениями. Буквальное значение слова «век» в древности – это срок жизни предмета, явления, человека. Поэтом слово «век» было наиболее употребительно для обозначения жизни одного поколения. Следовательно, буквально фраза «на седьмом веце» означает «седьмое поколение», идущее вглубь от Трояна. Числительное «седьмой» в данном случае могло привлечь внимание автора и потому, что у многих родство фиксировалось до седьмого колена. Для событий второй половины XI века на Руси, такое приурочивание могло иметь и определённый назидательный смысл: начались усобицы между «внуками» Трояна.

Таким образом, Всеслав и один из зачинателей усобиц Олег «Гориславич» отнесены в «Слове» к седьмому поколению, идущему от Трояна. Отступая к истокам родословной, получим следующий ряд:

7. Всеслав,
6. Брячислав,
5. Изяслав,
4. Владимир,
3. Святослав,
2. Игорь,
1. Троян.

Троян здесь, следовательно, мыслится в качестве предшественника – Игоря. Если действие было на седьмом «веце», то есть поколении от Трояна, то, следовательно, отец Игоря это Троян, а не Рюрик.

▲ вернуться к оглавлению

Поэт, очевидно, имел аудиторию, которой так же, как и ему были известны сообщаемые им факты. Эта аудитория из древнейших песен знала о «времени Бусове», о борьбе с готами и других подобных сюжетах. В дальнейшем периферийное положение Чернигова, относительно главных центров летописания, то есть, Киева и Великого Новгорода, предопределило, в конечном счете, и неудачу этой версии. Но исторические песни могли дожить и до XI-XII вв. (Кузьмин 2003: 202-203).

А.Г. Кузьмин, таким образом, включил Трояна в систему координат IX-X вв., и тем самым значительно сузил круг поиска летописного аналога Трояна. Но, тем не менее, в данном случае он не попытался вникнуть в суть отдельных мелких, но, тем не менее, важных деталей, что не позволило другим историкам принять его версию. Ведь выражение «на седьмом веце» было применено автором «Слова» только к Всеславу Полоцкому лично, но не к Олегу «Гориславичу», активно вступившему в борьбу за Киевский и Черниговские столы лишь с конца 1070-х гг. Противниками Всеслава были братья Ярославичи. Здесь то и получается основная нестыковка, поскольку Ярославичи были потомками отца Игоря Старого не в седьмом, а ещё в шестом поколении (Ярославичи – Ярослав – Владимир – Святослав – Игорь). Следуя такой логике, Игорь Старый должен был бы быть уже не сыном, а внуком Трояна.

Если же мы оставим без объяснения вопрос, почему автор «Слова» обособил фразу «седьмой век», применив её именно к Всеславу, то тогда придётся признать, что Всеслав и его потомки Всеславичи, в отличие от Ярославичей, каким-то образом обособили свой род. Троян, исходя из этой логики, уже никоим образом не должен был быть связан с Ярославичами (поскольку опережал на поколение их родоначальника – Игоря Старого). Всеслав, следовательно, должен был бы мыслиться князем, имеющим иное генеалогическое древо, отличное от древа Ярославичей. И, следовательно, Троян должен быть отнесён к одному из предков не Игоря Старого, а Рогволода Полоцкого. Всему перечисленному есть масса противоречий:

«Земля Трояня» собирательный эпитет всей Руси, включающей как Киевскую землю, (часть «Русской земли» «Слова») так и Полоцкую («достояние Всеславля» «Слова»), и, вероятно, даже, и, Новгородскую. Призыв автора «Слова» имеет широкий смысл: речь идёт о наведении русскими князьями «поганых» «на землю Русскую на жизнь Всеславлю», то есть, половцев – на Русь и Литвы – на Полоцкое княжество (Горский 2002: 34).

Главное противоречие кроется в том, что Рогволод всего лишь на всего – локальный местный Полоцкий князь, а Троян, исходя из своего значения в «Слове» – предок всех Русских князей «Рюриковичей», включая Игоря Северского. Думается, что «века» в средневековой традиции могли отсчитываться только по мужской линии и никоем образом через Рогнеду.

Таким образом, ответ может быть найден только при сопоставлении биографий Всеслава Полоцкого и гипотетического прототипа Трояна. Если мы бегло пройдёмся по летописи, то найдём такой персонаж. Известно, что в 1067 году Всеслав Полоцкий захватил Новгород, чем вызвал недовольство Ярославичей, собравших войско и разгромивших Всеслава на Немиге. Всеслав бежал, но, доверившись обещаниям, переправился через Днепр у Смоленска, где был с двумя сыновьями коварно захвачен Изяславом. Дальнейшие события кратко изложены в «Слове»: «…тъ клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружием злата стола киевскаго» (Слово 2002: 93, 428-430).

Видимо, автор «Слова» заметил, что судьба этих двух князей была сопоставимой. Они оба использовали «клюки», то есть, хитрости, при захвате Киева. И Всеслав от Бояна («Не хитрыму…») получил такую же расплату («волоком убежаше…»), так и Олег Вещий, который был укушен змеёй.

Когда Всеслав находился в Киеве в темнице – «порубе», куда он был заключён с июля 1067 года, будучи вероломно, во время переговоров, захвачен Ярославичами, Ярославичи потерпели поражение от половцев и прибежали в Киев. Киевляне стали требовать у своего князя Изяслава Ярославича оружия и коней для продолжения борьбы с половцами. Изяслав отказал им, и тогда восставшие горожане освободили Всеслава и провозгласили его киевским князем.

Сомнение в наличии у Всеслава реальной возможности влиять на события, будучи в заключении (Творогов 1995: 44), по мнению А.А. Горского, вряд ли основательно. Известно, что восставшие освободили их и вместе с ними сначала приходили на двор Изяслава, а затем отправились к порубу Всеслава. Приближенные Изяслава обращали внимание князя на угрозу освобождения Всеслава, сначала призывая его «блюсти», а потом и предлагая убить (Горский 2002: 157).

Очевидно, что у Полоцкого князя были в Киеве сторонники (Алексеев 1966: 144-147), и ему удавалось, находясь в заточении, плести интриги («клюки»), которые сработали в тот момент, когда киевлянам понадобились боевые кони из княжеских табунов и оружие. После вокняжения Всеслав, получив в свои руки собственность Изяслава, мог удовлетворить требование киевлян. Если именно обещание коней и оружия и стало условием для его освобождения и провозглашения князем, то окажется, что автор «Слова» был в делах более чем вековой давности более сведущим, чем даже летописцы.

По летописи и «Слову о полку Игореве» можно проследить весь гипотетический путь Всеслава из Полоцка на «Киевский стол»:

1. Полоцк –
2. Новгород –
3. Немига (приток Днепра) –
4. Смоленск –
5. Киев.

Вещий Олег, согласно ПВЛ, также каким-то образом и неизвестно откуда оказался в Великом Новгороде, по крайней мере, через поколение после «варяжских» братьев. В Великом Новгороде вероятно, как считал А.Г. Кузьмин (Кузьмин 2003: 334), Олег выдавал своего малолетнего сына за потомка местного князя Рюрика. Затем из Великого Новгорода в сопровождении варягов он двинулся через Смоленск и Любеч в Киев, где также хитростью в 882 году захватил власть. Маршрут Олега, согласно ПВЛ, удивительно напоминает путь в Киев Всеслава Полоцкого:

вернуться к оглавлению ▲

1. Пункт X –
2. Новгород –
3. Смоленск –
4. Любеч (город на Днепре) –
5. Киев.

И сходство это ещё больше усилится, если мы примем во внимание то обстоятельство, что войну с полочанами вели непосредственные предшественники Олега в Киеве – Аскольд и Дир. В «Никоновской летописи» под 865 годом сказано, что «воеваша Асколдъ и Диръ Полочань и много зла сътвориша» (ПСРЛ. 9: 9). Этой одной из обычных регистрирующих заметок придан оттенок осуждения. Между тем, убийство Олегом этой, якобы варяжской, пары с сомнительными династическими правами на Киев, не наводит летописца ни на какие размышления нравственного характера (Цветков 2003: 467). А ведь Олег совершил тяжкий грех, нарушив слово, потому и были на месте погребения князей возведены церкви. В ПВЛ под 882 годом сказано: «поиде Олег, поим воя многи… и придоста к горам х киевьским, и уведа Олег, яко Осколд и Дир княжита, и похорони вои в лодьях, а другия назади остави, а сам приде, нося Игоря детьска. И приплу под Угорьское, похоронив вои своя, и приеха ко Асколду и Дирови, глаголя, яко: «Гость есмь, и идем в Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придета к нам с родом своим». Асколд же и Дир придоста, и выскакаша вси прочии из лодья, и рече Олег Асколду и Дирови: «Вы неста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа», и вынесоша Игоря: «А се есть сын Рюриков». И убиша Асколда и Дира, и несоша на гору, и погребоша й на горе, еже ся ныне зоветь Угорьское, где ныне Олъмин двор» (ПСРЛ. 1: 23). От осуждения Олега не удержался даже Н.М. Карамзин, не объяснив, правда, отсутствие оного у самого летописца. В рассказе о походе Олега говорится: «Поиде Олег… и приде к Смоленьску с кривичи и прия град, и посади мужь свои» (ПСРЛ. 1: 23). По мнению С.А. Гедеонова, под кривичами здесь разумеется именно полоцкая их ветвь. И не потому ли Полоцк присутствует в одном из договоров Олега в 907 году (ПСРЛ. 1: 31), но отсутствует далее во всех источниках вплоть до 978 или 980 года, включая Константина Багрянородного, упомянувшего лишь о Смоленске? Замечание летописца «и приде къ Смоленьску съ кривичи» указывает на его добровольную сдачу Олегу в 882 году (Гедеонов 2005: 135). И замечательно, что она произошла там же, где позднее и, что удивительно, так же добровольно сдался, но уже Изяславу Ярославичу, впоследствии обманутый им, Всеслав Полоцкий: «на Рши оу Смолиньска» (ПСРЛ. 1: 167).

Следует особо подчеркнуть, что Изяслав Ярославич, захватив Всеслава, «преступившее кръстъ», то есть, попутно нарушил крестоцеловальное обещание, данное Всеславу перед Богом. То есть, совершил грех не менее тяжкий, нежели его легендарный Вещий предок. Тем не менее, автор «Слова о полку Игореве» даже этого не упомянул, но успешную попытку Всеслава освободиться из плена он возвёл в ранг «клюк», то есть, хитростей и коварства, очевидно, из-за последующего захвата Всеславом Киева (Горский 2002: 157).

Есть сходство в этих сюжетах и в завершающей части. За свою активность Всеслав получает упрёк со стороны Бояна: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду – Суда Божиа не минути!» (Слово 2002: 94, 457-458).

Это заключается в том, что Всеслав «скочи от нихъ (киевлян) лютымъ зверем въ полночи изъ Белаграда» (Слово 2002: 93, 431-432), то есть, лишается своего Киевского стола. Сходную ситуацию мы увидим и в отношении смерти Вещего Олега от коня, лишившегося не только стола, но и жизни возомнив себя выше Бога. Но в этом рассказе претензии Олега на Киев даже не затрагиваются, а в отношении Всеслава осуждаются и помышления о них! В этом и заключается глубочайший смысл фразы «веци Трояни», поскольку Всеслав нарушал тем самым безусловную волю своего Вещего предка.

Параллели в судьбе Трояна-Олега, мыслившегося родоначальником русских князей, и Всеслава Полоцкого, и сделали последнего одним из главных героев «Слова о полку Игореве». Впоследствии в русском народном сознании положительные и отрицательные черты обоих князей слились в образе Вольги (Волха) Всеславьевича. По мнению О. Миллера, Вольга Святославгович (Буславлевич – не потомок ли Буса «Слова»?) и Волхв Всеславьевич – одно и то же лицо. «Волх же есть только переделка Вольги», – замечает исследователь, рассматривая одного героя-кудесника Вольгу-Волха (Былины 1991: 122). Исследователи часто приводят в нём исторические параллели, согласно которым Волх – это киевский князь Олег, тоже считавшийся «вещим». При этом былинный образ Волха Всеславьевича они видят не менее древним, чем образ Святогора. Об этом свидетельствует имя героя, он волхв, умеющий «вражбу чинить» (ворожить). На эту связь былинного Волха с летописным Олегом Вещим и Всеславом Полоцким, помимо О. Миллера указывали и многие другие исследователи (М.Н. Сперанский, С.П. Шевырёв, Ф.И. Буслаев, В.Ф. Миллер, в наше время – В.М. Селиванов, Д.С. Лихачёв, Б.А. Рыбаков и мн. др.) (Сперанский 1919: 3; Селиванов 1969: 40; Балашов 1975: 53; Былины 1991: 69-70).

Исследователи былин обходили вопрос, почему же, когда былинный Вольга идёт к крестьянину Микуле, у него три города. Три города, очевидно, позднее заменённые – Киев, Переяславль и Чернигов, которые играли главенствующую роль в истории Руси, фигурировали в двух из трёх договоров Олега и Игоря, присутствовали и в третьем наряду ещё с тремя. При этом и сыновья Ярослава также располагаются в трёх городах, и это всё те же Киев, Переяславль и Чернигов. По былине Вольга вовлекает в борьбу крестьянина Микулу, олицетворяющего весь русский народ, а Вещий Олег, согласно ПВЛ, привлекает на свою сторону тиверцев и уличей, покорённых лишь спустя десятилетия Свенельдом, вятичей – покорённых Святославом, дулебов и бужан, покоренных Владимиром и т. д. Почему во время похода Вольги с ним всегда присутствует «30 богатырей без единого»? Не потому ли, что богатыри символизирует 29 лет правления Вещего Олега в Киеве в 882-912 гг.?

И.Ю. Юдин считал, что нет никаких сомнений в том, что былина упоминает города восточных славян, обязанные данью Киевским князьям. А захват Киева и подчинение затем ему Переяславля и Чернигова произошло, согласно летописи, во время правления Вещего Олега. Следовательно, в этом слое былины довольно

точно запечатлена эпоха второй половины IX-X вв. (Фроянов, Юдин 1997: 35). И Вольга изображён в ней как типичный представитель этой деятельности (Фроянов, Юдин 1997: 37). О том, что события былины происходили до эпохи Владимира, говорит тот факт, что Владимир сначала вводится в былину и одаривает тремя городами Вольгу, но позже, когда Вольга в конце былины предлагает их уже Микуле, выяснятся, что Вольга и есть полновластный их правитель.

Но факт присутствия в образе Вольги-Волха в качестве прототипа не только Вещего Олега, но и Всеслава Полоцкого, бесспорен. В былине о походе Вольги герой рождён киевской княжной от Змея. Он Змеевич, и отсюда – его чудесные способности: звериное оборотничество, которое используется им во время охоты, и колдовство (превращает в муравьёв свою дружину) (Фроянов, Юдин 1997: 82-83). Точно такой же образ волшебника, кудесника, волхва и оборотня вырисовывается из летописей и из «Слова о полку Игореве» в отношении Полоцкого князя Всеслава Брячиславича. Оборотничество князя выявляется в его связях с волком трижды в «Слове», где он сперва назван «лютым зверем» (Слово 2002: 93, 431), затем «скочи волком до Немиги» (Слово 2002: 93, 437), после чего «Хръсови волком путь перерыскаше» (Слово 2002: 94, 450). Интересна в этом плане фраза в его отношении «веща душа в друзе теле» (Слово 2002: 94, 454). Здесь духовная сторона язычества (а термин «вещий» только в этом отношении применён в ПВЛ к Олегу) – «веща душа» противопоставлена физической – «друзе теле». Исследователи, не принимающие конъектуру «друзе» на «дрезе» (то есть «храбром»; предложена Вс. Миллером: Миллер Вс. Указ. соч. С. 234-235) полагают, что выражение «другое тело» указывает на оборотнические способности Всеслава (Горский 2002: 161; Якобсон 1958: 109-110). Связь со змеем прослеживается из рассказа ПВЛ под 1044 годом: «В тот же год умер Брячислав…, и Всеслав, сын его, сел на столе его. Мать же родила его от волхования. Когда мать родила его, на голове его оказалась сорочка, и сказали волхвы матери его: «Эту сорочку навяжи на него, пусть носит её до смерти» (ПСРЛ. 1: 155).

Из этого рассказа видно, что язвина на голове князя-волхва обозначает как бы покровительство Змея, ведь змея язвину и символизирует. Поэтому все сверхъестественные черты в образе Вольги-Волхва следует соотносить только с Всеславом Полоцким. Вещий Олег же, в отличие от Всеслава, возглавившего жречество своего края, пошёл на стык с волхвами. В известной истории с пророчеством волхвов Вещему Олегу, волхвы в ответ на их притеснения со стороны первого Киевского и русского князя обращаются к неумолимым силам подземного мира: «Смерть твоя от любимого коня!», и змея убивает прославленного и непобедимого воина. Речь здесь идёт об отношении сословия, лишённого своего прежнего социального статуса. И в ПВЛ, кроме названия Вещий никакого отношения к обрядовому язычеству со стороны Олега мы не видим. Олег обладает способностями, которые присущи любому человеку – инициативой, интуицией, находчивостью и удачливостью. Ведь «вещими» на Руси звали реальных мирских людей Олега в ПВЛ и Бояна (если только аллегория «Вещий» в отношении Бояна, использовавшего более древнюю присказку к Всеславу, не является искажением одного из переписчиков, и не относится к тому же Вещему Олегу, к которому Боян обращается мысленно в «Слове». Ведь ранее эпитет «вещий» уже относился к Бояну, но только во фразе об его «вещих струнах»), но ни разу ни одного из волхвов, многократно поднимавших восстания, ни самого Всеслава Полоцкого напрямую. В этом заключается одна из главных причин противопоставления автором «Слова» Олега-Трояна и Всеслава и ответ на вопрос, почему именно действия Полоцкого князя в отношении Киева - города, основанного Олегом, прервали 175-летнююю эпоху, начатую Вещим Трояном. Поэтому следует напрочь отказаться от мнения, что «в поэме к Всеславу Полоцкому, личности очень противоречивой, автор относится однозначно: с восхищением» (Сумаруков 1997: 21).

Поскольку в «Слове» идёт разделение княжеской династии на «внуков Ярославля» и «внуков Всеславля», основательным кажется поиск имени, с помощью которого выражалось единство древнерусского княжеского рода. Логичнее было бы видеть под этим именем Святого Владимира, от которого и пошло разделение Полоцкой и Киевской княжеских ветвей. Однако, в «Слове» «старый» или «давний» Владимир упоминается дважды, и, как видно из текста, внуками его ни герои «Слова», ни другие князья, ни разу не именуется.

В этом плане, показателен пример «Задонщины», созданной, скорее всего, в 80-е гг. XIV века, около половины содержания которой восходит к «Слову о полку Игореве» (Горский 2002: 42). В «Задонщине» дважды подчёркивается, что её главные герои – Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич – это «внуки святаго великаго Владимера Киевскаго», поминавшие «прадеда своего великого Владимера Киевского». Если автор «Задонщины» искал гипотетического предка русских князей в период отдаленный от Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича на пять веков, хотя уже их отцы Иван и Андрей были братьями, почему и автор «Слова» не нашёл в ранней истории Руси подобного персонажа? Или нашёл, но мы его выявить пока не смогли?

В этом плане, интересен сюжет, который не нашёл пока вразумительного объяснения, когда согласно «Слову»: «Два Солнца (имеются в виду Игорь и Всеволод) померкоста, Оба багряная стлъпа погасоста И сь нимъ молодая месяца, Олег и Святославъ, Тмою ся поволокоста» (Слово 2002: 88, 289-292).

А.А. Горский отмечает, что, эта часть «Слова» вызывала недоумение у исследователей. Фрагмент являет собой символическую картину: светила – русские князья – гаснут. В походе участвовало четыре князя, которых обычно ассоциируют с «четырьмя солнцами» в сцене битвы (Робинсон 1978: 48). Загадкой для всех являются «молодые месяца Олег и Святославъ». Ведь выражение о «четырёх солнцах» в начале «Слове о полку Игореве» звучит без них:

«Чёрныя туча съ моря идуть,
Хотять прикрыти 4 солнца» (Слово 2002: 82, 129-130).

Поэтому здесь вероятно и иное толкование. Половцы закрывают «четыре солнца» потому, что окружают «храбрых Святославичей» со всех четырёх сторон. Вы-

вернуться к оглавлению ▲

ражение «туча съ моря идуть» современными исследователями читается, как с «половецкой стороны». Но Игорь со своей дружиной находится в центре половецкой земли, и половцы окружали их, таким же образом, как и в период, когда собирали войска, то есть по выражению в самом начале произведения: «половцы идуть отъ Дона, и оть моря И оть всъхь странъ Рускыя плъкы отступиша» (Слово 2002: 82, 144-145).

Следовательно, четыре солнца в данном случае – это четыре стороны и никакого отношения к личностям князей в данном случае они не имеют. Поэтому выражение «Два Солнца померкоста, Оба багряная стлъпа погасоста», возможно, означает, что русские были окружены, но основной удар был лишь с двух сторон, то есть с «двух Солнц», но при этом попытка разделения сил и прорыва в две другие стороны не удалась, и поэтому «оба багряная стольпа погасоста». Не помогли и молодые «месяцы», очевидно, покровители русского воинства: живой к моменту похода – Святослав Киевский и уже давно умерший – Вещий Олег.

Если же признать под всеми шестью светилами русских князей, то возникнет, во-первых, вопрос, как и почему два из «4 Солнц» превратились в «огненные столпы» и почему здесь выступают уже сразу шесть Светил, причём «месяцы» именуются именно Олегом и Святославом? У Игоря действительно были сыновья Олег и Святослав, но в 1185 году им было соответственно 11 и 9 лет и вряд ли они принимали участие в походе.

Исследователи выдвинули ряд предположений:

1) что речь первоначально шла о Владимире (Игоревиче) и Святославе (Ольговиче, племяннике Игоря),

2) что «Олег и Святослав» – позднейшая вставка,

3) что имеются в виду дед и отец Игоря и Всеволода – Олег Святославич и Святослав Ольгович,

4) это дед Олег и прадед Святослав Ярославич (ЭСПИ 1995: 277),

5) что речь идёт о сыновьях Игоря не как об участниках похода, а в иносказательном смысле: поражение и плен Игоря означают «символическую гибель» и его младших сыновей (Гаспаров 1984: 48-50).

Последнее предположение вероятно, но и в этом случае остаётся неясным, почему упомянуты эти сыновья и не названы два других – Роман и Ростислав, тем более, что Роман был старше Святослава (Горский 2002: 138-139). По его мнению это видно из рассказа Галицко-Волынской летописи о деятельности Игоревичей в Галицкой земле в начале XIII в. (ПЛДР 1981: 238, 240, 242, 244, 246).

В этой фразе, как думается, заключён глубокий смысл «Слова», поскольку по именам идёт почти буквальный повтор его заглавия. Если даже правы те исследователи, которые видели в светилах князей-участников похода, и взятие в плен двух главных из них – Всеволода и Игоря, – это и есть угасание двух Солнц, то следует признать, что каждый из этих же князей и символизировал по одному багряному столпу. Два других солнца куда-то исчезают. Куда? Очевидно, они переходят в разряд молодых «месяцев», поскольку наступает ночь, то есть поражение. Это событие угрожает будущему Руси, которое ковали многие поколения, начиная от Трояна-Олега Вещего и заканчивая Святославом Киевским, которые, вероятно, и имеются в виду под «молодыми месяцами» Олегом и Святославом. При таком подходе следует признать, что четыре солнца в походе – это: первые два – это два его участника, а два другие - патроны или покровители русского воинства.

Это доказывается следующим фрагментом «Слова»: «Рекъ Боянъ и Ходы на, Святославля песнотворца старого времени Ярославля, Ольгова, когана хоти: «Тяжко ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы»; Руской земли – безъ Игоря» (Слово 2002: 98, 565-570).

Большинство исследователей в фразе «Ходына» видит здесь (вслед за И.Е. Забелиным) имя второго певца; в пользу этого говорит двойственное число в слове «песнотворца». «Святослав» вроде бы Святослав Ярославич (умер в 1076 году), сын Ярослава Мудрого, отец Олега «Гориславича». «Ярослав» – Ярослав Мудрый. Но в таком объяснении кроется масса противоречий. Если Боян и Ходына – песнотворцы Святослава Ярославича, умершего в 1076 году, то, спрашивается почему в «Слове» не видно ни одного эпизода, который бы описывал Ходына и котором действовали бы князья Ярослав, Святослав Ярославич и его отец.

Таким образом, в данном месте явно имеется в виду Святослав Киевский (умер в 1194 году). Очевидно, обращение ведётся Бояном – ведущим песнотворцем XI века, мысленно перенёсшимся в прошлое вместе с Ходыной. Только вот в какое время жил Ходына непонятно. Вероятно, он жил в XII веке и, возможно, был песнотворцем Святослава Киевского, но также возможно, что он жил намного раньше даже самого Бояна. Интересно, что своё обращение Боян и Ходына (если боян – это не аллегорическое обозначение песнотворца Ходыны или Иходыны, сложившееся ко времени автора «Слова») ведут не к кому иному, как к Ярославу Всеволодовичу Черниговскому, который так же, как и Игорь Святославич, уклонился от участия в походах 1184 и 1185 гг. Очевидно, в этом случае не обойтись без конъектуры: вместо «Ярославля Ольгова», необходимо читать: «Ярославу Ольгову», то есть, Ярославу Ольговичу. Ярослав, так же, как и Игорь, назван «Ольговичем». Очевидно, он был «хоти», то есть, вероятно, не женой, а любимцем «когана» (если имя Ходына или Иходына не женское), под которым имеется в виду Святослав Киевский. Это подтверждается хотя бы тем, что, несмотря на постоянные уклонения от походов, Святослав каждый раз в итоге его прощал. Как заметил А.А. Горский, если бы под коганом имелся в виду Олег, то следовало бы ожидать «Ольга коганя хоти» (если исходная форма «Олег») или «Ольговой, Когана хоти» (если исходная форма – «Ольгова», то есть жена Олега) (Горский 2002: 165). В этом случае под «коганом» трудно подразумевать Олега. Имеет основания предположение, что Игорь мыслился как одно из «плеч» Русской земли, а под «головой» подразумевается Святослав Киевский (Рыбаков 1971: 275). В этом случае слова «Русской земли безъ Игоря» комментируют первую часть изречения Бояна – «тяжко ти головы кроме плечю», то есть главе Русской земли без одного из младших князей (имея в виду как неучастие Игоря в походах южнорусских князей под предводительством Святослава 1184 и начала 1185гг., так и его пленение) (Горский 2002: 167). Под вто-

рым плечом имелся в виду любимец Святослава – Ярослав Всеволодович Черниговский. Выражение подобного соотношения князей является в «Слове» вполне логичным, если учесть то, что оно является перед самим финалом поэмы. Черниговский и Новгород-Северский князь действительно были главной защитой Киева с Юго-Востока.

Для нас же наиболее важным здесь является то обстоятельство, что Ярослав в данном месте назван не по отчеству, которое он имел другое. Может тогда упоминание Олега рядом с ним указание на Олега Гориславича? Думается, что нет. Использование «Ольгова» без уточнения «внука» говорит о том, что в данном случае Ярослав мыслился не столько потомком своего деда Олега Гориславича, сколько потомком другого Олега, очевидно Вещего, поскольку иных Олегов среди его потомков не было.

Поэтому можно выразить сомнение и по поводу того, что выражения «Ольгово гнездо» («Дремлет в поле Олгово хороброе гнездо» (Слово 2002: 81, 120), «Олговичи, храбрыи князи, доспели на брань…» (Слово 2002: 91, 387), применённое в «Слове» в отношении русских князей участвовавших в походе, обязательно должно относиться только к Черниговским «Ольговичам». Этому есть любопытное сопоставление в ряде списков «Сказания о Мамаевом побоище» (Основная редакция, её Забелинский и Ермолаевский списки, Распространённая редакция, редакции Синопсиса 1680 года и 1681 года Пантелеймона Кохановского) Дмитрий Иванович, обращаясь к русским князьям с призывом на борьбу с Мамаем, напоминал им, что все они «гнездо есмя князя Владимера Святославича Киевского» (Повести 1998: 65, 183, 190).

Спрашивается, почему в данном случае упомянут именно Владимир, а допустим не сам Рюрик, Игорь Рюрикович, Святослав, или, скажем, Ярослав Мудрый, за пределами потомства которого не было ни одного участника того похода? Или, например, Владимира Мономаха, если учесть что Полоцкая линия Всеслава Полоцкого к концу XIV века прервалась, а Олег Рязанский в походе не участвовал? Очевидно, что выражение «Ольгово гнездо», так же, как и «гнездо Владимира» в «Сказании о Мамаевом побоище», использовано в символическом смысле. Владимир для русских людей в конце XIV века – «былинный» князь, символ единства Руси. Мог ли таким символом княжеского и народного единства конца XII века быть Олег «Гориславич»? Думается, нет. Любимцем народных сказаний того времени был Вещий Олег.

В летописях указание внучества без указания отчества, да ещё и в отношении сразу нескольких людей – это нонсенс. Интересно, в этом плане, что в «Лаврентьевской летописи» при рассказе о походе 1185 года в отношении тех же Игоря и Буй-Тур Всеволода также упоминается выражение «внуки Ольговы». Почему? Этот факт становится понятным, если учесть, что ещё академик Б.А. Рыбаков из Киевской летописи выделял тексты, которые называл «Киевской летописью Святослава Всеволодовича» (Сумаруков 1997: 131). В эту летопись он включил записи с 1179 по 1186 годов, то есть времени наиболее активной деятельности князя и за 1194 год, то есть за год до его смерти. Автор летописи Святослава, очевидно, жил в той же среде, что и автор «Слова», а потому и использовал схожее с понятиями «Слова» выражение, ясное для окружения Киевского князя. Ведь переводчик «Слова» В.В. Медведев предпринял попытку обнародовать авторство самого великого князя Киевского Святослава Всеволодовича. Г.В. Сумаруков связывал возможность написания поэмы с именем жены Святослава Всеволодовича. Это княгиня Мария Васильковна, родом из Полоцкой земли; если она была автором поэмы, то она непомерно восхваляла своего мужа, сделав его идеальным героем поэмы. К сожалению, авторство самого Святослава, так же, как и его жены, держится на отрывочных данных и весьма шатких основаниях. Здесь можно лишь ограничиться констатацией, что мнение, согласно которому автор «Слова» относился к числу лиц из ближайшего окружения Святослава Киевского, представляется наиболее вероятным. А.А. Горский (Горский 2002: 40) констатирует, что «в общей форме предположение о принадлежности автора к окружению Святослава высказывались П.В. Владимировым, В.В. Каллашем, А.И. Соболевским, А.И. Лященко, В.А. Келтуялой, С.А. Адриановым, А.А. Назаревским». Так же считают А.В. Соловьёв (Соловьёв 1948: 71-93) и В.И. Стеллицкий (Стеллицкий 1981: 23-24).

Не вызывает сомнений, что автор «Слова» из князей его современников в наибольшей степени симпатизирует Святославу Всеволодовичу. Святослав Всеволодович был великим князем Киевским. Ему автор поэмы посвятил, пожалуй, наиболее вдохновенные строки. Именно образ Святослава оказывается в центре его внимания после описания поражения Игоря; именно Святослав является радетелем за объединение русских князей для отпора половцам, то есть носителем главной идеи автора поэмы. По своему происхождению Святослав Всеволодович принадлежал к двум самым могущественным княжеским ветвям: по мужской линии – к Ольговичам, по женской – к Мономашичам. Прадедом Святослава по материнской линии был великий князь Киевский Владимир Мономах (Сумароков 1997: 14-15). На протяжении всего XII века не было другого князя, кто правил бы в Киеве дольше Святослава. Центральное место в поэме занимает тема Святослава. Некоторые исследователи, например, академик Б.А. Рыбаков (Рыбаков 1972: 131-139), склонны считать, что поэма посвящена в первую очередь Святославу, и её главный герой – Святослав, а не Игорь.

Поэтому мы вправе поставить вопрос о том, почему, если поэма была посвящена в большей степени Святославу, чем даже Игорю, имя первого даже не отразилось в названии или заголовке этого произведения? Этот вопрос смыкается и объясняется ответом на другой, не менее важный вопрос: почему автор «Слова» применил образное выражение «отец» по отношению Святослава Киевского к Игорю, хотя тот был его двоюродным братом, то есть, в любом случае близким родственником?

Быть может, здесь отразилась древнерусская традиция, касающаяся в разной степени всех князей-Рюриковичей, именовать друг друга братьями, поскольку все они, в той или иной степени, являлись родственниками, причём в основном именно братьями. В то же

вернуться к оглавлению ▲

время действующий стольный князь, являвшийся главой рода, мог образно именоваться своими младшими двоюродными и троюродными братьями, а также племянниками, отцом. Несмотря на явный светский характер памятника, не стоит полностью сбрасывать со счетов и возможность влияния на «Слово» церковной, а именно, библейской, новозаветной традиции образного именования мирянами отцом или батюшкой священнослужителя, а священнослужителем в ответ своих прихожан – сыновьями или детьми. В то же время священнослужители именуют друг друга как раз таки братьями.

Интересно сопоставления окончания «Слова» и обращений Святослава к князьям Руси. В финале поэмы поётся: «Слава Игорю Святъславличь, Буй Туру Всеволоде, Владимиру Игоревич!» (Слово 2002: 99, 579-581).

Здесь мог бы привлечь такой момент, что по отчеству назван лишь Игорь, но не его брат, если бы мы его не объяснили в самом начале, что Всеволод зовётся Святославичем только для выделения из огромной череды Всеволодов того времени. Но здесь, опять же, есть сопоставление с тем, с помощью какой именно фразы приведено обращение к русским князьям, по крайней мере, к Рюрику и Давыду; Ярославу Осмомыслу; Роману и Мстиславу, которые оканчиваются призывом к отмщению: «…За землю Русскую, За раны Игоревы, Буего Святославлича» (Слово 2002: 90, 356-358; 91, 370-372; 92, 395-397). В обращении к Смоленским князьям Рюрику и Давыду добавлено «за обиду сего времени, за не землю Рускую» (Слово 2002: 90, 355-356). То есть, Смоленская земля причисляется здесь к земле Русской, но поскольку в отличие от княжеств Южной Руси половцы ей не угрожали, этот призыв уточняется тем, что не собственная земля должна защищаться ими, но уважаться общерусское династическое единство, которое и возводится в ранг «обид сего времени».

Здесь уже нет ни Всеволода, ни Владимира Игоревича. И подчёркнуто именно то, что он – «Святославич», хотя образа его отца «Святослава» в «Слове» мы опять же почему-то не находим. Это невозможно объяснить, если не сделать следующего предположения или допущения. В своё время Г.В. Сумаруков заметил, что «призывы к единству в поэме обращены к десяти разным князьям Мономашичам и лишь к одному князю из ветви Галицких князей – Ярославу Осмомыслу», и «полное отсутствие обращений к князьям Ольговичам» (Сумаруков 1997: 10-11). Объяснял он это тем, что автор, якобы, понимал, что сплочение Ольговичей должно произойти без особого приглашения. По той же причине полностью отсутствует обращение к Полоцким князьям. Но на самом деле это само по себе мало что объясняет, а в ещё большей степени лишь запутывает. Всё становится понятным лишь при обращении к дальнейшему тексту «Слова», в котором описывается борьба Полоцких князей против литовцев, а Ольговичей против половцев. По этой причине и не нужно было собирать их против «поганых», поскольку они сами осознавали опасность, грозящую с их стороны, в отличие от перечисленных князей, находящихся в относительной безопасности. И далее, действительно, рассказывается о борьбе Изяслава, Брячислава и Всеволода – Полоцких князей против литовцев. Затем уже идёт загадочное обращение: «Ярославле и вси внуце Всеславли!» (Слово 2002: 93, 416).

А.А. Горский принимает конъектуру Д.С. Лихачёва (Лихачёв 1950б: 15-17) – «Ярославли и вси внуце Всеславли» (то есть, все потомки Ярослава Мудрого и Всеслава Брячиславича Полоцкого), которая, по его мнению, остаётся наиболее вероятным прочтением, разъясняющим смысл отрывка. Под это определение подходили все русские князья, так как к потомству Ярослава не относилась только их Полоцкая ветвь – Всеславичи (они происходили от брата Ярослава Изяслава Владимировича, чьим внуком был Всеслав) (Горский 2002: 64-65, 155).

Предположение, что речь идёт о Ярославе Всеволодовиче Черниговском и о Полоцких князьях – потомках Всеслава Брячиславича и подразумеваются военные действия у Друцка в 1181 году (Стеллицкий 1981: 271) не может быть принято. В этой войне участвовали и Игорь, и Святослав Киевский, и Давыд Смоленский; поэтому упоминание рядом со всеми Полоцкими князьями одного Ярослава неоправданно. Нет оснований видеть здесь Новгородского князя Ярослава Владимировича или Пинского Ярослава Юрьевича (Творогов 1995а: 293).

Но, здесь исследователи забывают упомянуть потомков ещё одного князя, который не относился ни к Ольговичам и ни к Всеславичам. История родоначальников последних – Олега и Всеслава – даётся подробно далее. Призыв к Мономашичам и к Галицкому князю, уже звучал ранее. Остаются потомки младшего брата Олега «Гориславича» – Ярослава (умер в 1127 году), основателя династии князей Муромских и Рязанских.

Таким образом, Г.В. Сумаруков ошибается, считая, что в «Слове имеется призыв только к представителям Мономашичей и Галицкой ветви Рюриковичей. На самом деле здесь поочерёдно звучит призыв (по большей части, с персональным упоминанием) ко всем князьям Рюриковичам, включая потомков Всеслава Полоцкого (Изяславу, Брячиславу, Всеволоду) и к неназванным потомкам Ярослава Святославича Муромо-Рязанского.

Призвать о помощи ко всем князьям Руси, но исключая Ольговичей, мог дать только глава этого династического дома – Святослав Киевский, к которому обращается автор «Слова» несколько ранее: «Тии бо храбрая Святьславличя, Игорь и Всеволодъ, Уже лжу убуди, Которую то бяше успилъ отець ихъ, Святославь грозддный выликый киевский, Грозою бяшеть притрепеталъ» (Слово 2002: 86, 244-249).

А.А. Горский в комментариях к «Слову» пишет, что Святослав Всеволодович (умер в 1194 году), князь Киевский с 1176 года (с перерывом в 1180–1181 гг.), старший двоюродный брат Игоря и Всеволода. «Отцом» их Святослав именуется всего лишь в феодально-иерархическом смысле, как сюзерен (Горский 2002: 106, 142). Исследователи почему-то даже никогда не задавали вопроса: зовутся ли Игорь и Всеволод по отчеству Святославичами по настоящему отцу, или по символическому отцу, то есть по «Киевскому», переживающему за их судьбу?

Это доказывается тем, что имеется перекличка с зачином златых слов Святослава, «со слезами смешанных» и посвящённых неудачному походу: «О моя

сыновча, Игорю и Всеволоде!» (Слово 2002: 89, 309-310). С окончанием каждого из призывов к князьям различных родов: «…За землю Русскую, За раны Игоревы, Буего Святославлича» (Слово 2002: 90, 356-358; 91, 370-372; 92, 395-397).

«Отец» – в данном случае большинством исследователей понимается как «старший в роде», которому обязаны подчиняться младшие князья, поскольку в действительности Святослав Всеволодович, великий князь Киевский, был Игорю и Всеволоду двоюродным братом (Стафеев 1963: 46). А.А. Горский вновь пишет, что, как и при именовании Святослава, «отцом» Игоря и Всеволода, речь идёт об «условном», феодально-иерархическом родстве (Горский 2002: 142).

Но, похоже, что не только сам Святослав, но и его бояре считают Святослава Киевского, в отличие от множества других примеров этого же произведения, отцом Игоря и Всеволода: «И ркоша бояре князю: "Уже княже, туга умь полонила; Се бо два сокола слетеста съ отня стола злата Поискати града Тмутороканя"…» (Слово 2002: 88, 280-283).

Здесь упрёк бояр в отношении Игоря станет понятным, только если признать в «златом столе» Киевский стол Святослава, который в результате неудачи похода Игоря и Всеволода оказался ослабленным.

Следует отметить, что с помощью летописей доказать обыденность именования Киевского князя отцом лишь на основании того факта, что он занимает киевский стол, невозможно. В летописях князья называли друг друга братьями, точно так же, как и «автор» начинает «Слово»: «Не лепо ли ны бяшетъ, братие, Начатии стрыми словесы Трудныхъ повестий О полку Игореве, Игоря Святъславича!» (Слово 2002: 77, 1-5). «Оба есве Святъславличя!» (Слово 2002: 79, 67). «Храброму Святъславличю!» (Слово 2002: 81, 119).

Именно такое эпитет «братья» был характерным и обычным для русских князей даже в обращении между собой, в том числе, и с Киевским князем, которого при этом ещё и «отцом» называли не часто. Например, Святослав в «златом слове» укоряет не «сына», а «сильного и богатого и многовои брата моего Ярослава, съ черниговскими былями» (Слово 2002: 89, 319-322). Хотя в другом месте при обращении к «Великому княже» (Слово 2002: 90, 340) Всеволоду он призывает «отня злата стола поблюсти» (Слово 2002: 90, 342). А.А. Горский считает, что под «отним столом», помочь обороне которого автор призывает Всеволода, могут иметься в виду как Киев, так и Переяславль (Юрий Долгорукий княжил в обоих этих городах); второе кажется более вероятным, так как обращение к Всеволоду следует сразу за упоминанием ран Владимира Глебовича, полученных при обороне Переяславля; Киеву жt половцы в 1185 году не угрожали (Горский 2002: 145). «Зачин «Слова» близко перекликается с обращением, изложенным автором «Слова» в середине произведения, и направленным ко всем князьям. Это заставляет предполагать, и не без оснований, что автором «Слова» и автором обращения ко всем князьям Руси, за исключением Ольговичей, было одно и то же лицо. И этим лицом мог быть Святослав Киевский, если бы, рассказывая о «злотом слове» и «мутном сне», обращался от первого лица.

Тем не менее, обращение ко всем князьям Руси, за исключением Ольговичей, могло быть сделано только самим князем – главой Ольговичей. Следовательно, автор «Слова» вложил в уста Святослава эти обращения, и они являются составной частью его «златого слова». При этом автор «Слова» хорошо знает политические реалии. Титул «великий князь», вопреки распространённому представлению, в XI-XII вв. по отношению к Киевскому князю последовательно не применялся; первенство Киевского стола на Руси было общепризнанным и тот, кто занимал его, считался верховным правителем, поэтому в особом титуле для него не было нужды. Но именно Всеволод стал тем князем, который начал в конце XII века последовательно титуловаться «великим»; поскольку стремился к политическому верховенству на Руси. Для подчёркивания его престижа понадобился отличавший Всеволода от других князей титул. Автор «Слова», именуя Суздальского князя в своём призыве включиться в борьбу с половцами «великим», как бы признаёт эту претензию (Горский 2002: 145).

Отметим, что автор «Слова» вложил в речь Святослава, то есть, его «злато слово», основной смыл этого произведения, очевидно, и озаглавленного в его честь «Словом…». Тогда к самому «златому слову», как составной части «Слова о полку Игореве» следует относить кусочек с 309 по 424 строфы (Слово 2002: 89-93, 309-424), то есть в 1/5 объёма. А ведь именно продолжение «златого слова» и характеризуется наличием таких черт поэмы (имеется в виду употребление терминов «князь» и «господин» в обращениях к князьям, например: «великый княже Всеволоде!» (Слово 2002: 90, 340); «Рюриче и Давыде! …господина…» (Слово 2002: 90, 354) которые, якобы исключают княжеское и происхождение его создателя. Хотя Святослав и не является непосредственным создателем «Слова», тот факт, что он устами автора возвеличивает своих подданных, показателен. Князь как бы уничижает себя, дабы показать всю необъятную мощь Руси, практически не задействованную в борьбе с половцами и литовцами. И это после целой серии успешных походов? Вероятно, христианская мораль, здесь перевешивает обыденное мирское понимание. Именно в религиозном смысле Святослав является как бы идейным вдохновителем или крёстным отцом, и не только для Игоря и Всеволода, но и для всех русских князей вообще.

А.А. Горский правильно отмечает, что обращения «Великый княже Всеволоде» к Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо вложены в уста Святослава Киевского. Но при этом он считает, что оно фактически являлось речью самого автора, о чём говорят обращения «княже» и «господине» (Слово 2002: 90, 354; 91, 369), в речи князя к князю, по его мнению, невозможные (Горский 2002: 144-145). Но он не увидел возможности для самоуничижения князя, пытавшегося объединить все силы Руси против надвигающейся со стороны Степи опасности!

Известно, что данное литературное произведение получило известность по первым словам заголовка («Слово о пълку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова») (Горский 2002: 3). В итоге получалось, что главным героем оказывался один Игорь, а его дед Олег и отец Святослав (кстати, совершенно не фигури-

вернуться к оглавлению ▲

рующий в произведении, в отличие от старшего тёзки – двоюродного брата Игоря, сына Всеволода Ольговича Святослава), просто являлись отцом и дедом Новгород-Северского князя. Такая трактовка имела в глазах исследователей определенную логичность. Главным образом, потому, что Олег получал в «Слове» как и в летописи, весьма негативную характеристику и быть в числе героев произведения вроде бы не мог. Он находился лишь, так же, как и Всеслав Брячиславич Полоцкий, «в центре исторических отступлений автора «Слова» (Горский 2002: 15). Олег Святославич, не получив после смерти отца Черниговского стола, бежал в 1078 году в Тмутаракань, где княжил его брат Роман. Ещё раньше в Тмутаракани оказался другой оставшийся без «стола» внук Ярослава – Борис Вячиславич. Из Тмутаракани Олег и Борис с половцами двинулись на Русь. Им удалось разбить Всеволода (отца Владимира Мономаха) и захватить Чернигов. Всеволод в союзе с братом Изяславом выступил против Бориса и Олега; произошла битва на Нежатиной Ниве, в которой погибли Изяслав и Борис. Олег бежал в Тмутаракань. В следующем, 1079 году, на Русь двинулся с половцами его брат Роман. Всеволоду, ставшему после гибели Изяслава Киевским князем, удалось заключить мир с половцами, которые 2 августа убили Романа Святославича. Олег же был схвачен византийскими агентами и выслан в Грецию. В 1083 году ему удалось вернуться оттуда, в 1094 году он захватил Чернигов и правил Черниговской землёй до своей смерти в 1115 году (Горский 2002: 15). Всего трижды наводил Олег половцев на землю Русскую, за что получал осуждение, судя по тону автора «Слова», даже среди своих потомков.

В итоге и заголовок произведения имеет не только прямой, но и другой, скрытый от прямолинейного понимания, смысл. Он, как мы выяснили, выявляется в тексте «Слова». Действительно, отца Игоря звали Святославом, а деда Олегом. Если же Святослав Киевский (умер в 1194 году), символизирует в заголовке «Слова» отца, а Олег-Троян – деда, то вместе они образуют христианскую Троицу: Отец (Святослав Киевский) – Сын (Игорь Святославич) – Святой дух (Троян-Олег Вещий). Это полностью подтверждается материалами «Слова», где во внуки производились в переносном смысле, то есть в качестве предков, люди, внуками действительно не являющиеся (Даждьбог, Стрибог, Всеслав, Ярослав). Почему же заголовок, который должен был выражать весь смысл, заложенный в текст «Слова», выразил лишь одно реальное родословие князя. Это противоречит всему, что мы знаем как о самом «Слове», так и о русской литературе в целом. В других произведениях имя и отчество князей никогда не выносилось в заголовок, тем более, если по тексту вроде бы уже есть пояснение, кто они и в каком отношении. Если же Святослав и Олег – это действительно только, соответственно, отец и дед Игоря, то непонятно почему Олегу в тексте уделено столь большое внимание, но без пояснения о том, что именно он дед Игоря. А упомянуть в тексте «Слове», помимо его заголовка, о реальном отце этого князя, то есть, Святославе и вовсе забыли.

«Отец» – в данном случае обычно понимают как «старший в роде», которому обязаны подчиняться младшие князья; в действительности Святослав Всеволодович, великий князь Киевский, был Игорю и Всеволоду двоюродным братом. В ещё одном месте Святослав обращается: «О моя сыновча» (Слово 2002: 89, 309). По мнению А.А. Горского, вновь, как и при именовании Святослава «отцом» Игоря и Всеволода, речь идёт об «условном», феодально-иерархическом родстве (Горский 2002: 142). Но, скорее всего, на термин «отец», так же, как и на термин «дед», следует смотреть через призму христианской морали. Как известно, «Откровение» построено в форме послания, обращения к семи церквам, уклонившимся от праведной веры. Подобное обращение есть и в «Слове о полку Игореве», в его «Златом слове», где Святослав обращается к князьям, причём именно к семи адресатам, по аналогии, как и к семи церквям. И если в Апокалипсисе это обращение символизирует полноту церкви, то в «Слове» – единство Руси (Горский 2002: 49). А поскольку Игорь и Всеволод являются главными героями похода, то обращение к Святославу, как к их (или Игоря) крёстному, как бы духовному отцу, так же, как и к Олегу Вещему, как к деду вполне понятны.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1966 - Алексеев Л.В. Полоцкая земля в IX-XIII вв. М., 1966.

Балашов 1975 - Балашов Д.М. Из истории русского былинного эпоса («Потык» и «Микула Селянинович») // Русский фольклор. Т. 15. Социальный протест в народной поэзии. Л., 1975.

Болдур 1958 - Болдур А. Троян «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XV. М.; Л., 1958.

Былины 1991 - Былины / Составление, вступительная статья, вводные тексты В.И. Калугина; художник Б.А. Лавров. М., 1991.

Гаспаров 1984 - Гаспаров Б.М. Поэтика «Слова о полку Игореве». Вена, 1984.

Гедеонов 2005 - Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В двух частях / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка В.В. Фомин. Третье издание, дополненное. М., 2005.

Головенченко 1963 - Головенченко Ф.М. Слово о полку Игореве. М., 1963.

Горский 1995 - Горский А.А. Об эволюции титулатуры верховного правителя Древней Руси // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995.

Горский 2002 - Горский А.А. Вступительная статья, подготовка текста, перевод с древнерусского, комментарий и приложение к «Слову о полку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова». М., 2002.

Златоструй 1990 - Златоструй. Древняя Русь. X-XIII вв. / Составление, авторский текст, комментарии А.Г. Кузьмина, А.Ю. Карпова. М., 1990.

Золотов 1970 - Золотов Ю.М. О Трояне «Слова о полку Игореве» // Советская археология. 1970. № 1.

Илларион 1989 - Митрополит Илларион. Слово о Законе и Благодати // Альманах библиофила. Вып. XXVI. М., 1989.
Кузьмин 2003 - Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003.
Лихачёв 1950а - Лихачёв Д.С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей. М.; Л., 1950.
Лихачёв 1950б - Лихачёв Д.С. Политический и исторический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей. М.; Л., 1950.
Логинов 1892 - Логинов А.В. Историческое исследование сказания о походе северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса, 1892.
Логинов 1911 - Логинов А.В. «Слово о полку Игореве» // Записки одесского общества истории и древностей. Т. 29. Одесса, 1911.
Мельникова 2000 - Мельникова Е.А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000.
ПЛДР 1981 - Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.
Повести 1998 - Повести о Куликовской битве // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.
Повесть 1981 - Повесть о житии и храбрости благоверного и великого князя Александра // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.
Полевой 1839 - Полевой Н. Любопытные замечания к «Слову о полку Игореве» // Сын Отечества. 1839. Т. 8. Отд. 7.
ПСРЛ. 1 - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001.
ПСРЛ. 2 - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.
ПСРЛ. 3 - Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
ПСРЛ. 9 - Полное собрание русских летописей. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
Робинсон 1978 - Робинсон А.И. Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI-XVII веков. М., 1978.
Рыбаков 1971 - Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
Рыбаков 1972 - Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
Селиванов 1969 - Селиванов В.М. Сюжет и композиция былин о Вольге (Волхе) // Вестник МГУ. Серия 10. Филология. 1969. № 3.
Словарь 1990 - Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). Т. 3. М., 1990.
Слово 2002 - Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова / Вступительная статья, подготовка текста, перевод с древнерусского, комментарий и приложение А.А. Горского. М., 2002.
Соколова 1995 - Соколова Л.В. Дажьбог (Даждьбог) // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. СПб., 1995.
Соловьёв 1948 - Соловьёв А.В. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Исторические записки. Т. 25. М., 1948.
Сперанский 1919 - Сперанский М.Н. Вольг (Волх) и Микула // Русская устная словесность. В двух томах. Т. 2. М., 1919.
Стафеев 1963 - Стафеев Г.И. Древнерусская литература. М., 1963.
Стеллицкий 1981 - Стеллицкий В.И. Комментарии // Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы. М., 1981.
Сумаруков 1997 - Сумаруков Г.В. Затаённое имя: Тайнопись в «Слове о полку Игореве». М., 1997.
Творогов 1995 - Творогов О.В. Клюка // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. СПб., 1995.
Творогов 1995а - Творогов О.В. «Ярославли внуки» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. СПб., 1995.
Ткаченко 2000 - Ткаченко П.С. В поисках града Тмутараканя. М., 2000.
Фомин 2005 - Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.
Фроянов, Юдин 1997 - Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история (Работы разных лет). СПб., 1997.
Цветков 2003 - Цветков С.Э. Русская история: Книга первая. М., 2003.
Щапов 1976 - Щапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. М., 1976.
ЭСПИ 1995 - Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3-4. СПб., 1995.
Якобсон 1958 - Якобсон Р.О. Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединённых Штатах Америки // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 14. М.; Л., 1958.

REFERENCES

Alekseev 1966 - Alekseev L.V. Polockaya zemlya v IX-XIII vv. [Polotsk land in the 9th-13th centuries], Moscow, 1966 [in Russian].
Balashov 1975 - Balashov D.M. Iz istorii russkogo bylinnogo eposa («Potyk» i «Mikula Selyaninovich») [From the history of the Russian epic epic (“Potyk” and “Mikula Selyaninovich”)], in: Russkij fol’klor. T. 15. Social’nyj protest v narodnoj poezii [Russian folklore. Volume 15. Social protest in folk poetry], Leningrad, 1975 [in Russian].
Boldur 1958 - Boldur A. Troyan «Slova o polku Igoreve» [Troyan «Words about Igor’s regiment»], in: Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. XV [Proceedings of the Department of Old Russian Literature. Volume XV], Moscow; Leningrad, 1958 [in Russian].
Byliny 1991 - Byliny / Sostavlenie, vstupitel’naya stat’ya, vvodnye teksty V.I. Kalugina; hudozhnik B.A. Lavrov [Epics / Compilation, introductory article, introductory texts V.I. Kalugin; artist B.A. Lavrov], Moscow, 1991 [in Russian].
Cvetkov 2003 - Cvetkov S.E. Russkaya istoriya: Kniga pervaya [Russian History: Book One], Moscow, 2003 [in Russian].

ESPI 1995 - Enciklopediya «Slova o polku Igoreve». T. 3-4 [Encyclopedia «Words on Igor's Regiment». Volumes 3-4], St. Petersburg, 1995 [in Russian].

Fomin 2005 - Fomin V.V. Varyagi i varyazhskaya Rus': K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu [Varangians and Varangian Russia: Towards the discussion of the Varangian issue], Moscow, 2005 [in Russian].

Froyanov, Yudin 1997 - Froyanov I.Ya., Yudin Yu.I. Bylinnaya istoriya (Raboty raznyh let) [Epic story (Works of different years)], St. Petersburg, 1997 [in Russian].

Gasparov 1984 - Gasparov B.M. Poetika «Slova o polku Igoreve» [Poetics «Words about Igor's regiment»], Vena, 1984 [in Russian].

Gedeonov 2005 - Gedeonov S.A. Varyagi i Rus'. V dvuh chastyah / Avtor predisloviya, kommentariev, biograficheskogo ocherka V.V. Fomin. Tret'e izdanie, dopolnennoe [Varangians and Russia. In two parts / Author of the preface, comments, biographical sketch of V.V. Fomin. Third edition supplemented], Moscow, 2005 [in Russian].

Golovenchenko 1963 - Golovenchenko F.M. Slovo o polku Igoreve [A word about Igor's regiment], Moscow, 1963 [in Russian].

Gorskij 1995 - Gorskij A.A. Ob evolyucii titulatury verhovnogo pravitelya Drevnej Rusi [On the evolution of the title of the supreme ruler of Ancient Russia], in: Rimsko-konstantinopol'skoe nasledie na Rusi: ideya vlasti i politicheskaya praktika [The Roman-Constantinople Heritage in Russia: the Idea of Power and Political Practice], Moscow, 1995 [in Russian].

Gorskij 2002 - Gorskij A.A. Vstupitel'naya stat'ya, podgotovka teksta, perevod s drevnerusskogo, kommentarij i prilozhenie k «Slovu o polku Igoreve, Igorya, syna Svyat»slavlya, vnuka Ol'gova» [Introductory article, preparation of a text, translation from Old Russian, commentary and annex to the «Word on Igor's regiment, Igor, son of Svyatoslav, grandson of Olgov»], Moscow, 2002 [in Russian].

Illarion 1989 - Mitropolit Illarion. Slovo o Zakone i Blagodati [Word of Law and Grace], in: Al'manah bibliofila. Vyp. XXVI [Almanac of the bibliophile. Issue XXVI], Moscow, 1989 [in Russian].

Kuz'min 2003 - Kuz'min A.G. Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [The beginning of Russia. Secrets of the birth of the Russian people], Moscow, 2003 [in Russian].

Lihachyov 1950a - Lihachyov D.S. Kommentarij istoricheskij i geograficheskij [Historical and geographical commentary], in: Slovo o polku Igoreve: Sbornik issledovanij i statej [A Word About Igor's Regiment: A Collection of Research and Articles], Moscow; Leningrad, 1950 [in Russian].

Lihachyov 1950b - Lihachyov D.S. Politicheskij i istoricheskij krugozor avtora «Slova o polku Igoreve» [Political and historical horizons of the author of «Words about Igor's Regiment»], in: Slovo o polku Igoreve: Sbornik issledovanij i statej [A Word About Igor's Regiment: A Collection of Research and Articles], Moscow; Leningrad, 1950 [in Russian].

Loginov 1892 - Loginov A.V. Istoricheskoe issledovanie skazaniya o pohode severskogo knyazya Igorya Svyatoslavicha na polovcev v 1185 g. [A historical study of the legend about the campaign of the Seversky Prince Igor Svyatoslavich against the Polovtsy in 1185], Odessa, 1892 [in Russian].

Loginov 1911 - Loginov A.V. «Slovo o polku Igoreve» [«The word about Igor's regiment»], in: Zapiski odesskogo obshchestva istorii i drevnostej. T. 29 [Notes of the Odessa society of history and antiquities. Volume 29], Odessa, 1911 [in Russian].

Mel'nikova 2000 - Mel'nikova E.A. Ryurik, Sineus i Truvor v drevnerusskoj istoriograficheskoj tradicii [Rurik, Sineus and Truvor in the Old Russian Historiographical Tradition], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1998 [The oldest states of Eastern Europe. 1998], Moscow, 2000 [in Russian].

PLDR 1981 - Pamyatniki literatury Drevnej Rusi. XIII vek [Monuments of literature of Ancient Russia. 13th century], Moscow, 1981 [in Russian].

Polevoj 1839 - Polevoj N. Lyubopytnye zamechaniya k «Slovu o polku Igoreve» [Curious remarks to the «Word of Igor's Regiment»], in: Syn Otechestva. 1839. T. 8. Otd. 7 [Son of the Fatherland. 1839. Volume 8. Division 7] [in Russian].

Povest' 1981 - Povest' o zhitii i hrabrosti blagovernogo i velikogo knyazya Aleksandra [The tale of the life and courage of the noble and Grand Duke Alexander], in: Pamyatniki literatury Drevnej Rusi. XIII vek [Monuments of literature of Ancient Russia. 13th century], Moscow, 1981 [in Russian].

Povesti 1998 - Povesti o Kulikovskoj bitve [Tales of the Battle of Kulikovo], in: Pamyatniki Kulikovskogo cikla [Monuments of the Kulikovo cycle], St. Petersburg, 1998 [in Russian].

PSRL. 1 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I. Lavrent'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Volume I. Laurentian Chronicle], Moscow, 2001 [in Russian].

PSRL. 2 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. II. Ipat'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Volume II. Ipatiev Chronicle], Moscow, 1998 [in Russian].

PSRL. 3 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. III. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Complete collection of Russian chronicles. Volume III. Novgorod first annals of senior and junior vodov], Moscow, 2000 [in Russian].

PSRL. 9 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. IX. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu [Complete collection of Russian chronicles. Volume IX. Chronicle collection called the Patriarch or Nikon Chronicle], Moscow, 2000 [in Russian].

Robinson 1978 - Robinson A.I. Solnechnaya simvolika v «Slove o polku Igoreve» [Solar symbolism in the «Word of Igor's Regiment»], in: «Slovo o polku Igoreve». Pamyatniki literatury i iskusstva XI-XVII vekov [«The word about Igor's regiment.» Monuments of literature and art of the XI-XVII centuries], Moscow, 1978 [in Russian].

Rybakov 1971 - Rybakov B.A. «Slovo o polku Igoreve» i ego sovremenniki [«The word about Igor's regiment» and his contemporaries], Moscow, 1971 [in Russian].

Rybakov 1972 - Rybakov B.A. Russkie letopiscy i avtor «Slova o polku Igoreve» [Russian chroniclers and the author of «Words about Igor's Regiment»], Moscow, 1972 [in Russian].

Selivanov 1969 - Selivanov V.M. Syuzhet i kompoziciya bylin o Vol'ge (Volhe) [The plot and composition of epics about Volga (Volkh)], in: Vestnik MGU. Seriya 10. Filologiya [Bulletin of Moscow State University. Series 10. Philology], 1969, № 3 [in Russian].

Shchapov 1976 - Shchapov Ya.N. Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI-XV vv. [Old Russian princely charters of the XI-XV centuries], Moscow, 1976 [in Russian].

Slovar' 1990 - Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI-XIV vv.). T. 3 [Dictionary of the Old Russian Language (XI-XIV centuries). Volume 3], Moscow, 1990 [in Russian].

Slovo 2002 - Slovo o polku Igoreve, Igorya, syna Svyat»slavlya, vnuka Ol'gova / Vstupitel'naya stat'ya, podgotovka teksta, perevod s drevnerusskogo, kommentarij i prilozhenie A.A. Gorskogo [A word about the regiment of Igor, Igor, son of Svyatoslav, grandson of Olgov / Introductory article, preparation of the text, translation from Old Russian, commentary and appendix A.A. Gorsky], Moscow, 2002 [in Russian].

Sokolova 1995 - Sokolova L.V. Dazh'bog (Dazhd'bog) [Dazhbog (Dazhdbog)], in: Enciklopediya «Slova o polku Igoreve». T. 2 [Encyclopedia «Words on Igor's Regiment». Volume 2], St. Petersburg, 1995 [in Russian].

Solov'yov 1948 - Solov'yov A.V. Politicheskij krugozor avtora «Slova o polku Igoreve» [Political horizons of the author of "Words about Igor's Regiment"], in: Istoricheskie zapiski. T. 25 [Historical notes. Volume 25], Moscow, 1948 [in Russian].

Speranskij 1919 - Speranskij M.N. Vol'g (Volh) i Mikula [Volg (Volkh) and Mikula], in: Russkaya ustnaya slovestnost'. V dvuh tomah. T. 2 [Russian oral literature. In two volumes. Volume 2], Moscow, 1919 [in Russian].

Stafeev 1963 - Stafeev G.I. Drevnerusskaya literatura [Old Russian literature], Moscow, 1963 [in Russian].

Stellickij 1981 - Stellickij V.I. Kommentarii [Comments], in: Slovo o polku Igoreve. Drevnerusskij tekst i perevody [A word about Igor's regiment. Old Russian text and translations], Moscow, 1981 [in Russian].

Sumarukov 1997 - Sumarukov G.V. Zatayonnoe imya: Tajnopis' v «Slove o polku Igoreve» [Hidden Name: Cryptography in the «Word of Igor's Regiment»], Moscow, 1997 [in Russian].

Tkachenko 2000 - Tkachenko P.S. V poiskah grada Tmutarakanya [In search of the city of Tmutarakan], Moscow, 2000 [in Russian].

Tvorogov 1995 - Tvorogov O.V. Klyuka [Kluka], in: Enciklopediya «Slova o polku Igoreve». T. 3 [Encyclopedia «Words on Igor's Regiment». Volume 3], St. Petersburg, 1995 [in Russian].

Tvorogov 1995a - Tvorogov O.V. «Yaroslavli vnuki» [«Yaroslavl grandchildren»], in: Enciklopediya «Slova o polku Igoreve». T. 5 [Encyclopedia «Words on Igor's Regiment». Volume 5], St. Petersburg, 1995 [in Russian].

Yakobson 1958 - Yakobson R.O. Izuchenie «Slova o polku Igoreve» v Soedinyonnyh Shtatah Ameriki [Learning The Words of Igor's Campaign in the United States of America], in: Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. 14 [Proceedings of the Department of Old Russian Literature. Volume 14], Moscow; Leningrad, 1958 [in Russian].

Zlatostruj 1990 - Zlatostruj. Drevnyaya Rus'. X-XIII vv. / Sostavlenie, avtorskij tekst, kommentarii A.G. Kuz'mina, A.Yu. Karpova [Gold Jet. Ancient Russia. X-XIII centuries / Compilation, author's text, comments A.G. Kuzmin, A.Yu. Karpov], Moscow, 1990 [in Russian].

Zolotov 1970 - Zolotov Yu.M. O Troyane «Slova o polku Igoreve» [About Troyan "Words about Igor's regiment"], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1970, № 1 [in Russian].

Карпенко Андрей Александрович
– Соискатель на степень кандидата исторических наук Института переподготовки и повышения квалификации МГУ им. М.В. Ломоносова (Волгодонск, Россия).

Andrey Karpenko
– Applicant on Degree of the Candidate of historical sciences of Institute of Retraining and Professional development of Lomonosov Moscow State University (Volgodonsk, Russia).

alnikar1953@mail.ru

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В «СКИФСКОЙ ИСТОРИИ» АНДРЕЯ ЛЫЗЛОВА

И.М. Тарасов
Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: tarasowilya@yandex.ru
Researcher ID: B-5780-2018
http://orcid.org/0000-0002-0831-2813
SPIN-код: 1877-7287

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье анализируются упоминания древних славян и их соседей в книге Андрея Ивановича Лызлова (ок. 1655 – после 1696) «Скифская история». С точки зрения современной исторической науки автором рассматривается правдоподобность утверждений Лызлова и его источников о принадлежности ряда древних народов к славянам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историография, скифы, славяне, балты, история, сарматы, сарматизм, вандалы, готы, кимвры.

EARLY SLAVS AND THEIR NEIGHBORS IN HISTORY OF THE SCYTHIANS BY ANDREI LYZLOV

Ilya Tarasov
Independent Researcher (St. Petersburg, Russia)
e-mail: tarasowilya@yandex.ru

ABSTRACT
The article analyzes references to the early Slavs and their neighbors in the book History of the Scythians by Andrei Ivanovich Lyzlov (c. 1655 – after 1696). The author considers credibility of Lyzlov’s statements and his sources regarding affiliation of the Slavs with some ancient peoples from the point of view of modern historical science.

KEYWORDS: Keywords: historiography, Scythians, Slavs, Balts, Sarmatians, Sarmatism, Vandals, Goths, Cimbri.

При изучении отечественной историографии особое внимание следует уделить «Скифской истории» Андрея Ивановича Лызлова (ок. 1655 – после 1696). Книга претендует на звание первого труда по русской истории, написанного по образцовым научным лекалам того времени. «Скифская история» делится на части и главы, имеет подробные ссылки на источники, а также содержит список использованной автором литературы. Лызлов делает пробные шаги по пути сравнения источников и занимается грамотной трактовкой событий прошлого.

«Скифская история» была первым русским сочинением, целиком основанным на критике источников (Богданов 1990: 403). Лызлов отобрал среди русских и зарубежных произведений и выделил наиболее известные, общепризнанные и достоверные для читателей исторические труды. Строгая система ссылок обеспечила читателю возможность проверки соответствия фактической основы «Скифской истории» этим источникам (Богданов 1990: 403). Ссылки на печатные труды Лызловым сделаны аккуратно и точно. Даже если источник упоминается в тексте, то на полях следует пометка: «...яко о том пишет летописец полский Александр Гвагнин в Кронице полской» (на поле: «Лист 60»); «той же летописец Гвагнин на ином месте пишет» (на поле: «О венгрех, лист 40») и т.д. (Богданов 1990: 392). Интересно, что книга пользовалась популярностью ещё до печати, распространяясь десятилетиями в рукописях.

Труд Лызлова выделяется на фоне сочинений предшественников и современников ещё и тем, что историческая концепция здесь отступала от сложившихся взглядов летописцев классического типа: объяснение событий с позиции провиденциализма, наказаний за грехи людские. Лызлов пытается найти и проследить тонкую логику значимых событий и во многих случаях рационалистически толкует причины тех или иных явлений. Он ищет причинно-следственные связи. Например, падение Константинополя Лызлов увязывает с междоусобной борьбой. Гибели Золотой Орды, по его мнению, способствовали внутренние «брани и настроения» (СИ II 3), а также славные победы русского оружия. Тем не менее, иногда Лызлов ещё следует старой провиденциальной традиции (в том числе и в заимствованиях из трудов польских учёных). К примеру, он полагал, что Батый вторгся на Русь «за многие грехи наши» (СИ II 1).

«Скифскую историю» можно назвать научной монографией того времени. Отмечено, что в русской историографии до «Скифской истории» не было подобного по хронологическим рамкам и тематическому профилю

труда. «Это была специальная работа по международным отношениям в средние века» (Чистякова 1990: 389).

Лызлов считает важным выяснить происхождение используевым им сведений и авторитетность источников, а также подчеркнуть согласие или противоречия между разными историками. Все непосредственные источники, в том числе, например, книга Квинта Курция Руфа, процитированная с точной ссылкой трижды (л. 3, 4, 5об.), отмечены в списке источников «Скифской истории». Но в случаях, когда сведения такого источника привлекались Лызловым в контексте чужого повествования, ссылка давалась на последний текст (Богданов 1990: 393).

Свой Index librorum Лызлов приводит в начале «Скифской истории»: Степенная книга, Хронограф (не указано какого года), трактат Гизеля «Синопсис», летописи, жития святых, а также труды античных авторов (Плиния Старшего, Квинта Курция Руфа и др.) и польских историков (Я. Длугоша, М. Меховского, М. Кромера, М. Стрыйсковского, А. Гваньини и др.) (Лызлов 1990: 7). В тексте Лызлов даёт ссылки на некоторые источники, в том числе «Записки о московитских делах» Сигизмунда Герберштейна и какой-то «Летописец Затопа Засекина», о котором ничего не известно. Это даёт основание полагать, что данный документ является утерянным. Впрочем, не исключено, что под ним вообще подразумевается вариант какой-либо из сохранившихся русских летописей. Таким образом труд Лызлова по бóльшей части – это компиляция из полудюжины польских историков с вкраплениями из поздних русских летописей.

В «Скифской истории» Андрей Иванович Лызлов главным образом описывает борьбу русского народа с монголами, татарами и турками, а также касается общественно-политического устройства Крымского ханства и Оттоманской Порты. Конечно же, коснулся он и истории древних славян, хотя и вскользь.

В первых двух частях книги исследователь освещает начало войн татар с русскими, походы Батыя на Русь и в Европу, а затем переходит к освобождению русских земель от ордынской зависимости.

В третьей части Лызлов переходит к описанию и истории Казанского и Астраханского ханств, покорённых в середине XVI столетия царём Иваном Грозным.

В четвёртой части рассказывается о Крымском ханстве, о магометанской вере, об обычаях татар и турок и описывается история Оттоманской империи. При этом большое внимание уделено столице – Стамбулу.

То, что Лызлов касается древнеславянской темы лишь несколько раз, вполне естественно, т.к. в его задачу вовсе не входил пересказ событий из истории ранних славян – это было сделано в летописях и западных источниках, которые Лызлов читал и на которые опирался при написании книги. Главная задача труда Лызлова – это описание борьбы своего народа и его соседей с монгольскими завоевателями (Чистякова 1990: 365). Фоном к этому служат отсылки к истории соседних с Русью стран – Венгрии, Моравии, Польше, Литве, Валахии. Тем не менее, в соответствии с заявленной темой статьи, мною будут приведены все имеющиеся у Лызлова упоминания древних славян и их ближайших соседей.

Нельзя не отметить, что Лызлов по-конформистски следовал за историками, использовавшими приёмы тогдашней польской пропаганды. Он разделял в общем-то гомогенный народ, отличая южных русских («россиан» в терминологии Лызлова) от северо-восточных (великороссов) и называл последних «москвой» (Лызлов 1990: 8)[1]. Здесь его позиция копировала польскую (в историографии раннего Нового времени). Также элементы польской пропаганды имеются и в трудах ссылавшихся на поляков составителей западнорусской Густынской летописи и «Синопсиса», которые обозначали «москву» как обособленный народ, потомков Мосоха, в соответствии с широко распространённой тогда библейской генеалогией (ср. у Гваньини о происхождении Мосоха, сына Иафета: Gwagn. Sarm. VII-1, 1; Неменский 2018: 407). Следуя той же модели, историки раннего Нового времени считали потомками библейского Асармота из колена Симова древний народ сарматов, потомками Мадая – мидян, а отпрысками Гомера – германцев (Kron. pol. I, 2). «Московиты» («москва») в результате подобных кабинетных манипуляций соотносились с отстоящими от них на тысячи километров и лет древними мосхами, известными ещё Геродоту (Hrd. III, 94; VII. 78), и в некоторых исторических трудах той эпохи считались предками сарматов, болгар, чехов и др. (в Густынской летописи: ПСРЛ. 40: 12-13; в «Синопсисе»: Синопсис 2006: 59; у Мартина Бельского: Рогов 1967: 124; у Матея Стрыйковского: Kron. pol. I, 2, и т.д.). «Московиты» по словам Алессандро Гваньини «были вначале малым и незначительным народом русским (gens Russorum)» (Гваньини 1997: 11). Лишь впоследствии они размножились и заселили огромные пространства Евразии. Впрочем, позиция поляков была весьма лабильной. Зачастую польские историки путались с тем, относить ли «москву» к руси или нет. Так, Меховский называет Руссией (Russiam) Рязанскую (Rzesanska, Rzessensem) землю, а в письме к Иоанну Галлеру он, вслед за «одним старейшим историком», именует Московию Белой Руссией (Albae Russiae) (Меховский 1936: 49, 120). Отделяя «московитов» от руси в одном месте своей книги, в другом он называет жителей Плескова (Пскова) русскими (русинами, Ruteni) (Меховский 1936: 107-108), а в третьем пишет, что русские (Ruteni) живут в Новгороде, Пскове, Полоцке и Смоленске (Меховский 1936: 109). Гваньини, разделяя на страницах своей книги «московитов» и русских, при описании города Москвы то и дело употребляет исконный, зафиксированный многочисленными источниками этноним «московитов» (русь) : «таинство святого крещения у руси», «как русь понимает Чистилище» и т.д. (Gwagn. Sarm. VII-2, 26. См. Неменский 2018: 406). Стрыйковский в одной из книг «Хроники

1 Что, впрочем, не мешало ему называть «Российскими странами» северо-восточные княжества (Лызлов 1990: 33-34), «российстими народами» обитателей всех княжеств, по которым прошёлся войной Батый в 1237-1240 гг. (Лызлов 1990: 23); «российское воинство» у него – армии Василия II и Ивана III (Лызлов 1990: 42, 46, 47, 50). В других местах книги «россианами» названо население городов, в которых монголы поставили баскаков (в том числе и в Северо-Восточной Руси) (Лызлов 1990: 27). Интересен и следующий отрывок, где русские (великороссы) названы «россианами»: «Да бых достаточнее описал двор султана турецкаго, с ним же мы, россиане и поляки, ближнее соседство имеем…» (Лызлов 1990: 280).

польской, литовской, жмудской и всей Руси» называет жителей Московского государства и «московитами» («москвой») и «московскими русаками» (Kron. pol. II, 3). В другом фрагменте он наряду с литовцами и черкасами упоминает ещё и «киян» (Kijowiane), как бы выделяя их в самостоятельную народность (Kron. pol. II, 6). Хотя в прочих местах книги жители Киева обозначены обычно как русские или руссаки. В 12-й книге Стрыйковского Симеон Гордый и Дмитрий Донской – «русские князья», северо-восточные земли, разорённые Дуденевой ратью – «русские земли» (Kron. pol. XII, 2). Московские великие князья у него «прежние великие князья Белой Руси» (Kron. pol. XI, 3), а Иван III назван «наисчастливейшим русским монархом» (Kron. pol. XXII, 4). Однако в 3-й книге у Стрыйковского «московитом» назван Иван Грозный (Kron. pol. III, 1), а в 14-й книге – Василий, сын Дмитрия Донского (Kron. pol. XIV, 8). В 16-й книге Стрыйковский упоминает «руссаков и москву», как бы противопоставляя русских Великого княжества Литовского и Московского государства, но далее пишет, что тверская княжна – это «русская жена» (Kron. pol. XVI, 4), руссаки – новгородцы (Kron. pol. XV, 12), а священнослужители Пскова – это «русские попы» (Kron. pol. XXIII, 5). Кое-где в «Хронике» историк и вовсе пишет, что часть руссаков поляки называли «москвой» («…ибо те руссаки, которых мы зовём москвой, издавна поселившись в тех северных и восточных краях, где и теперь [живут], далее не пошли»: Kron. pol. IV, 2). Поэтому чрезвычайно важно, работая с польскими источниками позднего средневековья и Нового времени, отделять объективные исторические свидетельства от тех, где присутствуют элементы государственной пропаганды той эпохи.

Лызлов соглашался с польскими историками и в том, что в древности «москва» и «россиане» назывались сарматами (савроматами) , которые получили своё имя из-за того, что проживали в обеих Сарматиях. Как известно, со времён Птолемея Сарматию делили на две части – Европейскую (ἡ ἐν Εὐρόπῃ Σαρματία) и Азиатскую (ἡ ἐν Ἀσίᾳ Σαρματία) (Ptol. Geogr. III, 5; III, 8). В дальнейшем подобное деление перекочует и в польскую историографию (Я. Длугош, М. Меховский и др.). Русский историк отмечал (СИ I, 1): «В соседстве и в прилеглости с ним всегда жили славяне, прародители наши — москва, россиане и прочие, их же древния историки для общих границ единако и обще скифами и сарматами называли» (Лызлов 1990: 10). В этом отрывке Лызлов практически слово в слово цитирует Матея Стрыйковского, сторонника сарматского происхождения польской элиты (Sarmatyzm), отмечавшего: «А по соседству и на их границах всегда жили наши предки славяне: Руссаки, Москва и другие, однако старые историки из-за общих границ огульно (ogulem) называли их Савроматами, Сарматами и т.п.» (Kron. pol. VI, 9). Здесь можно привести и свидетельство Мартина Кромера, полагавшего, что славяне унаследовали сарматский катойконим по причине заселения ими тех земель, на которых ранее проживали сарматы (Неменский 2018: 400). Так же позиция Лызлова не противоречит Повести временных лет, в которой «Великая Скуфь» – это славяне (то ли все «племена», которые вёл Олег на Константинополь, то ли одни только «толковины»-тиверцы) (ПСРЛ, 1: 29 II). «Скифами» именуют русь и некоторые из византийских авторов. Так, к примеру, Лев Диакон в «Истории» называет русских «скифами» целых 63 раза, «тавроскифами» – 21, «таврами» – 9 раз (для сравнения, собственно «росами» – 24 раза). Иоанн Скилица, использовавший общий со Львом Диаконом источник, именует русских «скифами» и «росами» (Диакон 1988: 182-183, примеч. 24).

В другом месте (СИ I, 1) Лызлов опять называет русских савроматами («…иже суть к нам, савроматом…») (Лызлов 1990: 8), ссылаясь фактически ipsissima verba на польского исследователя итальянского происхождения – Алессандро Гваньини .

По лекалам классической историографии того времени история библейского народа евреев тесно связана с Египтом (правитель которого погиб в погоне за народом Моисея). Точно так же начало скифской истории авторы Нового времени (в том числе Лызлов) увязывает с Египтом (СИ I, 1). Первым противником скифов был фараон «Вокса», которому скифы «пригодный ответ учинили; егда велел им себе дань давати, сице отвещали: удивляемся глаголюще тако великому и богатому государю, яко от нас убогих хощет приобрести богатства, идеже их несть никогдаже; пристойнее нам убогим для таковых обещается быти; срамно есть государю великому к нам убогим ездить— приличнее мы убогие к государю будем. И тако прежде, даже царь не уготовился на войну к ним, ускориша нань, и до конца его победиша, и из Африки изгнаша» (Лызлов 1990: 10). В данном отрывке Лызлов также опирается на рассказ Стрыйковского про «египетского короля Вексора (Wexora)». Сам Стрыйковский позаимствовал этот рассказ у античных авторов, которые нередко упоминали о древних походах египтян далеко на север. К примеру, Корнелий Тацит отмечал, что в его эпоху ещё сохранялись египетские надписи, содержавшие память о былом величии Египта. В них рассказывалось, что царь Рамсес со своим войском «овладел Ливией, Эфиопией, странами мидян, персов и бактрийцев, а также Скифией и что, сверх того, он держал в своей власти все земли, где живут сирийцы, армяне и соседящие с ними каппадокийцы, между Вифинским морем, с одной стороны, и Ликийским — с другой» (Tac. Ann. II, 60).

Согласно Геродоту, «фараон Сесострис» (собирательное имя ряда древних египетских царей) переправился в Европу из Азии и покорил фракийцев и скифов, но далее уже не пошёл (Hrd. III, 103). Страбон, ссылаясь на авторитет историка Мегасфена, упоминал поход Сесостриса из Иберии во Фракию и на Понт (Strabo XV, 1, 6). Позднеантичный автор Юстин в «Эпитоме сочинений Помпея Трога» отмечал, что в глубокой древности «царь египетский Везосис» будто бы «дошел походом до Понта» (Iust. Epit. I, 1).

«Скифские» народы у Лызлова – это степняки-номады Восточной Европы и Азии, в числе которых есть и предки турок. «Турки, парфы, персы, венгры, сыкабры от их (скифского – И.Т.) народу изыдоша», – пишет русский исследователь (Лызлов 1990: 10). Примечательно, что среди потомков скифов историком упоминаются одновременно иранские, тюркский, финно-угорский и германский народы. То есть мы видим распростра-

нённое в эпоху Aevum modernum мнение, что номады евразийских степей («обеих Сарматий» в терминологии учёных того периода) звались скифами. Во времена Лызлова такими кочевниками были исключительно тюрки и монголы. Ср., к примеру, у старшего современника Лызлова – хорватского богослова и философа Юрия Крижанича: «Ведь все народы считают скифами татар и турок…» (Крижанич 1965: 623). Данная точка зрения, дожила до рубежа XIX-XX в. и нашла отражение даже в известном стихотворении А. Блока. Однако, сейчас наукой уже твёрдо установлено, что скифы – это ираноязычные европеоиды (Вернадский 1996: 87; Удальцов 1947: 4; Абаев 1949: 36, 151-190; Третьяков 1953: 16; Соболевский 1922; Соколов 1961: 7-8; Археология 2006: 308-310; Клейн 2007: 47-48; Кулланда 2008; 2012; 2016; Kerkhof 2013: 5 и др.).

В дальнейшем Лызлов пересказывает некоторые события из древней истории с участием скифов (об амазонках, о Кире и Томирис, об Александре Македонском и др.), ссылаясь как на античные источники, так и на сведения польской историографии Нового времени (Бельский, Гваньини) (Лызлов 1990: 10-12).

Древних болгар Лызлов называет славянами вслед за Кромером, который полагал прародину славян в Азиатской Сарматии. По мнению Кромера, туда они попали, расселяясь на север из Месопотамии в древнейшие библейские времена. Лызлов считал, что племенное имя болгар происходит «от реки Волги». Здесь позиция русского исследователя сходится с взглядами польского историка, жившего веком ранее, – Матея Стрыйковского. Тот, в свою очередь, почерпнул эту информацию у дипломата Юстуса Людвика Декюша (Деция). Стрыйковский отмечал: «Булгары или волгари (Wolgari), из которых были и волынцы (Wolyncy), [названы так] от реки Волги» (Kron. pol. II, 6). Алессандро Гваньини в «Хронике Европейской Сарматии» писал, что болгары «прозваны так потому что селились на реке Волге и оттуда имеют своё начало, они подобны руси своими обычаями и славянским языком» (Неменский 2018: 402). Отождествление болгар с Волгой имеется также и в «Хронике всего света» Мартина Бельского (Неменский 2018: 402). Лызлов подчёркивал (СИ I, 3), что болгары (или волгоры) «имели начало свое от преславнаго и многонароднаго народа славенскаго» (Лызлов 1990: 18), в чём, как видим, он согласен с польскими историками.

Упоминает Лызлов и о «славных воинских делех» (Лызлов 1990: 18) болгар, явно намекая на прозрачную этимологию (они славяне, чьё имя происходит от славы). В числе побед болгар отмечается вторжение в Дакию, изгнание даков и походы на Византийскую империю (Лызлов 1990: 18). Якобы славянское происхождение болгар нашло отражение в более поздних исторических сочинениях, в том числе вплоть до Д.И. Иловайского (1832-1920) (Иловайский 2015: 61 и сл.). Впрочем, нельзя говорить о беспочвенности сближения болгар и славян, т.к. в состав балканских болгар (не путать с праболгарами, древними болгарами) вошли многие славянские «славинии» (северы, драгувиты, «семь родов» и др.). По всей вероятности, какие-то славяне приняли участие в этногенезе и волжских булгар (Жих 2011; 2013: 165-186; 2015: 136-137). Контакты славян и праболгар отмечены и более ранним временем, т.к. славянские отряды воевали в составе древнеболгарских войск. По всей вероятности, какие-то «славинии» антов принимали участие в походах праболгарских орд на Балканский полуостров. Предполагается, что контакты антов и праболгар в дальнейшем привели к взаимному смешению антской и «гуннской» знати. Во всяком случае, в «Именнике болгарских ханов» двое правителей 2-й пол. VI – начала VII в. – Гостун и Безмер – носят явно славянские имена (Алексеев 2005: 189). Историк XX столетия Г.В. Вернадский писал, что Гостун «был скорее антом, чем кутригуром» (Вернадский 1996: 211). Именно преемником Гостуна был Курт, который и основал Великую Булгарию в Приазовье. Временем правления Курта называют период с 584 по 642 гг. (Вернадский 1996: 211).

Не забывает Лызлов (СИ I, 3) и «о некоторых соплемянных своих народех словенских, яко вандалах, цымбрах, готфах, имя свое прославляющих, и в делах воинских цветущих, и победы восприемлющих, елики содеяша они с Римскою монархиею, и с цари греческими, и с прочими прилеглыми соседи, о их же славных воинских делех многия историки пишут…» (Лызлов 1990: 18). Здесь также идёт продолжение давней исторической традиции. Так славянство вандалов обосновывалось ещё в средневековье (Гийом де Рубрук, Хроника Дзежвы). Подобное мнение перекочевало в дальнейшем в труды эпохи Aevum modernum (А. Кранц, П. Суффрид, М. Меховский, М. Стрыйковский, М. Орбини и др.). Вандалов объявляли сарматами, пришедшими из Приазовья на Вислу (Вандалус), от которой и получили новое имя (Неменский 2018: 404). Писали историки Нового времени и о славянском происхождении готов (М. Орбини, А. Гваньини и др.).

Половцев и печенегов Лызлов указывает (СИ I, 3) потомками готов и «цымбров». «От них же» (то есть от «цымбров» и готов) «гепидов и литву, и прусов старых изшедших явно произведе» (Лызлов 1990: 19). Половцев, по мнению Лызлова, называли готами, «еже и истинно есть» (Лызлов 1990: 20). Также он отмечает, что народ печенегов, половцев, ятвягов и литвы «точию имяху между собою в наречии малую разность, яко поляки и россианы» (Лызлов 1990: 20). В данном отрывке Лызлов раскавыченно цитирует Стрыйковского: «От старшего сына Ноя произошли Киммерийцы, которые потом назвались Кимврами. От этого Гомера и его потомков кимвров пошли немцы… А также Готы, Половцы, Литва, Жмудь, Латыши (Lotwa), Ятвяги, древние Пруссы, Курши (Kurowie), Датчане, Шведы и Финны (Philandowie)» (Kron. pol. I, 2). Ср. также другой пассаж Стрыйковского: «… [наш рассказ] о Кимврах, Гепидах, Аланах и Готах, древних предках литовцев» (Kron. pol. II, 1).

Утверждения Лызлова и ранних польских историков о родстве нескольких германских и балтских народов можно сопоставить с современными данными о присутствии милитаризированных германских групп населения в Прибалтике в первые века новой эры. Данные superioribus barbari, носившие племенное имя «кимвры», вступили в противостояние с местным населением. Постепенно «кимвры» вытеснили айстов (эстиев) на восток, вплоть до верховьев Оки (Кулаков 2004: 82).

Противостоять им не могли ни местные балты, ни венеды (Кулаков 2004: 82). Однако, в гуннское время власть «кимвров» над краем ослабла – германцы ушли на юг, дабы обогатиться за счёт более благодатных земель и войн с дряхлеющей Римской империей, и тогда с востока на свои территории возвратились айсты (Кулаков 2004: 83). Обычаи германских пришельцев на Самбии сохранялись вплоть до 1-й пол. V в. н.э. (Кулаков 2003: 88). Айстская «реконкиста» в Самбии началась позднее, лишь со 2-й пол. V в. (Кулаков 2003: 69). Тем не менее, часть германоязычного населения оставалась на прежнем месте (Кулаков 1997: 361). Считается, что это были видиварии Иордана. Однако, здесь уже начались процессы смешения германцев с айстами (балтами западнобалтской культуры). Свидетельством этому является археология. Так у оставшихся германоязычных носителей вельбарской культуры существовал обряд безурнового трупосожжения. Кальцинированные кости, сопровождавшиеся янтарными бусинами, глиняными пряслицами, ножами и другим инвентарём, рассыпались в остатках погребального костра. Особняком среди таких могил выглядели урновые трупосожжения под каменными кладками. «Эта последняя черта ритуала остатков вельбарского населения в процессе массового исхода на юго-восток может быть первым симптомом германо-балтских этнических контактов на правобережье р. Ногаты» (Кулаков 1997: 361). Иными словами, можно говорить о контаминации остаточного германского и пришлого балтского населения в междуречье рек Ногаты и Паслэнки.

Также мы должны учитывать и особые связи балтов (прежде всего, галиндов) с готами и даже совместное участие в походах (при безусловном готском главенстве) в Западную Европу (Тарасов 2017: 96, 101-107). По всей вероятности, гепиды (или вандалы?) приняли участие в этногенезе народа вельтов (вильцев-лютичей средневековых хроник), изначально, вероятно, балтского (Тарасов 2018: 262, 265).

Полагаю, какое-то из этих событий (или несколько сразу) сохранилось в местных преданиях. Эта реминисценция могла послужить в дальнейшем поводом считать местные дифференцированные балтские «племена» потомками кимвров, гепидов и готов. Притом происхождение от готов у литовской шляхты считалось более «престижным», нежели от гепидов (Kron. pol. III, 1).

Представление о половцах как о готах (либо потомках готов) известно в Новое время (ср. у Герберштейна: «Русские утверждают, будто половцы – это готы (Gotthos)…»: Герберштейн 2008: 391). Особо распространено это мнение было в польской историографии. Ср., к примеру, у Меховского: «Половцы – это племя, обитавшее по северному берегу Эвксинского моря за Меотидскими болотами, которое другие называют готами (Gottos)» (Меховский 1936: 47). Он же выводит этноним половцы от слов охотники, грабители. В другом месте его книги есть такие строки: «…во время прихода и вторжения татар те земли населяли готы, называвшиеся у соседей половцами. На языке славян – русских и московитов это значит “хищники” и “грабители”, потому что, как ныне татары, так и тогда готы, подобно охотничьим псам, нападали на соседние народы, притесняли и грабили их» (Меховский 1936: 68). У Стрыйковского находим следующий фрагмент: «Переправившись через реку Волгу, [венгры] поразили Готов или Половцев, предков Литовских, живущих над Танаисом или рекой Доном и над (Азовским) морем, которое зовем Palus Meotis» (Kron. pol. I, 2). Возможно, отождествление половцев с древними готами или представление их потомками готов связано с локусом, на котором проживали те и другие. Половцы заняли часть тех земель, где раньше селились готы (ср. утверждение Стрыйковского, что готы двинулись во Фракию «с тех полей, которые за Киевом»: Kron. pol. II, 3). Не могу исключать и то, что половцами действительно были ассимилированы какие-то группы древнего готского населения, осевшего в Северном Причерноморье . Не исключено, что именно это дало повод для отождествления двух народов в эпоху Нового времени.

Выскажусь и насчёт родства кимвров со славянами, на котором настаивали Лызлов и некоторые другие историки. Помимо очевидной исторической связи с родственными славянам балтами (о которой речь шла выше), можно указать и на то, что классические кимвры, враги Рима, были, скорее всего, воинственными дружинами из многолюдной кельтизированной Центральной/Восточной Европы. Само название – кимвры – так и переводится ‘разбойники, бродяги’ (Щукин 1994: 151). Именно этим можно объяснить как кельтские имена их предводителей и изучение римским разведчиком Серторием кельтского языка (Plut. Sert. 3), так и необычайную многочисленность кимвров, сумевших не единожды разгромить римские армии – пожалуй, самые передовые армии тогдашнего мира. Указание Плутарха на «кельто-скифов» (Κελτοσκύθαι) (Plut. Marius 11), живших подле Меотиды, скорее всего, является свидетельством того, что в походах кимвров могли принимать участие выходцы из самых различных уголков кельтизированного «третьего мира» Европейского Барбарикума (Щукин 1993: 67). Археолог М.Б. Щукин полагал, что в составе кимврских полчищ могли находиться выходцы из зарубинецко-поянештской культурной общности, нижнеднепровские скифы и сарматы с берегов Меотиды (Щукин 1994: 151). Это коррелирует со свидетельством Посидония о военных походах кимвров до Приазовья (Strabo VII, 2, 2) и поздними свидетельствами об их меотидской прародине (Kron. pol. II, 1). Таким образом, скорее всего, в среде кимвров были выходцы из племён, принимавших в дальнейшем участие в этногенезе славян. В пользу этого приведу тот факт, что кимврская глосса Плиния Morimarusa ‘мёртвое море’ (Nat. Hist. IV 27) прекрасно выводится из праславянского *mor’e mьrъše (или раннепраслав. *mari mrŭsja?), сиречь ‘умершее море’ (Трубачев 2003: 44) . Помимо этого, известно, по меньшей мере, 18 лексем (по В.В. Мартынову), попавших в древности от праславян к носителям западно-германских диалектов – англам и саксам (до их миграции в Британию в V в.) (Седов 2002: 25) примерно в этом же, «кимврском», локусе.

Подведём итоги. Андрей Иванович Лызлов на страницах своей книги заводит речь о древних славянах всего лишь 3 раза (в самом начале). Один раз в связке со скифами и сарматами, второй – с праболгарами, третий – с ван-

далами, кимврами и готами. Так или иначе, все эти народы были соседями праславян, и это соседство дало свои плоды в славянской культуре и языке. Русских Лызлов записывает в «сарматы» («савроматы»), перенося традиции польского сарматизма на благодатную отечественную почву. В дальнейшем гипотеза о (скифо-)сарматском происхождении как отдельных славянских «племён», так и руси, приобрели значительное число сторонников, среди которых можно отметить имена таких историков, как М.В. Ломоносов, Г.В. Вернадский, А.Д. Удальцов, Б.А. Рыбаков, М.Ю. Брайчевский, С.Э. Цветков и др. Андрея Ивановича Лызлова с уверенностью можно назвать «русским сарматистом», одним из первых отечественных сторонников сарматского происхождения славян.

Взгляд Андрея Ивановича Лызлова на древнюю историю славян не был ни уникальным, ни оригинальным для его времени. Он всего лишь заимствовал сюжеты из трудов польских историков и преподносил их русскому читателю, что было характерным для отечественной историографии той эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1949 - Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1949.

Алексеев 2005 - Алексеев С.В. Славянская Европа V-VI веков. М.: Вече, 2005.

Археология 2006 - Археология: Учебник / Под редакцией академика РАН В.Л. Янина. М.: Издательство МГУ, 2006.

Богданов 1990 - Богданов А.П. Работа А.И. Лызлова над русскими и иностранными источниками // Лызлов Андрей. Скифская История. М.: Наука, 1990. С. 391-447.

Вернадский 1996 - Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 1996.

Гваньини 1997 - Гваньини А. Описание Московии. М.: Греко-латинский кабинет Г.А. Шичалина, 1997.

Герберштейн 2008 - Герберштейн С. Записки о Московии. Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского. Т. 1. М.: Памятники исторической мысли, 2008.

Геродот 1999 - Геродот. История. СПб.: Амфора, 1999.

Диакон 1988 - Диакон Лев. История. М.: Наука, 1988.

Жих 2011 - Жих М.И. Ранние славяне в Среднем Поволжье (по материалам письменных источников). СПб.; Казань: Вестфалика, 2011. 91 с.

Жих 2013 - Жих М.И. Арабская традиция об ас-сакалиба в Среднем Поволжье и именьковская культура: проблема соотношения // Страны и народы Востока. Вып. XXXIV. М.: Восточная литература, 2013. С. 165-186.

Жих 2015 - Жих М.И. Заметки о раннеславянской этнонимии (славяне в Среднем Поволжье в I тыс. н.э.) // Исторический формат. 2015. № 4. С. 129-150.

Иловайский 2003 - Иловайский Д.И. Начало Руси. М.: Астрель; АСТ, 2003.

Клейн 2007 - Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007.

Книга истории франков 2019 - Книга истории франков. 2019 / Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Gesta_Fr/frametext.htm (Дата обращения - 07.11.2019).

Крижанич 1965 - Крижанич Ю. Политика. М.: Наука, 1965.

Кулаков 1997 - Кулаков В.И. Эстии и видиварии // Балто-славянские исследования. 1988-1996. М.: Индрик, 1997. С. 359-372.

Кулаков 2003 - Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик, 2003.

Кулаков 2004 - Кулаков В.И. Древние воины Янтарного берега // Наука в России. 2004. № 3. С. 80-83.

Кулланда 2008 - Кулланда С.В. Scythica obsoleta // Вестник древней истории. 2008. № 1. С. 204-210.

Кулланда 2012 - Кулланда С.В. Скифские слова в Авесте? // Восток (Oriens). 2012. № 1. С. 18-22.

Кулланда 2016 - Кулланда С.В. Скифы: язык и этногенез. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016.

Лызлов 1990 - Лызлов А. Скифская История. М.: Наука, 1990.

Меховский 1963 - Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936.

Милюков 1913 - Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. Издание третье. СПб.: Издание М.В. Аверьянова, 1913.

Неменский 2018 - Неменский О.Б. Праистория славян в «Хронике Европейской Сарматии» Александра Гваньини // Вертоград многоцветный. Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 397-408.

Плутарх 1963 - Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах. Т. II. М.: Издательство АН СССР, 1963.

ПСРЛ. 1 - Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Издание второе. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1926-1928.

ПСРЛ. 16 - Полное собрание русских летописей. Т. 16. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. СПб., 1889.

ПСРЛ. 18 - Полное собрание русских летописей. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007.

ПСРЛ. 24 - Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. Петроград, 1921.

ПСРЛ. 25 - Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1949.

ПСРЛ. 26 - Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-пермская летопись. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1959.

ПСРЛ. 30 - Полное собрание русских летописей. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Наука, 1965.

ПСРЛ. 32 - Полное собрание русских летописей. Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М.: Наука, 1975.

Рогов 1967 - Рогов А.И. Известия по истории России в «Хронике всего света» Мартина Бельского // Новое о прошлом нашей страны. М.: Наука, 1967. С. 123-133.

Седов 2002 - Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Синопсис 2006 - Мечта о русском единстве. Киевский Синопсис (1674). М.: Европа, 2006.

Соболевский 1922 - Соболевский А.И. Русско-скифские этюды // Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук. Т. XXVII. М., 1922.

Соколов 1961 - Соколов С.Н. Авестийский язык. М.: Издательство восточной литературы, 1961.

Страбон 1964 - Страбон. География / Под общей редакцией С.Л. Утченко. М.: Наука, 1964.

Стрыйковский 2019 - Стрыйковский М. Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси. 2019 / Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Stryikovski_2/text1.htm (Дата обращения - 07.11.2019).

Тарасов 2017 - Тарасов И.М. Балты в миграциях Великого переселения народов // Исторический формат. 2017. № 3-4. С. 95-124.

Тарасов 2018 - Тарасов И.М. Балты в миграциях Великого переселения народов. Вельты // Аллея Науки. 2018. № 10 (26). Т. 1. Ноябрь. С. 255-273.

Татищев 1768 - Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Книга первая. Часть первая. М., 1768.

Татищев 1773 - Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Книга вторая. М., 1773.

Тацит 2019 - Корнелий Тацит. История. Анналы. 2019 / Электронный ресурс: http://ancientrome.ru/antlitr/tacit/index.htm (Дата обращения - 07.11.2019).

Третьяков 1953 - Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. Издание второе, переработанное и расширенное. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1953.

Трубачев 2003 - Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Издание второе, дополненное. М.: Наука, 2003.

Удальцов 1947 - Удальцов А.Д. Основные вопросы этногенеза славян // Советская этнография. Сборник статей. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1947. С. 3-13.

Чистякова 1990 - Чистякова Е.В. Примечания к книге А. Лызлова «Скифская история» // Лызлов Андрей. Скифская История. М.: Наука, 1990. С. 342-390.

Щукин 1993 - Щукин М.Б. Четыре загадки кимвров и тевтонов // Знание – сила! 1993. № 4. С. 60-67.

Щукин 1994 - Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб.: Фарн, 1994.

Юстин 2005 - Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae». СПб., 2005.

Kerkhof 2013 - Kerkhof P.A. Iraanse steppenvolkeren en hun namen // Twister. 2013. Zomer. S. 5-8.

Pliny 1855 - The Natural History of Pliny. Vol. I. London: Henry G. Bohn, York Street, Covent Garden, 1855.

Ptolemaei 1843 - Ptolemaei C. Geographia. Editio stereotipa. Tom I. Lipsiae, 1843.

REFERENCES

Abaev 1949 - Abaev V.I. Osetinskij yazyk i fol’klor. T. I [Ossetian language and folklore. Volume I], Moscow; Leningrad, Izdatel’stvo AN SSSR Publ., 1949 [in Russian].

Alekseev 2005 - Alekseev S.V. Slavyanskaya Evropa V-VI vekov [Slavic Europe V-VI centuries], Moscow, Veche Publ., 2005 [in Russian].

Arheologiya 2006 - Arheologiya: Uchebnik / Pod redakciej akademika RAN V.L. Yanina [Archeology: Textbook / Edited by Academician of the RAS V.L. Ioannina], Moscow, Izdatel’stvo MGU Publ., 2006 [in Russian].

Bogdanov 1990 - Bogdanov A.P. Rabota A.I. Lyzlova nad russkimi i inostrannymi istochnikami [Work A.I. Lyzlov over Russian and foreign sources], in: Lyzlov Andrej. Skifskaya Istoriya [Scythian History], Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 391-447 [in Russian].

Chistyakova 1990 - Chistyakova E.V. Primechaniya k knige A. Lyzlova «Skifskaya istoriya» [Notes to A. Lyzlov’s book “Scythian History”], in: Lyzlov Andrej. Skifskaya Istoriya [Scythian History], Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 342-390 [in Russian].

Diakon 1988 - Diakon Lev. Istoriya [Story], Moscow, Nauka Publ., 1988 [in Russian].

Gerbershtejn 2008 - Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii. Latinskij i nemeckij teksty, russkie perevody s latinskogo. T. 1 [Notes on Moscovy. Latin and German texts, Russian translations from Latin. Volume 1], Moscow, Pamyatniki istoricheskoj mysli Publ., 2008 [in Russian].

Gerodot 1999 - Gerodot. Istoriya [Story], St. Petersburg, Amfora Publ., 1999 [in Russian].

Gvan’ini 1997 - Gvan’ini A. Opisanie Moskovii [Description of Moscovy], Moscow, Greko-latinskij kabinet G.A. Shichalina Publ., 1997 [in Russian].

Ilovajskij 2003 - Ilovajskij D.I. Nachalo Rusi [The beginning of Russia], Moscow, Astrel’ Publ.; AST Publ., 2003 [in Russian].

Kerkhof 2013 - Kerkhof P.A. Iraanse steppenvolkeren en hun namen [Iranian steppe peoples and their names], in: Twister, 2013, Zomer, pp. 5-8 [in Dutch].

Klejn 2007 - Klejn L.S. Drevnie migracii i proiskhozhdenie indoevropejskih narodov [Ancient migrations and the origin of the Indo-European peoples], St. Petersburg, 2007 [in Russian].

Kniga istorii frankov 2019 - Kniga istorii frankov [Franks History Book], 2019, Electronic resource: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Gesta_Fr/frametext.htm (Date of access - 07.11.2019) [in Russian].

Krizhanich 1965 - Krizhanich Yu. Politika [Politics], Moscow, Nauka Publ., 1965 [in Russian].

Kulakov 1997 - Kulakov V.I. Estii i vidivarii [Estia and Vidivarii], in: Balto-slavyanskie issledovaniya. 1988-1996 [Balto-Slavic studies. 1988-1996], Moscow, Indrik Publ., 1997, pp. 359-372 [in Russian].

Kulakov 2003 - Kulakov V.I. Istoriya Prussii do 1283 g. [History of Prussia until 1283], Moscow, Indrik Publ., 2003 [in Russian].

Kulakov 2004 - Kulakov V.I. Drevnie voiny Yantarnogo berega [Ancient Amber Coast Warriors], in: Nauka v Rossii [Science in Russia], 2004, № 3, pp. 80-83 [in Russian].

Kullanda 2008 - Kullanda S.V. Scythica obsoleta, in: Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History], 2008, № 1, pp. 204-210 [in Russian].

Kullanda 2012 - Kullanda S.V. Skifskie slova v Aveste? [Scythian words in the Avesta?], in: Vostok [Oriens], 2012, № 1, pp. 18-22 [in Russian].

Kullanda 2016 - Kullanda S.V. Skify: yazyk i etnogenez [Scythians: language and ethnogenesis], Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ., 2016 [in Russian].

Lyzlov 1990 - Lyzlov A. Skifskaya Istoriya [Scythian History], Moscow, Nauka Publ., 1990 [in Russian].

Mekhovskij 1963 - Mekhovskij M. Traktat o dvuh Sarmatiyah [A treatise on two Sarmatians], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1936 [in Russian].

Milyukov 1913 - Milyukov P.N. Glavnye techeniya russkoj istoricheskoj mysli. Izdanie tret'e [The main trends of Russian historical thought], St. Petersburg, Izdanie M.V. Aver'yanova Publ., 1913 [in Russian].

Nemenskij 2018 - Nemenskij O.B. Praistoriya slavyan v «Hronike Evropejskoj Sarmatii» Aleksandra Gvan'ini [Prehistory of the Slavs in the «Chronicle of European Sarmatia» by Alexander Gvanyini], in: Vertograd mnogocvetnyj. Sbornik k 80-letiyu Borisa Nikolaevicha Flori [Vertograd multicolor. Collection to the 80th anniversary of Boris Nikolaevich Flory], Moscow, 2018, pp. 397-408 [in Russian].

Pliny 1855 - The Natural History of Pliny, Vol. I, London: Henry G. Bohn Publ.; York Street Publ.; Covent Garden Publ., 1855 [in English].

Plutarh 1963 - Plutarh. Sravnitel'nye zhizneopisaniya v trekh tomah. T. II [Comparative biographies in three volumes. Volume II], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1963 [in Russian].

PSRL. 1 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 1. Lavrent'evskaya letopis'. Izdanie vtoroe [Complete collection of Russian chronicles. Volume 1. Laurentian Chronicle. Second Edition], Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1926-1928 [in Russian].

PSRL. 16 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 16. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Letopis'yu Avraamki [Complete collection of Russian chronicles. Volume 16. Annalistic collection called the Annals of Abraham], St. Petersburg, 1889 [in Russian].

PSRL. 18 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 18. Simeonovskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Volume 18. Simeonov Chronicle], Moscow, 2007 [in Russian].

PSRL. 24 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 24. Tipografskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Volume 24. Typographical Chronicle], Petrograd, 1921 [in Russian].

PSRL. 25 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 25. Moskovskij letopisnyj svod konca XV veka [Complete collection of Russian chronicles. Volume 25. Moscow annals of the end of the 15th century], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1949 [in Russian].

PSRL. 26 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 26. Vologodsko-permskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Volume 26. Vologda-Perm Chronicle], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1959 [in Russian].

PSRL. 30 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 30. Vladimirskij letopisec. Novgorodskaya vtoraya (Arhivskaya) letopis' [Complete collection of Russian chronicles. Volume 30. Vladimir chronicler. Novgorod Second (Archival) Chronicle], Moscow, Nauka Publ., 1965 [in Russian].

PSRL. 32 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 32. Hroniki: Litovskaya i Zhmojtskaya, i Byhovca. Letopisi: Barkulabovskaya, Averki i Pancyrnogo [Complete collection of Russian chronicles. Volume 32. Chronicles: Lithuanian and Zhmoyt, and Bykhovets. Annals: Barkulabovskaya, Averka and Pantsyrnogo], Moscow, Nauka Publ., 1975 [in Russian].

Ptolemaei 1843 - Ptolemaei C. Geographia. Editio stereotipa. Tom I [Geography. The publication is stereotyped. Volume I], Lipsiae, 1843 [in German].

Rogov 1967 - Rogov A.I. Izvestiya po istorii Rossii v «Hronike vsego sveta» Martina Bel'skogo [News on the history of Russia in the Chronicle of the Whole World by Martin Belsky], in: Novoe o proshlom nashej strany [New about the past of our country], Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 123-133 [in Russian].

Sedov 2002 - Sedov V.V. Slavyane: Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs: Historical and archaeological research], Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002 [in Russian].

Shchukin 1993 - Shchukin M.B. Chetyre zagadki kimvrov i tevtonov [The Four Puzzles of the Cimbri and Teutons], in: Znanie – sila! [Knowledge is power!], 1993, № 4, pp. 60-67 [in Russian].

Shchukin 1994 - Shchukin M.B. Na rubezhe er [At the turn of the era], St. Petersburg, Farn Publ., 1994 [in Russian].

Sinopsis 2006 - Mechta o russkom edinstve. Kievskij Sinopsis (1674) [The dream of Russian unity. Kiev Synopsis (1674)], Moscow, Evropa Publ., 2006 [in Russian].

Sobolevskij 1922 - Sobolevskij A.I. Russko-skifskie etyudy [Russian-Scythian studies], in: Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii Nauk. T. XXVII [Bulletin of the Russian Language and Literature Academy of Sciences. Volume XXVII], Moscow, 1922 [in Russian].

Sokolov 1961 - Sokolov S.N. Avestijskij yazyk [Avestian language], Moscow, Izdatel'stvo vostochnoj literatury Publ., 1961 [in Russian].

Strabon 1964 - Strabon. Geografiya / Pod obshchej redakciej S.L. Utchenko [Geography / Under the general editorship of S.L. Utchenko], Moscow, Nauka Publ., 1964 [in Russian].

Stryjkovskij 2019 - Stryjkovskij M. Hronika pol'skaya, litovskaya, zhmudskaya i vsej Rusi [Chronicle of Polish, Lithuanian, Zhmud and all of Russia], 2019, Electronic resource: http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Stryikovski_2/text1.htm (Date of access - 07.11.2019) [in Russian].

Tacit 2019 - Kornelij Tacit. Istoriya. Annaly [Story. Annals], 2019, Electronic resource: http://ancientrome.ru/antlitr/tacit/index.htm (Date of access - 07.11.2019) [in Russian].

Tarasov 2017 - Tarasov I.M. Balty v migraciyah Velikogo pereseleniya narodov [The Balts in the Migration Period], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 3-4, pp. 95-124 [in Russian].

Tarasov 2018 - Tarasov I.M. Balty v migraciyah Velikogo pereseleniya narodov. Vel'ty [The Balts in the Migration Period. Welts], in: Alleya Nauki. 2018. № 10 (26). T. 1. Noyabr' [Alley of Science. 2018.No 10 (26). Volume 1. November], pp. 255-273 [in Russian].

Tatishchev 1768 - Tatishchev V.N. Istoriya Rossijskaya s samyh drevnejshih vremen. Kniga pervaya. Chast' pervaya [Russian history from the most ancient times. Book one. Part one], Moscow, 1768 [in Russian].

Tatishchev 1773 - Tatishchev V.N. Istoriya Rossijskaya s samyh drevnejshih vremen. Kniga vtoraya [Russian history from the most ancient times. Book two], Moscow, 1773 [in Russian].

Tret'yakov 1953 - Tret'yakov P.N. Vostochnoslavyanskie plemena. Izdanie vtoroe, pererabotannoe i rasshirennoe [East Slavic tribes. Second Edition, revised and expanded], Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR Publ., 1953 [in Russian].

Trubachev 2003 - Trubachev O.N. Etnogenez i kul'tura drevnejshih slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya. Izdanie vtoroe, dopolnennoe [Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs. Linguistic research. Second Edition, revised], Moscow, Nauka Publ., 2003 [in Russian].

Udal'cov 1947 - Udal'cov A.D. Osnovnye voprosy etnogeneza slavyan [The main issues of ethnogenesis of the Slavs], in: Sovetskaya etnografiya. Sbornik statej [Soviet ethnography. Digest of articles], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1947, pp. 3-13 [in Russian].

Vernadskij 1996 - Vernadskij G.V. Drevnyaya Rus' [Ancient Russia], Tver, LEAN Publ.; Moscow, AGRAF Publ., 1996 [in Russian].

Yustin 2005 - Yustin. Epitoma sochineniya Pompeya Troga «Historiae Philippicae» [Epitome by Pompey Trog «Historiae Philippicae»], St. Petersburg, 2005 [in Russian].

Zhih 2011 - Zhih M.I. Rannie slavyane v Srednem Povolzh'e (po materialam pis'mennyh istochnikov) [Early Slavs in the Middle Volga (based on written sources)], St. Petersburg; Kazan, Vestfalika Publ., 2011, 91 p. [in Russian].

Zhih 2013 - Zhih M.I. Arabskaya tradiciya ob as-sakaliba v Srednem Povolzh'e i imen'kovskaya kul'tura: problema sootnosheniya [The Arab tradition of al-Sakalib in the Middle Volga region and Imenkovskaya culture: the problem of correlation], in: Strany i narody Vostoka. Vyp. XXXIV [Countries and peoples of the East. Issue XXXIV], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2013, pp. 165-186 [in Russian].

Zhih 2015 - Zhih M.I. Zametki o ranneslavyanskoj etnonimii (slavyane v Srednem Povolzh'e v I tys. n.e.) [Notes on the early Slavic ethnonymics (Slavs in the Middle Volga region in the 1st millennium AD)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 4, pp. 129-150 [in Russian].

Тарасов Илья Михайлович
– Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия).

Ilya Tarasov
– Independent Researcher (St. Petersburg, Russia).

tarasowilya@yandex.ru

САМО: ИНОЗЕМЕЦ И ВОПЛОЩЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО УКЛАДА. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЖИХ М.И. СЛАВЯНСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ САМО И ЕГО «ДЕРЖАВА» (623-658). ИСТОЧНИКИ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ, СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. СПб., 2019. 148 с.

И.Ю. Васильев
Научно-исследовательский центр традиционной культуры
«Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия)
e-mail: ivasee@mail.ru
SPIN-код: 8437-3902

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В рецензии рассматривается книга петербургского историка М.И. Жиха, посвящённая славянскому правителю Само и его «державе» – одному из первых известных по источникам славянских предгосударственных объединений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Само, славяне, франки, авары, общественный строй.

SAMO: AN ALIEN AND AN EMBODIMENT OF THE SLAVIC WAY OF LIFE. REVIEW TO THE BOOK SLAVIC RULER SAMO AND HIS ‘EMPIRE’ (623-658). SOURCES, LOCALIZATION, SOCIO-POLITICAL ORGANIZATION, HISTORICAL SIGNIFICANCE, by M.I. ZHIKH (SPb., 2019.148 p.)

Igor Vasilyev
Research Center of traditional culture
«The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia)
e-mail: ivasee@mail.ru

ABSTRACT
The review examines the book by St. Petersburg historian M.I. Zhikh dedicated to the Slavic ruler Samo and his ‘empire’ - one of the first recorded pre-state tribal unions of the Slavs.

KEYWORDS: Samo, Slavs, Franks, Avars, social order.

Книга М.И. Жиха (Жих 2019) – одна из самых интересных новинок исторической литературы 2019 года. В работе дан ёмкий анализ историографии и источников, проливающих свет на личность Само, особенности его политики и социума, который он возглавлял (Жих 2019: 4-24).

Очень важно, что М.И. Жих представил в работе собственные переводы латиноязычных источников. Ведь концепций в славистике велико множество, а источников для их подтверждения либо опровержения часто не хватает (Жих 2019: 113-116).

На основе имеющихся материалов в работе даны обобщённые выводы о вероятном происхождении Само: «Вероятнее всего видеть в Само опытного галло-римского купца, возможно, ранее служившего в армии или привыкшего защищать своё добро с оружием в руках в ходе торговых экспедиций, что позволило ему легко присоединиться к славянам в их битвах с аварами и проявить себя в них доблестным воином, блестящим тактиком и стратегом. Благодаря этому Само заслужил такое уважение славян, что они, подобно жителям города, спасённого в былинах Ильёй Муромцем, избрали его своим князем. Осторожно можно высказать предположение, что Само по каким-то причинам находился в оппозиции к франкским властям (возможно, будучи галло-римлянином, он принадлежал к той их части, которая была недовольна политическим господством франков в их стране) или как-то пострадал от них, поэтому став славянским князем, он проявил крайне враждебное отношение к Франкскому королевству» (Жих 2019: 103).

вернуться к оглавлению ▲

А также социальной специфике общества, которая позволила достичь ему вершин власти: «Демократические порядки предков чехов с народным избранием судей и вождей из числа наиболее достойных по своим качествам мужей описывает Козьма Пражский (ок. 1045 – 1125): “Если только среди племени или в составе рода оказывался кто-либо, обладающий лучшими нравами и более уважаемый за своё богатство, люди добровольно обращались к такому человеку без его вызова, без свидетельства с печатью и с полной свободой толковали о своих спорных делах и о тех обидах, которые им нанесены. Среди таких людей выделился некий человек, по имени Крок, его именем назван град, заросший теперь уже деревьями и расположенный в лесу, что близ деревни Збечно. Соплеменники считали этого человека совершенным. Он располагал большим имуществом, а при рассмотрении тяжб вёл себя рассудительно; к нему шёл народ не только из его собственного племени, но и со всей страны, подобно тому как к ульям слетаются пчёлы, так к нему стекался народ для разрешения своих тяжб”» (Жих 2019: 37).

Можно предположить, что власть Само была сильной и, вероятно, не во всём демократичной. О чём говорит возможная трактовка имени Само, как происходящего от титула или прозвища, например, «самовластец», «самодержец» (Жих 2019: 31-33). Такая специфика власти в славянских странах не раз оправдывала себя в ситуации жесткого военного давления с разных сторон, например, со стороны кочевников с одной стороны, и европейских стран – с другой.

При этом демократизм, привлекательность для ищущих справедливости, первостепенное значимость личной репутации, а не происхождения для получения каких либо полномочий, создание новых сообществ по территориальному принципу – всё это было в значительной мере присуще раннему славянскому казачеству XVI-XVII вв. Оно в период своего становления и развития сполна задействовало указанные выше общеславянские культурообразующие принципы.

Вероятно, сведения об укладе жизни славянских казаков XVI-XVII вв. в какой-то степени могут быть использованы для реконструкции уклада жизни расселяющихся славян VI-VII вв. Хотя в какой – тема для отдельного исследования. Нельзя забывать и о тюркском влиянии на раннее казачество, воздействии традиций профессиональных военных XVI-XVII вв. и пр. К тому же казаки были выходцами из гораздо более сложного и развитого общества, чем славяне VI-VII вв. Огромное влияние на уклад жизни ранних казаков оказали конкретно-исторические и природные условия, в которых они оказались. Тем более, что большинство значимых исторических явлений, как правило, имеет несколько разнородных причин возникновения.

При этом вполне возможно, что в XVI-XVII вв. наследие древних славян сохранялось в виде народной памяти о вечевых порядках в русских землях предыдущей эпохи[1], а так же принципов низовой социальной организации на основе горизонтальных социальных связей. Последняя была присуща представителям самых разных социально-профессиональных групп, и в условиях ухода в Дикое поле, отрыва от государства, могла вновь стать на некий период времени основной формой устройства общества.

В книги есть весьма уместное сравнения избрания правителем Само и призвания варягов на Русь. Национальное происхождение лидера здесь не имеет особого значения – он интегрируется в славянскую политическую традицию и этническую культуру, выступает выразителем интересов местных жителей: «На наш взгляд, в качестве приоритетной должна рассматриваться версия о галло-римском происхождении Само, при этом данный вопрос не следует считать принципиальным. Избрание князя из числа выдающихся по своим личным качествам мужей – традиционное для славян и других народов периода “военной демократии” явление… в истории Само, решающее значение имеет не этническая принадлежность или происхождение, а личные качества человека как воина, полководца, политика и дипломата… Ближайшей в славянском мире типологической аналогией избрания среднеевропейскими славянами своим князем Само является “призвание” словенами и их союзниками (кривичами, мерей и чудью) в IX в. в качестве своего правителя варяга Рюрика… Появление Рюрика в землях словен, главенствовавших в северной восточнославянской политии, стало результатом определённого соглашения, “ряда”, между ним и словенами, а также их союзниками (кривичами, мерей и чудью)» (Жих 2019: 33-36).

Весьма интересны приведенные в работе гипотезы происхождения этнонима «чехи», трактовка сербов и хорватов как частей прежде единого народа: «Этноним *чехи* (чешское *češi*) образован при помощи уменьшительного форманта *-хъ от праславянского **čel-* (продуктивный корень *kel/kol-*, ср. **pokolení, *koleno*), отражённого в словах **člověkъ, *čelędь* (исходное значение “дети, младшие члены семьи”), **člen* и т.д., с первоначальным значением “род”, то есть *чехи* – это буквально «члены одного рода (единой общности)… Типологической аналогией имени чехи в славянском мире является этноним сербы, имеющий близкую семантику. Согласно наиболее убедительной этимологии Г.А. Ильинского, он связан с украинским *присербитися* – “*присоединиться, пристать, привязаться*” (от глагола *сербити* – “*связывать, цеплять, соединять*”), общеславянским пасерб – “*пасынок*” (*русское пасерб; пасербка, пасербица – “падчерица”; украинское пасерб; болгарское пасерб; польское pasierb*). *Серб* – изначально “человек, который является членом родового союза” или задруги, в отличие от *пасерба* (образование, параллельное *pa-synъkъ* – “пасынок”, *pa-dъkterica* – “падчерица” и т.п.) – “незаконного или вообще неполноправного члена того же союза (задруги)… можно высказать гипотезу, что изначально, ещё до своей балканской миграции, сербы и хорваты представляли собой две фратрии одного славянского этнополитического объединения, расположенного в Центральной Европе.

Дуальная организация была построена, с одной стороны, на принципе взаимного заключения браков между представителями двух фратрий, а с другой стороны

1 Конечно, вечевой уклад не был копией древнеславянского социального устройства. Но народная память вполне могла выделить в нём сходные с древнеславянскими элементы, такие как относительный демократизм.

– на их ритуальном соперничестве. Причём это соперничество могло переживать собственно классическую дуальную организацию и дальше превращаться, например, в конкуренцию городских районов, социальных или этнических групп, в которые, со временем, могли трансформироваться фратрии. Не в этом ли наследии тех времён, когда сербы и хорваты были двумя фратриями одной славинии, надо искать корни их традиционного исторического соперничества?

Г.А. Ильинский показал, что первоначально славянское *chъrvatь* (от индоевропейского **kher-* – "резать") означало "защитник", причём это значение могло развиться из более древнего "борец, боец" или даже "храбрец". А. Брюкнер сопоставил *chъrv-* со словацким *charviti se* – "сопротивляться, защищаться" (от **skъrv-*), родственным латинскому servare (откуда *armare* – "вооружаться"), литовскому *šarvas* – "оружие, броня, доспехи" (откуда *sarvotas* – "вооруженный, одетый в латы"), готскому *sarwa* – "оружие, доспехи" и другим соответствующим понятиям в индоевропейских языках.

Суффиксальное оформление *-at* аналогично *рогат'ый, бород-ат'ый, gębat'y, rosoch-at'y* и т.д. Соответственно, *hrvat* ("хорват") – "защитник, вооружённый". В том же направлении "оружейной" этимологии этнонима хорваты идут поиски и ряда других исследователей.

Подобное образование этнонимов для славян нехарактерно, но если допустить, что изначально хорваты были одной из двух фратрий сербского «племени», лишь впоследствии трансформировавшейся в отдельный этнос, то оно представляется вполне вероятным: именование представителей одной из соперничающих фратрий "бойцами" или "храбрецами" выглядит логичным. Константин Багрянородный характеризует пришедших в Далмацию хорватов как очень воинственную общность. Л. Нидерле констатировал: "хорваты и сербы пришли на юг как сильные племена, следовательно, покидая Прикарпатье, они представляли значительную силу" (Жих 2019: 69-70, 82-88).

В этой связи важно отметить способность славян быстро и эффективно переформатировать свою политическую организацию, что позволяло быстро достичь значительных успехов: «…собравшиеся под скипетром удачливого вождя-иноземца, не связанного ни с одним из местных "племён", славяне, рвавшие со своей привычной "племенной" средой, могли назвать себя новым именем, подчёркивающим их единство, но принципиально отличным от традиционных "племенных" славянских имён... Так через распад "старых" славянских "племён", и соединение их частей на новой основе (явление типологически сходное с греческим синойкизмом или формированием римской общины) вокруг князя Само, сформировался "новый род" славян – чехи, ставший ядром кристаллизации политического объединения славян Центральной Европы от лужицких сербов до карантанцев» (Жих 2019: 71-73).

Действительно: «Победы Само над франками дали им надёжную острастку и на многие десятилетия остановили франкский "натиск на восток", который возобновился только при Карле Великом, начавшем новое наступление на чехов, потомков жителей "державы" Само и на их союзников сербов. Тем самым, среднеевропейские славяне получили достаточную передышку для спокойного развития своей экономики, социальной системы, политической жизни и культурного творчества. В этом, наряду с тем, что "держава" Само вывела западнославянский политогенез на новую ступень, состоит её историческое значение для судеб славянского мира» (Жих 2019: 104).

Это, прежде всего, показывается изначально присущую славянскому укладу жизни способность давать быстрый и эффективный ответ, адекватный конкретным социально-историческим и природным вызовам, во многом за счёт возможности для талантливых и ярких личностей реализовывать себя на благо общества.

ЛИТЕРАТУРА

Жих 2019 - Жих М.И. Славянский правитель Само и его «держава» (623-658). Источники, локализация, социально-политическая организация, историческое значение. СПб., 2019. 148 с.

REFERENCES

Zhih 2019 - Zhih M.I. Slavyanskij pravitel' Samo i ego «derzhava» (623-658). Istochniki, lokalizaciya, social'no-politicheskaya organizaciya, istoricheskoe znachenie [Slavic ruler Samo and his «power» (623-658). Sources, localization, socio-political organization, historical significance], St. Petersburg, 2019, 148 p. [in Russian].

Васильев Игорь Юрьевич
– Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия).

Igor Vasilyev
– Candidate of Historical Sciences, Senior research associate of the Research Center of traditional culture «The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia).

ivasee@mail.ru

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus, в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрической базе данных РИНЦ и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государст-венную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

ПОРЯДОК СДАЧИ МАТЕРИАЛА:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения — 0,5 п.л., рецензии — 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc ., docx ., rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).

2Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.

3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.

4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, примечания, список использованной литературы (название

«Литература»), список литературы в романском алфавите (название “References”).

Параметры оформления статьи: выравнивание — по ширине листа; первая строка — отступ 1,25; межстрочный интервал — одинарный; шрифт — Times New Roman; размер — 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» — оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу http://translit.ru (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в последнем опубликованном номере журнала. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

вернуться к оглавлению ▲

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2019, № 2

* * *

ЭЛЕКТРОННОЕ
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 16.04.2020
Формат 210x297
Электронный файл PDF
Гарнитура «Source Sans Pro»

Издатель: Редакция журнала
«Исторический формат»

Верстка: Пезиков В.Н.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей, не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

* * *

E-mail редакции: **mail@histformat.com**
Официальный сайт: **http://histformat.com/**

ISSN 2411-9415

▲ вернуться к оглавлению

http://histformat.com/